

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT

№ 4

To the Source:
History, Source Studies, Archaeography

Scientific quarterly

Moscow 2021

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ

№ 4

К источнику:
история, источниковедение, археография

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2021

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, *д-р ист. наук, проф. (председатель)*

Н.И. Архипова, *д-р экон. наук, проф.*

Л.Н. Вдовиченко, *д-р социол. наук, проф.*, В.Д. Губин, *д-р филос. наук, проф.*
доктор Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

В.И. Заботкина, *д-р филол. наук, проф.*, Г.И. Зверева, *д-р ист. наук, проф.*

И.И. Исаев, *канд. филол. наук, доц.*, В.А. Колотаев, *д-р филол. наук, проф.*

Н.Л. Лепе, *канд. физ.-мат. наук, доц.*, А.П. Логунов, *д-р ист. наук, проф.*

Б.И. Медведев, *канд. экон. наук, доц.*, С.Ю. Неклюдов, *д-р филол. наук, проф.*
О.В. Павленко, *канд. ист. наук, доц.*, Н.В. Ростиславлева, *д-р ист. наук, проф.*

И.С. Смирнов, *канд. филол. наук*, А.А. Столяров, *канд. ист. наук, доц.*

П.П. Шкаренков, *д-р ист. наук, проф.*

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, *гл. ред., д-р ист. наук, доц.*, И.П. Азерникова, *канд. ист. наук, доц.*

П.А. Алипов, *канд. ист. наук, доц.*, Ю.Г. Бит-Юнан, *д-р филол. наук, доц.*

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*, Е.А. Косован, *канд. ист. наук, доц.*

И.С. Курилович, *канд. филос. наук, ст. науч. сотр.*

С.С. Новосельский, Е.П. Охупкина, Н.В. Петров, *канд. филол. наук, доц.*

Н.С. Петрова, *канд. филол. наук, науч. сотр.*, Л.А. Печищева, *канд. ист. наук, доц.*

Н.А. Филин, *д-р ист. наук, доц.*, Л.С. Холкина, *канд. филол. наук, ст. науч. сотр.*

Ответственный за выпуск

Н.А. Комочев, *канд. ист. наук, доц.*

СОДЕРЖАНИЕ

Н.А. Комочев
Предисловие 9

Власть и чувства в истории

Баженов Е.А.
Формы власти у аламаннов и квадов
во второй половине IV в. н. э.
(по сведениям Аммиана Марцеллина) 11

Мойса А.А.
«Умиротворенная вдова господина доктора Мартина Лютера»:
публикация письма Катарины фон Бора 22

Шипицына Ю.С.
Чувственные аспекты научного энтузиазма
британских ботаников XVIII в. 27

Искусство в историческом исследовании

Николаева А.Г.
Интерьер русской усадьбы первой половины XIX в.
как феномен культуры 36

Клоос Э.В.
По следам В.А. Гиляровского:
изучение поэтического творчества автора
в контексте биографии 42

Мининкова Н.Н.
Мемуары и дневники А.Г. Коонен как источник
для изучения театральной жизни Москвы начала XX в. 49

Прибыткова Я.В.
Предчувствие перемен: оттепель
в советском кинематографе 60-х гг. XX в.
на примере фильма «Июльский дождь» 55

«Москва... как много в этом звуке»

Александрыйский Г.А.
«Где найдешь Москву другую...»: школа М.Ф. Казакова
в мемуарах архитектора В.А. Бакарева 60

Ильяшенко А.Ф.
Восприятие российскими немцами
событий сентября–октября 1812 г. в Москве
по мемуарам И.-А. Розенштрауха и А.В. Нордхофа 65

Документ, архив, личность

Карандеева А.А.
Личный архив участника Гражданской войны
А.Г. Козлова (1888–1969): к истории формирования 73

Советская повседневность: взгляд изнутри и со стороны

Королева А.В.
Репортажи Антуана де Сент-Экзюпери о СССР
(газета “Paris-soir”, май 1935 г.) 80

Фоломеев Д.С.
Новые направления развития
общественного питания СССР в послевоенный период 86

Кафедра

Комочев Н.А.
Методические рекомендации
по подготовке учебных рецензий
на документальные публикации 92

Комочев Н.А.
Выпускная квалификационная работа
по археографии: задачи и стратегии 95

Abstracts 98

Сведения об авторах 105

CONTENTS

Komochev Nikita A.

Introduction 9

Power and sense in history

Moisa Anna A.

“The pacified widow of Dr. Martin Luther”:
a publication of Katharina’s von Bora letter 11

Shipitsyna Yuliya S.

The sensual aspects of British botanist’s
scientific enthusiasm of the 18th century 22

Mininkova Nadezhda N.

“We couldn’t believe we were still alive...”.
Memoirs from a front-line diary of Staff Sergeant
Egor Andreevich Minenkov of the 343rd Bialystok Rifle Division 27

Art history

Nikolaeva Anastasiya G.

The interior of a Russian manor of the first half
of the 19th century as a cultural phenomenon 36

Kloos Emiliya V.

Following V.A. Gilyarovsky: the study of the author’s poetry
in the context of biography 42

Mininkova Nadezhda N.

Memoirs and diaries of A.G. Koonen as a source
for studying the theatrical life of Moscow
at the beginning of the 20th century 49

Pribytkova Yana V.

A premonition of change: the thaw
in Soviet cinema in the sixties of the 20th century
on the example of film “July rain” 55

History of Moscow

Aleksandriiskii Georgii A.
“There is hardly another such Moscow...”:
Architectural school of Matvei Kazakov in the memoirs
of architect Vladimir Bakarev 60

Il'yashenko Aleksandr F.
The perception by the Russian Germans
of the Napoleon's Moscow capture 65

Document, archive, person

Karandeeva Anna A.
Personal archive of A.G. Kozlov (1888–1969) – a participant
of the Russian Civil war: how it was formed 73

Soviet everyday life: an inside and outside view

Koroleva Anna V.
Reports by Antoine de Saint-Exupéry about the USSR
(Newspaper “Paris-soir”, may 1935) 80

Folomeev Dmitrii S.
New directions of development in public catering
of the USSR in the post-war period 86

Chair

Komochev Nikita A.
Methodological recommendations
for the educational review of documentary publications 92

Komochev Nikita A.
Final qualifying work in archaeography: tasks and strategies 95

Abstracts 98

Authors' data 106

Н.А. Комочев

Предисловие

Доверие к историкам удерживается надолго благодаря общеизвестности излагаемых ими фактов; а оригинальные документы и согласные свидетельства многих авторов подтверждают истину слов их в отдаленных веках.

Генри Фильдинг, «История Тома Джонса, найденныша» (1749)¹

Мир дряхлеет; история – это память человечества, и, как таковая, она подвержена всем недугам, страдает пробелами, слабеет, а потому должна всегда и неизменно опираться на подлинные, оригинальные документы, обновляться, обращаться к первоисточникам во избежание ошибок и пустой болтовни.

Альфонс Додэ, «Бессмертный» (1888)²

Настоящий выпуск журнала продолжает традицию тематических номеров. В центре внимания данного номера – исторический источник в его источниковедческом, археографическом, историко-культурном, социальном и иных измерениях. Статьи сгруппированы по тематике с учетом хронологии изучаемых эпох.

Первый раздел включает работы по всеобщей истории, начиная с изучения форм власти варварских племен времени заката Римской империи и заканчивая историей чувственно-эмоциональной жизни людей эпохи Реформации и Нового времени. Несмотря на кажущуюся разнородность материалов раздела, они объединены стремлением к пониманию мышления и поступков людей разных веков, что в значительной мере служит общим камертоном для всех статей выпуска.

Второй раздел посвящен искусству в историческом исследовании, здесь рассматриваются дизайн интерьера дворянской усадьбы, поэтическое наследие В.А. Гиляровского, мемуары и дневники актрисы А.Г. Коонен, в контексте 1960-х гг. интерпретируется фильм М.М. Хуциева «Июльский дождь». Источниковедение истории искусства при всей своей увлекательности и мнимой на первый взгляд простоте и очевидности на самом деле представляет весьма непростое для работы направление. Помимо эрудиции и хорошего знания историко-культурного контекста, исследователю необходимо обладать навыками работы со всей палитрой характерной специфики

¹ Фильдинг Г. История Тома Джонса, найденныша / Пер. А. Франковского. М., 1973. С. 336 (Б-ка всемирной лит-ры. Серия 1. Т. 62).

² Додэ А. Бессмертный / Пер. Э.Б. Шлосберг. М., 1952. С. 160.

творческих материалов и документов личного происхождения с их эмоциональностью, субъективностью, образностью.

Статьи следующего, третьего раздела объединены темой Москвы XVIII – начала XIX столетия в освещении источников личного происхождения. Авторы проанализировали источники первой половины XIX в.: воспоминания архитектора В.А. Бакарева, а также мемуары И.-А. Розенштрауха и А.В. Нордхофа.

Четвертый раздел – это статья, рассматривающая жизненный путь участника Гражданской войны А.Г. Козлова сквозь призму личного архива. История формирования и состав архивного фонда оказываются ключом к пониманию полной драматизма и борьбы биографии человека, испытывавшего на себе зигзаги и контрасты истории XX в. Материалы по теме впервые были выявлены, описаны и вводятся в научный оборот автором статьи.

Пятый раздел посвящен советской повседневности и охватывает две темы – источниковедческие аспекты изучения репортажей французского писателя А. де Сент-Экзюпери, побывавшего в СССР в 1935 г., и историю развития советского общепита в послевоенный период.

Завершают выпуск два небольших методических этюда, касающихся проверочных и квалификационных работ студентов в сфере археографии.

Авторами статей выпуска являются студенты, магистранты и аспиранты РГГУ и других высших учебных заведений. Выход в свет научной публикации – всегда событие для студента: некоторые работы становятся ступенью будущих исследований, а у тех, кто не планирует продолжать научную или преподавательскую карьеру, вышедшие статьи остаются осязаемым результатом определенного жизненного этапа, за которым открываются другие горизонты. В любом случае, студенческая наука – важный и ценный опыт. Требования к статьям молодых ученых принципиально не должны отличаться от подходов «взрослых» периодических изданий, следовательно, предполагают новизну и профессионализм, что позволяет каждому автору внести свой личный вклад в «большую» науку. Поэтому содержание выпуска журнала имеет и историографический интерес, отражая тематику и подходы, характерные для современных научных школ РГГУ и других вузов, фиксируя актуальное состояние российской университетской науки. Все сказанное очевидно свидетельствует о том, что существующая практика публикации работ студентов по истории в журнале «Гуманитарный акцент» заслуживает дальнейшего развития.

Однако вернемся к эпиграфам, чтобы как-то оправдать неожиданность их появления в начале предисловия. Согласимся, что история как таковая остается при любых обстоятельствах, даже независимо от человека, и сопровождает всех нас, сохраняя многогранность и развиваясь по своим законам, сущность которых историки изучают вот уже не одно столетие. Калейдоскоп истории науки убеждает в том, что «память человечества» неизменно пользуется вниманием во все эпохи. Возможно, в этом заключается одна из опор истории – рассказа о прошлом, упорно стремящегося быть строгой наукой.

Власть и чувства в истории

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Е.А. Баженов

Формы власти у аламаннов и квадов во второй половине IV в. н. э. (по сведениям Аммиана Марцеллина)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с общественным строем германцев времен Великого переселения народов. Особый акцент делается на организации власти у германских племен аламаннов и квадов во второй половине IV в. н. э. Автор опирается преимущественно на сведения позднеантичного римского историка Аммиана Марцеллина. В ходе исследования подчеркивается, что каждый из предводителей аламаннов стремился проводить свою независимую внешнюю политику и, несмотря на прецеденты объединения под властью храброго и деятельного верховного военачальника, такие объединения не были постоянными и распадались вскоре после утраты фигуры главного лидера. Отмечается, что в восприятии римлян каждый из аламаннских предводителей обладал собственным государственным образованием. По мнению автора, форма власти у квадов была более организована и отличалась значительной степенью политической консолидации, завязанной на подчинении мелких племенных лидеров более крупному, что отразилось в термине “subregulus”, который употребляется Аммианом Марцеллином. Сильные властители у данного племени встречались еще в I в. н. э., что позволяет предполагать сохранение таковых в более поздние времена. Это позволяло квадам даже при отсутствии верховного правителя выработать единую внешнюю политику и выносить общие для всех квадов постановления. Примечательно, что римляне воспринимали объединение квадов как одно государство еще со II в. н. э., что отразилось как на монетах римских императоров, так и в сообщениях Аммиана Марцеллина. Таким образом, автор подвергает сомнению утверждение исследователей о том, что лишь до Великого переселения народов союзы германских племен были непрочными, поскольку отчасти таковыми они продолжали оставаться еще во второй половине IV в. н. э.

Ключевые слова: варвары, поздняя античность, древние германцы, аламанны, квады, власть, Аммиан Марцеллин

А.Я. Гуревич справедливо подчеркивал, что

...разногласия в оценке общественного строя древних германцев в историографии в немалой мере вызывалась расхождениями в философско-исторических концепциях, которыми руководствовались историки...¹

В настоящее время некоторые российские историки считают актуальной выработку современного методологического подхода в изучении процесса становления ранних форм государственности у германских народов². Они объясняют целесообразность данного процесса тем, что повсеместно используемые³ марксистские эволюционные схемы не всегда корректно отражают этносоциальную структуру германских племенных образований⁴, в частности критикуется универсализм марксистских формаций⁵.

Многие современные российские историки при описании политического строя германских племен опираются на данные позднеантичной историографии, в частности на труд римского историка IV в. н. э. Аммиана Марцеллина. Высокая ценность сведений Аммиана подчеркивается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, по мнению В.А. Дмитриева, ни одно историческое сочинение IV в. н. э. по глубине и достоверности не сравнится с произведением Аммиана Марцеллина⁶, а известный британский историк П. Хизер отмечает, что произведение Аммиана является самым подробным и достоверным из всех, что были созданы в позднеримский период⁷. Благодаря Аммиану мы можем получить относительно полную картину той далекой эпохи и почерпнуть информацию о формах власти и властных отношениях германских племен второй половины IV в. н. э.

Форма власти у аламаннов

У аламаннов во второй половине IV в. н. э. отсутствовала единая королевская власть, поскольку при описании битвы при Аргенторате встречаются упоминания семнадцати предводителей, четырнадцать из которых названы по именам⁸. К этому числу, как минимум, можно прибавить еще трех лидеров, которые, по данным Аммиана, послали помощь побежденным при Аргенторате (Amm. Marc. XVII. 1. 13). В итоге мы можем с уверенностью говорить о двух десятках различных предводителей у аламаннов в период 357–358 гг. н. э., и это минимальная цифра, поскольку нельзя с уверенностью сказать, что события битвы при Аргенторате и следующим за ней походом Юлиана за Рейн затронули все многочисленное объединение аламаннов. Скорее всего, в этих событиях принимала участие только западная их часть, а восточная, например лентиензы и ютунги с их лидерами – нет⁹.

В среде предводителей у аламаннов было определенное неравенство¹⁰, возможно, существовала иерархия лидеров¹¹. Аммиан отмечает эту особенность, когда перечисляет состав предводите-

¹ Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние Германцы. Викинги. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 45.

² Санников С.В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. Новосибирск: Рипэл, 2008. С. 40.

³ Там же. С. 40, прим. 1.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин в отечественной историографии // Вестник Псковского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 32.

⁷ Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / Пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М.: Центрполиграф, 2016. С. 220.

⁸ Таненко А.Н. О характеристике королевской власти у аламаннов // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М.: Ин-т всеобщей ист. РАН, 1992. С. 51.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹ Ермолова И.Е. Аммиан Марцеллин о политических институтах варварского общества // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. М.: Ин-т всеобщей ист. РАН, 2007. С. 86.

лей при Аргенторате: «Хонодомарий и Серапион, превосходившие властью других царей» (Amm. Marc. XVI. 12. 23), «За ними [Хонодомарием и Серапионом. – Е. Б.] следовали ближайшие к ним по власти цари (reges), числом пять, десять царевичей (regales)...» (Amm. Marc. XVI. 12. 26).

Вероятно, различие определялось военным авторитетом, который зарабатывался удачей и успехами в военном деле и приобретенными в ходе походов богатствами¹². Не исключено, что и иерархия лидеров выстраивалась исходя из авторитета и личных заслуг. Так, С.В. Санников предполагает, что Хонодомарий благодаря своим боевым заслугам достиг привилегированного положения не только в войске, но уже и в надобщинной иерархии¹³. Исходя из этого, даже юный, но энергичный предводитель мог претендовать на ведущие роли. Об этом говорит сообщение Аммиана о Серапионе – деятельном юноше, который, несмотря на юный возраст, благодаря своим талантам достиг крайне высокого положения среди предводителей аламаннов (Amm. Marc. XVI. 12. 25). Способствовать его быстрому взлету мог и авторитет дяди Серапиона Хонодомария и тот факт, что Серапион был сыном предыдущего предводителя – Медериха (Amm. Marc. XVI. 12. 25). Однако без личных достоинств он вряд ли смог бы возвыситься даже при покровительстве могущественного родственника и знатном происхождении.

Серапион был не единственным «юным дарованием» среди аламаннов. Стоит вспомнить сына Вадомария Витикабия, который стал предводителем после того как вышел из отрочества (Amm. Marc. XXX. 7. 7) и, несмотря на свой слабый и болезненный вид, был человеком храбрым и сильным (Amm. Marc. XXVII. 10. 3).

Из вышеприведенных примеров следует предположение, что среди некоторых групп аламаннов власть могла передаваться от отца к сыну, но при этом наследник должен был отличаться определенными талантами, такими как храбрость, сила и энергичность. Знатность была важна для предводителя аламаннов, но являлась второстепенным качеством после военных талантов¹⁴.

В пользу этого можно привести сообщение Аммиана, который отмечает удачливость Хонодомария в военном деле и, вследствие этого, его крайне надменное поведение (Amm. Marc. XVI. 12. 4). Также предводитель должен был непосредственно принимать участие в битвах и не уступать в доблести своим воинам, ибо того требовал негласный дружинный кодекс поведения¹⁵. Личная храбрость наравне с дружиной были единственными опорами предводителя в конкурентной борьбе с другими лидерами¹⁶. Так, в битве под Аргенторатом Хонодомарий, как и положено верховному военачальнику, возглавил место, где предполагался самый ожесточенный бой – левое крыло аламаннского войска (Amm. Marc. XVI. 12. 24). Учитывая дружинный кодекс поведения, верховный военачальник не должен уступать, а лучше – превосходить других лидеров своей доблестью, а потому поступок Хонодомария и его воинское рвение вполне объяснимы. К тому же Аммиан изображает Хонодомария как храброго воина и как полководца, превосходившего всех остальных аламаннов (Ibid).

¹² Ганенко А.Н. Указ. соч. С. 53.

¹³ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск: НГТУ, 2009. С. 38.

¹⁴ Ганенко А.Н. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁵ Дряхлов В.Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 147.

¹⁶ Санников С.В. Образы королевской власти... С. 39.

Среди прочих предводителей аламаннов Хонодомарий выделялся не только своими воинскими качествами, но и довольно богатым вооружением, которое подробно описано Аммианом: «Хонодомарий, с пунцовым султаном на голове, смело выступал, полагаясь на свою огромную силу впереди левого крыла, где предполагался наиболее ожесточенный бой. Конь под ним был в пене, в руке его торчало копье ужасающих размеров, блеск от его оружия распространялся во все стороны...» (Ibid). Можно сделать вывод, что неравенство среди предводителей аламаннов проявлялось и в разном имущественном положении. Также в пользу этого хочу отметить, что у некоторых лидеров аламаннов хватало средств, чтобы устраивать затяжные пиры с приглашением многочисленных гостей самого разного ранга, исключительно из лидерской среды аламаннов, что свидетельствует, с одной стороны, о богатстве лидеров, поскольку подобные мероприятия были весьма затратными, а с другой стороны, предположительно о наличии процесса обособления высших слоев аламаннов. Одним из таких предводителей был Гортарий, который устраивал пиры, созывая всех окрестных лидеров (Amm. Marc. XVIII. 2. 13), возможно, таким образом, поддерживая хорошие отношения с ними. Подобные пиры уже стали обростать обычаями (Ibid.), что позволяет предположить регулярность их проведения¹⁷. Также, по мнению С.В. Санникова, пиршество, устроенное Гортарием, было специфичной формой иерархической координации, ритуалом взаимодействия, необходимого для ранжированного общества¹⁸, которым являлись аламанны.

Вдобавок к внушительному военному авторитету и богатству, Хонодомарий был зачинщиком похода против римлян и вел усиленную агитацию, вмешиваясь во внутренние дела других аламаннских племенных групп (Amm. Marc. XVI. 12. 4). Своими действиями он, вероятно, провоцировал бунты, которые привели к коварному убийству Гундомада, после которого аламанны, подчиненные ему, перешли на сторону противников Рима (Amm. Marc. XVI. 12. 17). Возможно, Хонодомарий посодействовал и самовольному присоединению людей Вадомария к воюющим с римлянами полчищам (Ibid.). Ко всему прочему, Серапион, ближайший к Хонодомарию по власти лидер, был его племянником (Amm. Marc. XVI. 12. 25).

По мнению С.В. Санникова, наличие в войске близких родственников Хонодомария усиливало психологический эффект от его присутствия среди воинов, связывает автор это с традиционным германским представлением о сакральной значимости рода¹⁹. К тому же правители-родственники, где один был сильнее другого, не являются исключением из правил. Вышеупомянутые Гундомад и Вадомарий были братьями, причем первый был могущественнее второго²⁰. Это не единичный случай в среде аламаннов, когда братья являются правителями. В этой связи стоит вспомнить Гариобавда и Макриана, которые были родными братьями (Amm. Marc. XVIII. 2. 15), однако, скорее всего, обладали равной властью.

По мнению А.Н. Ганенко, наличие родственников-предводителей среди аламаннов не является свидетельством сложившихся династий, но может говорить о верховенстве определенной семейно-

¹⁷ Там же. С. 37.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ Ганенко А.Н. Указ. соч. С. 52.

родовой группы, олицетворяющей высший социальный слой. Также, вероятно, предводители руководили не племенами, а отдельными дружинами²¹.

Так или иначе, под контролем того или иного аламаннского лидера находилась определенная территория²². В пользу данного тезиса можно привести сообщение Аммиана о наличии аламаннских «царств» (*Alamanniae regna*), которые разорил Флавий Клавдий Юлиан (*Amm. Marc. XX. 4. 1*). Также есть упоминания и о «царстве» Гортария (*Hortarii regna*) (*Amm. Marc. XVIII. 2. 14*), бывшего в числе предводителей аламаннов под Аргенторатом (*Amm. Marc. XVI. 12. 1*). Отмечу, что термин “*regna*” Аммиан Марцеллин использует неоднократно по отношению к Персидскому царству (*regna Persidis*) (*Amm. Marc. XIV. 8. 5; XXIII. 5. 16; XXIII. 6. 22; XXIV. 7. 3*) и к Колхидскому царству (*regna Colchorum*) (*Amm. Marc. XVI. 7. 10*). Из этого следует вывод, что в глазах римского историка «царства» аламаннов были государственными образованиями. Важно подчеркнуть, что в случае с Гортарием термин «*regna*» персонифицирован, привязан к конкретному предводителю, а не к народу, что можно интерпретировать как свидетельство разобщенности аламаннов. Каждый владеет своим «персональным» государственным образованием, которое никак не связано с другими.

Возможно предположение, что непосредственно до битвы при Аргенторате предводители аламаннов действовали порознь, поскольку Аммиан пишет, что лидеры аламаннов собрали свои силы в одном месте (*Amm. Marc. XVI. 12. 1*) и, скорее всего, до битвы силы были рассредоточены. Только угроза генерального сражения заставила их собраться вместе, что могло обговариваться в договорах о взаимопомощи, упоминаемых Марцеллином (*Amm. Marc. XVI. 12. 26*). В этих договорах некоторые западные исследователи начала XX в. усмотрели подтверждение наличия среди германских обществ конфедераций²³. Однако здесь важен контекст сообщения Аммиана: «35 тысяч воинов, которые были собраны из разных племен отчасти по найму за деньги, отчасти по договору в силу обязательства взаимной помощи» (*Ibid.*, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Как видно из приведенного отрывка, римский историк перечисляет способы рекрутирования войска аламаннов под Аргенторатом. Поскольку в походе участвовало несколько лидеров, логично было бы в случае опасности собраться и вместе дать отпор общей угрозе.

К тому же упоминание о наличии подобных договоров единично в среде аламаннов, и уже в следующей книге Аммиан, повествуя о подготовке похода Юлиана за Рейн в 358 г. н. э., сообщает, что аламанны еще не собрались после Аргентората в одно объединение (*pondum in unum coactos*) против римлян (*Amm. Marc., XVII. 8. 1*). Не исключено, что распаду союза аламаннских предводителей, сложившемуся незадолго до битвы под Аргенторатом, способствовало пленение главного лидера данного объединения – Хонодомария (*Amm. Marc. XVII. 12. 60*).

Также, по данным Аммиана, известно, что Гортарий и Суомарий, которые вместе сражались под Аргенторатом, вскоре заклю-

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 51.

²³ Бьюри Дж.Б. Варвары и Рим. Крушение империи / Пер. с англ. Л.И. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2013. С. 13.

чили мирные договоры с Юлианом, но по отдельности и каждый от своего имени и на разных условиях (Amm. Marc. XVII. 10. 3–9). Некоторые предводители аламаннов, например Вадомарий, общались напрямую с Констанцием и благодаря этому становились клиентами Римской державы и выступали посредниками в переговорах с другими аламаннскими предводителями (Amm. Marc. XVIII. 2. 16–18). К тому же Аммиан разделяет «области царей враждебных» (*terras infestorum regum*) и область, подчиненную Гортария (Amm. Marc. XVIII. 2. 14–15), который на тот момент уже успел заключить мир с Римом. Примечательно, что римские солдаты не позволяли себе грабежей в области Гортария, но во владениях враждебных «царей» прошли огнем и мечом (*Ibid.*), что может свидетельствовать о демаркации границ между отдельными *regna*. Косвенно этот тезис подтверждает сообщение Аммиана о том, что римляне в предыдущую кампанию разорили земли самого Гортария (Amm. Marc. XVII. 10. 6–7).

В этом контексте стоит также вспомнить летов-аламаннов, которые служили Риму и были обязаны поставлять рекрутов в римскую армию, но при этом не гнушались грабить римские территории²⁴. Служили римлянам, в том числе, и представители высших слоев аламаннского общества, занимавших высокие должности в римской военной иерархии. В качестве примера можно привести упомянутого выше Вадомария, который занимал одно время должность дукса Финикии (Amm. Marc. XXV. 1. 1), выполнял поручения императора Валента II на востоке империи (Amm. Marc. XXVI. 8. 1), а затем возглавлял крупные воинские подразделения вместе с другими римскими военачальниками и в таком статусе сражался против персов (Amm. Marc. XXIX. 1. 1–2).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в указанный период политическая консолидация аламаннов находилась на довольно невысоком уровне. Власть держалась исключительно на личных качествах верховного военачальника, лишившись которого аламаннские предводители оказались неспособны найти общий язык между собой и вновь объединить свои силы. В этой связи проследить общую внешнюю политику у аламаннов не представляется возможным: кто-то из них враждебен римлянам, а кто-то, напротив, дружелюбен и даже лоялен им.

Форма власти у квадов

Достаточно интересным в рамках указанной темы является сообщение Аммиана об убийстве римлянами на пиру «царя» квадов Габиния (*Gabinium regem*). По словам Марцеллина, «слух об этом преступном деянии распространился повсеместно и ожесточил как квадов, так и соседние племена» (Amm. Marc. XXIX. 6. 5–6). Убийство предводителя не прошло бесследно как для квадов, так и для соседних племен, предположительно союзных или подчиненных квадам. Аммиан отмечает, что, «оплакивая гибель царя, они [квады и соседние племена. – Е. Б.] объединились и послали граби-

²⁴ Банников А.В. Римская армия в IV столетии... С. 13–14.

тельские отряды» (Ibid.). Такая весьма бурная реакция свидетельствует о довольно значимом положении лидера и относительно высоком уровне сплоченности.

Исходя из сообщений римского историка, следует предположить, что в среде квадов, как и у других германских обществ, было несколько предводителей. Описывая посольство квадов к Констанцию, Марцеллин упоминает несколько типов лидеров квадов, перечисляя часть из них по именам:

...их [квадов. – Е. Б.] царевич Витродор, сын царя Видуария (regalis Vitrodorus Viduari filius regis), вассал его Агилимунд (Agilimundus subregulus) и другие знатные люди и судьи (optimates et iudices), стоявшие во главе различных племен... (Amm. Marc. XVII. 12. 21).

Данный эпизод требует более подробного рассмотрения. Сразу бросается в глаза фигура «царевича» Витродора, который приходится сыном «царю» Видуарию. Исходя из данных Аммиана, не стоит исключать, что власть у квадов могла передаваться и от отца к сыну. Однако поскольку мы не обладаем достаточной информацией о системе власти у квадов во второй половине IV в. н. э., мы не можем с уверенностью судить об этом. Поэтому передачу власти от отца к сыну стоит рассматривать только как мою гипотезу. Так или иначе, фигура сына лидера занимала вполне солидное положение, поскольку Витродор, имевший, очевидно, дипломатические полномочия, вместе с другими знатными лицами пал ниц перед римлянами и выдал заложников (Ibid.).

Также интересным в этом эпизоде является существование подчиненного самому «царевичу» «вассала» Агильмунда, которого Аммиан Марцеллин обозначил термином «subregulus». Это в очередной раз свидетельствует не только о сильной фигуре «царевича», но и о предполагаемом существовании в среде квадов системы подчиненности части племенных групп сильному лидеру (или лидерам). Такая форма зависимости говорит о весьма сильном состоянии власти лидеров квадов, поскольку, по мнению И.Е. Ермоловой, subreguli беспрекословно подчинялись своему предводителю. Это, вероятно, связано с тем, что, прежде чем обрести свой статус, subreguli сначала терпели поражение от своего будущего «благодетеля»²⁵. Предполагается, что форма зависимости subregulus носила некий вассальный характер²⁶. Возможно, что подобную форму зависимости квады заимствовали у сарматов, поскольку данный термин Аммиан Марцеллин использует только при описании посольств сарматов (Amm. Marc. XVII. 12. 11) и квадов к Констанцию II. В целом римский историк отмечает схожесть обычаев квадов и сарматов (Amm. Marc. XVII. 12. 1), а потому взаимное влияние в сфере организации власти исключать нельзя.

Прецеденты сильной власти у квадов встречались и ранее. Стоит предположить, что подобное положение дел могло сохраняться и в более поздние времена. В качестве примера можно вспомнить Ванния, выходца из племени квадов, жившего в I в. н. э. (Tac. Ann. II. 63. 7). Ванний правил своим персональным «царством» (regnum

²⁵ Ермолова И.Е. Указ. соч. С. 87.

²⁶ Дряхлов В.Н. Древнегерманская дружина по данным Аммиана Марцеллина // Античный вестник. Омск: ОмГУ, 1993. № 1. С. 150.

Vannio) в течение трех десятков лет, но в конечном итоге был свергнут в ходе нападения враждебных соседей и восстания в собственном стане (Тас. Ann. XII. 29–30).

Также важно подчеркнуть, что Марцеллин по отношению к политическому строю квадов употребляет термин «царство квадов» (*Quadorum regna*) (Amm. Marc. XVII. 12. 9). Термин в этом эпизоде не персонифицирован, как в случае с аламаннами и временами Ванния, а привязан уже к целому племени. Более того, по данным Аммиана Марцеллина, известно только одно «царство» квадов, что может свидетельствовать о гипотетическом наличии верховного правителя и большей устойчивости объединения квадов во второй половине IV в. н. э. по сравнению с I в. н. э. Все это может свидетельствовать о значительно более высоком, нежели у аламаннов, уровне организации власти и степени консолидации в политическом плане в рассматриваемый период.

Также в пользу этого говорит тот факт, что предводители квадов решали некоторые вопросы сообща и выдвигали общие постановления лидеров для всех квадов (Amm. Marc. XXX. 6. 2). Интересным является то, что общее постановление, согласно переводу Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни, вынесли «вожди», однако в оригинале используется термин «*procerum gentis*». Если дословно переводить, то получится «высокие народа», что позволяет интерпретировать этот термин не как «вожди», а, скорее, как «высшую знать». Примечательно, что «*procerum*» используется по отношению к знати еще как минимум дважды. Первый раз в эпизоде с высокопоставленным чиновником Бассианом (*procerum genere natus*) (Amm. Marc. XXIX. 2. 5), а второй – в отношении детей знатных квадов и сарматов (*procerum filios*) (Amm. Marc. XVII. 12. 16). Если моя интерпретация латинского текста верна, то получается, что общее постановление для всех квадов вынесли не только вожди, но и высшая знать в целом, что может свидетельствовать о ее довольно высоком положении и существенном влиянии на положение дел в обществе квадов, а стало быть, характер принятия решений приобретает уже совсем иной оттенок.

Учитывая все вышесказанное о формах власти квадов, считаю возможным выдвинуть гипотезу. Как уже упоминалось, после гибели Габиния, квады и другие племена перешли к активным действиям, однако вскоре под натиском римлян пошли на попятную и отправили послов, которые на основании общего постановления вождей пришли к выводу, что никаких нарушений не было, а набеги совершали совершенно чужие им разбойники. Римский историк характеризует такую позицию, как обычные оправдания (Amm. Marc. XXX. 6. 2).

Исходя из данного сообщения, выходит, что каждый лидер квадов должен был провести «расследование» на предмет причастности своих людей к набегам и затем поделиться полученной информацией с другими предводителями. Основываясь на сведениях, полученных от всех вождей, лидеры пришли к выводам, что дурных дел их подчиненные не совершали. Они вынесли общее постановление и прислали к римлянам послов, которые представляли

всех членов образования (или весьма значительную его часть), с результатами «расследования». По крайней мере, квады старались представить дело в таком свете.

Важно здесь не само умозаключение, к которому пришли предводители, а пример их коммуникации между собой. Несмотря на гибель их гипотетического верховного правителя, или при отсутствии такового, лидеры смогли найти общий язык и прийти к единому мнению в столь важном для всех квадов вопросе. Примечательно то, что у данного посольства не было ярко выраженного представителя, поскольку ни один из членов делегации не назван по имени (*Ibid.*). Учитывая гибель правителя, факт отсутствия выраженного главы посольства не является чем-то удивительным, поскольку дипломатия зачастую являлась прерогативой «царя»²⁷. В свою очередь, сообщение Аммиана о том, что сказанное послами являлось обычным оправданием, свидетельствует об отсутствии экстраординарного характера взаимодействий между лидерами, что также может свидетельствовать о высокой политической консолидации квадов.

Гипотетическое существование верховного предводителя квадов не исключает при этом наличия местных вождей, имеющих разную степень самостоятельности, но подчиненных главному лидеру. По мнению С.В. Шкунаева, такие подчиненные племена сохраняли осознание своей обособленности, но при этом обычно теряли свой древний этноним и на них распространялся этноним всего объединения²⁸.

Наличие такой категории в составе квадов, как *subreguli*, может свидетельствовать о похожем процессе. При этом они являлись, хоть и подчиненными, но далеко не последними лицами среди квадов. Важно отметить, что из всей делегации к Констанцию по именам названы только «царевич» Витродор и подчиненный ему Агильмунд (*Amm. Marc. XVII. 12. 21*), что может свидетельствовать о существенной роли «вассала». Вполне возможно, что предводители мелких групп иногда могли выполнять советнические функции при верховном лидере и влиять непосредственно на окончательное решение²⁹, что отразилось в сообщении Аммиана о наличии общего постановления вождей квадов.

Окончательно подтвердить гипотезу мешает скудность сведений о политическом строе квадов во второй половине IV в. н. э. Однако выдвижение подобной гипотезы я считаю необходимым, поскольку она может расширить представление о формах политической власти и консолидации среди германцев второй половины IV н. э. Если мое предположение верно, то оно может свидетельствовать о значительной степени сплоченности квадов под властью одного или нескольких сильных лидеров в рамках одного или нескольких «царств» при сохранении местных лидеров, имеющих разную степень самостоятельности. Такой строй весьма отличается от формы организации власти у аламаннов.

В качестве дополнительных аргументов в пользу гипотезы следует упомянуть, что лидеры квадов в течение долгого времени утверждались в Риме³⁰. О такой практике свидетельствует и нумизмати-

²⁷ Ермолова И.Е. Указ. соч. С. 87.

²⁸ Шкунаев С.В. Германские племена и союзы племен // История Европы. Т. 1: Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 605.

²⁹ Ермолова И.Е. Указ. соч. С. 88.

³⁰ Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 29.

ческий материал. Так, на реверсах бронзовых сестерциев императора Антонина Пия (RIC III Antoninus Pius 620a; RIC III Antoninus Pius 620b), отчеканенных в Риме в период между 140 и 144 гг. н. э., присутствует легенда «REX QVADIS DATVS» (Царь квадам дарован). Примечательна также и сюжетная композиция реверсов рассматриваемых монет: фигура Антонина Пия, изображенная в полный рост и облаченная в тогу, правой рукой передает диадему в руки предводителя квадов, который стоит во весь рост перед императором. Таким образом, лидер квадов в прямом смысле принимает власть из рук римского правителя. Также подчеркну, что данные сестерции являются демонстрацией того, что у квадских правителей II в. н. э. существовали «царские» регалии, атрибуты власти в виде диадем. Несмотря на свое очевидно римское происхождение, тем не менее они могут свидетельствовать о формализации и высоком положении фигуры лидера у квадов еще во II в. н. э.

Важно отметить, что в восприятии римлян образование квадов рассматривалось в качестве государства, такого как, например, Армения, что может свидетельствовать об устойчивости их объединения. Это, на мой взгляд, коррелирует со сведениями Аммиана об одном «царстве» квадов. Чтобы не быть голословным, стоит привести бронзовые монеты упомянутого выше Антония Пия (RIC III Antoninus Pius 619) с легендой реверса «REX ARMENIIS DATVS» (Царь армянам дарован), выпущенные в Риме в то же самое время, что и монеты с дарованием властителя квадам. Несмотря на практически идентичную легенду, композиция реверса несколько отличается. Так, Антонин Пий собственноручно возлагает правой рукой тиару на армянского царя, который повернут к нему спиной. Невзирая на небольшую сюжетную разницу, общий посыл, на мой взгляд, довольно схож: римский император наделяет властью правителей сопредельных территорий. В целом квады достаточно долго находились в контакте с Римским миром, что играло немалую роль в политической стабилизации окружающих германцев земель, замыкании их в определенных границах³¹, что могло способствовать укреплению сплоченности племенных объединений.

Заключение

Как можно заметить, формы организации власти у квадов и аламаннов довольно значительно отличаются друг от друга в деталях. Так, для первых характерна высокая степень политической консолидации, завязанная, скорее всего, на подчинении лидеров мелких племенных групп более сильному и могущественному верховному предводителю. Это значительно сплачивало квадов и иногда позволяло им в чрезвычайных ситуациях вырабатывать единый внешнеполитический курс, а также выносить общие постановления для всего объединения.

У аламаннов, напротив, каждый из предводителей в экстраординарных ситуациях стремился проводить свою независимую внешнюю политику. Вероятно, что они в восприятии римлян обла-

³¹ Шкунаев С.В. Указ. соч. С. 605.

дали своими собственными, «персональными» государственными образованиями, что дает возможность говорить о достаточно слабой политической консолидации и об отсутствии у аламаннов рассматриваемого периода какого-либо постоянного племенного объединения. Это позволяет подвергнуть сомнению утверждение исследователей, что только до начала Великого переселения народов союзы племен у германцев были кратковременными и непрочными³², поскольку они отчасти оставались таковыми и впоследствии, что наглядно демонстрирует нам пример объединения аламаннов вокруг Хонодомария. В то же время стоит отметить, что и до Великого переселения народов у германцев, в частности у квадов, существовало устойчивое объединение, которое римляне воспринимали как государство.

Также необходимо отметить и некоторые общие черты. В частности, достаточно высокое положение вождей у обоих племен, их активное участие в политических акциях.

В целом можно заключить, что использование в отношении форм власти и общественного строя германских племен второй половины IV в. н. э. каких-либо универсальных категорий является не совсем корректным. Однако вместе с тем стоит подчеркнуть, что «разноголосица в оценках общественного строя германцев», о которой говорил А.Я. Гуревич, связана не только с расхождениями в философско-исторических концепциях, но и с тем, что общественный строй германцев во второй половине IV в. н. э. был «разноголосным».

Источники

- Аmm. Marc. – *Аммиан Марцеллин*. Римская История (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
- Тас. Ann. – *Публий Корнелий Тацит*. Анналы / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М.: АСТ; Ладомир. С. 5–423.
- RIC III – *Mattingly H., E.A. Sydenham*. The Roman Imperial Coinage. Vol. III: Antoninus Pius to Commodus, AD 138–192. London: Spink & Son, 1930. 514 p.

³² Буданова В.П. Указ. соч. С. 112.

А.А. Мойса

«Умиротворенная вдова
господина доктора Мартина Лютера»:
публикация письма Катарины фон Бора

Реформация, ознаменовавшая начало раннего Нового времени в Германии, неразрывно связана с именем Мартина Лютера. Еще при жизни основателю протестантизма удалось вписать свое имя в историю. Впоследствии его учение не раз становилось предметом исследования многочисленных научных работ, а его труды и сочинения были переведены на многие языки. Однако куда реже внимание исследователей было обращено на частную жизнь Лютера, на его самый близкий, семейный круг: несмотря на то что именно здесь можно найти наглядное проявление идей Реформации на практике. Так, семейная корреспонденция Лютера фиксирует не только протестантские нормы взаимоотношений между супругами, в ней также проявляется характерная для Нового времени вербализация личных чувств. Чтобы лучше раскрыть эти особенности, публикуется перевод отрывка письма Катарины фон Бора, которое было написано 2 апреля 1546 г., спустя два месяца после смерти ее мужа. Перевод осуществлен по изданию 1854 г. “Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken” («Письма, послания и размышления доктора Мартина Лютера») за авторством Вильгельма Мартина Леберехта де Ветте. Адресованное невестке Катарине, Кристине, послание входит в собрание писем семьи фон Бора. Хотя тематически выбранный фрагмент полностью посвящен смерти Лютера, письму удается запечатлеть не только горе вдовы, доверенное близкому человеку. Оно также отражает ценности эпохи, в которой даже глубоко скорбящий человек в минуту откровения не забывает о корректной форме проявления эмоций, не выбивается за рамки принятых ориентиров.

Ключевые слова: Реформация, Катарина фон Бора, Мартин Лютер, протестантизм, раннее Новое время, переписка

18 февраля 1546 г. ушел из жизни Мартин Лютер, отец Реформации, оплот протестантизма. Его непреклонный дух положил начало целой эпохе, а плоды трудов пережили его самого на века. Хотя Лютер был другом и учителем для многих, одно письмо, оплакивавшее его утрату, выделялось на фоне других. Лишь спустя

два месяца его автор доверила свою скорбь перу и бумаге. «И если бы у меня было княжество или королевство, и я утратила бы его, мне никогда бы не было так горько, как теперь, когда наш дорогой Господь забрал у меня и не только у меня одной, но и у всего мира, этого дорогого и драгоценного человека», – эти траурные строки, увидевшие свет в апреле 1546 г., принадлежали супруге великого реформатора, Катарине фон Бора.

Чем же примечательно это письмо? Стоит начать с того, что источники личного происхождения, возникшие на заре раннего Нового времени, всегда привлекали внимание исследователей своим потенциалом: ведь именно в них можно было нащупать перелом в сознании, положивший конец Средневековью. Так, Реформация оказала влияние как на восприятие сакрального, так и на рефлексию внутреннего мира. Анализ и вербализация собственных чувств стали неотъемлемой частью бытия и для мужчин, и для женщин. И хоть голоса последних все еще не так часто достигали общественности, знакомясь с их личной корреспонденцией, раскрывающей самые сокровенные переживания, мы можем составить живое представление о том, что происходило по ту сторону громких дат.

Наша героиня тоже выбрана неслучайно. Союз Мартина Лютера (1483–1546) и Катарини фон Бора (1499–1552) по праву считался образцом для любой протестантской семьи того времени. Желая подчеркнуть значимость института брака в своем учении, Лютер не изолировал жену от внешнего мира, напротив, он открыто делился радостями супружества, противопоставляя их гнету целибата. Таким образом, реформатор отмечал важность уз с праведной спутницей, которую необходимо любить, беречь и ценить. Жене было отдано господство над домом, чем умело пользовалась и Катарина, осторожно расширяя рамки своего влияния. Тем не менее, как примерная супруга, она четко понимала свое положение и никогда не забывала отмечать, что ее муж занят великими делами ради всеобщего блага, пока она создает домашний уют.

Однако подобная семейная идиллия была достигнута не сразу. Изначально Мартин Лютер даже и не думал искать себе спутницу жизни. Разрешая священникам жениться, он настаивал на том, чтобы они не обременяли себя обетами, которые не в состоянии выполнить. Таким образом, Лютер советовал им примириться с человеческой слабостью. Однако то, что было позволено слабому, могло бросить тень на авторитет такой значимой фигуры, как глава Реформации.

Но Лютеру пришлось пересмотреть свои взгляды, когда в 1523 г. в Виттенберг прибыли монахини, сбежавшие из цистерцианского монастыря Нимбшен. В течение двух лет богослов ломал голову над тем, как бы сосватать беглянок за своих друзей и знакомых. Одну из них, Катарину фон Бора, никак не удавалось пристроить. Девушка дворянских кровей была с характером и наотрез отказывалась выходить замуж за тех, кто был ей не по нраву. По свидетельству Амсдорфа, бывшая монахиня даже выдвинула условие:

она пойдет под венец лишь с самим предводителем Реформации¹. Ее мечте было суждено сбыться².

Скандалная свадьба бывшего августинского монаха и беглянки из монастыря состоялась в июне 1525 г. в узком кругу друзей. Многие приверженцы Лютера относились к этому союзу скептически, да и сам богослов не был до конца уверен в правильности своего выбора. Эти сомнения отразились в послании к Амсдорфу, которое Лютер написал спустя полмесяца после свадьбы, пытаясь оправдать свое решение: во-первых, он надеялся, что ему не так уж много осталось жить на земле; во-вторых, он исполнил волю отца, который давно настаивал на женитьбе своего единственного сына; в-третьих, ссылаясь на то, что наконец решился вдохновить других своим личным примером. Лишь одна довольно прохладная строчка была посвящена непосредственно новобрачной: «Я и не влюблен, и не пылаю страстью, но все же люблю свою жену»³.

Тем не менее потепление в отношениях супругов не заставило себя долго ждать. Об этом наиболее ярко свидетельствует содержание их личной корреспонденции. Стоит отметить, что на сегодняшний день обнаружено около 500 писем, в которых современники так или иначе ссылаются на Катарину фон Бора. При этом большая часть упоминаний принадлежит самому Лютеру: его жена фигурирует в 330 письмах. Таким образом, ни один корреспондент XVI в. не вспоминал свою спутницу жизни так часто, как это делал отец Реформации⁴.

На данный момент супружеская переписка насчитывает 21 письмо, охватывая временной промежуток с 1529 по 1546 г. Благодаря письмам мы можем проследить, как со временем трансформировалось отношение Лютера к жене. К примеру, его приветствия все чаще отдавали должное ее добродетелям: богослов питал уважение к Катарине, не боялся положиться на нее во многих делах и ценил ее ум. Так наравне с нежными эпитетами («дорогая», «святейшая», «милостивая», «сердечно любимая») встречаются такие слова, как «глубоко образованная женщина»⁵.

Однако неизвестно, как Катарина реагировала на подобные комплименты: ее послания к мужу были полностью утеряны. Связано это было с тем, что Лютер не особо заботился о том, чтобы собирать письма жены, а его окружение не сочло их достаточно важными, чтобы сохранить.

Хотя примерное представление о том, что писала Катарина мужу, мы и можем сформировать из его собственных ответов, чтобы лучше понять отношение нашей героини, необходимо обратиться к ее уцелевшей корреспонденции. На данный момент опубликовано 8 писем, написанных ей самой. Первое из них датируется 1539 г., остальные были написаны уже после смерти мужа. Только первые два письма были адресованы близким людям, остальные же представляли собой просьбу о помощи и поддержке семьи покойного реформатора, с которой его вдова обращалась к влиятельным лицам.

¹ Гобри И. Лютер. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 272.

² Мойса А.А. Катарина фон Бора: особенности протестантского брака в начале XVI века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2020. Вып. 28. С. 6–23.

³ Luther M. An Nikolaus von Amsdorf [Электронный ресурс] // Glaubensstimme. URL: <http://briefe.glaubensstimme.de/1525/06/30/luther-an-nikolaus-von-amsdorf/> (дата обращения: 12.05.2021).

⁴ Kramer S. Katharina von Bora in den schriftlichen Zeugnissen ihrer Zeit. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2016. S. 43.

⁵ Luther M. Luther Martin an seine Frau aus Eisleben vom 7 Februar 1546 [Электронный ресурс] // Glaubensstimme. URL: <http://briefe.glaubensstimme.de/1546/02/06/luther-martin-an-seine-frau-aus-eisleben-vom-7-februar-1546/> (дата обращения: 12.05.2021).

Мы рассмотрим самое яркое письмо Катарины, в котором она не пытается извлечь выгоду из своих связей, а выражает искренние эмоции по поводу одного из самых трагичных событий ее жизни. Послание, написанное 2 апреля 1546 г., адресовано невестке Катарины, Кристине фон Бора. Лишь жене покойного старшего брата несчастная вдова доверила свою печаль, но даже этому близкому человеку она ответила далеко не сразу. Раны от утраты оказались слишком глубоки: Катарина признается, что долгое время даже не могла сомкнуть глаз, не то чтобы сесть за письмо.

В ее траурных пассажах прослеживаются параллели со знаменитыми застольными речами Мартина Лютера: он утверждал, что его Ката ему дороже, чем Франция и Венеция вместе взятые⁶. Для нее же утрата княжеств и королевств была ничем по сравнению с потерей любимого мужа. Однако вдова сокрушается не только о своем несчастье, но и о потере всего мира, которому ее супруг «так много послужил». Таким образом, выражая в своих строках личные грусть и тоску, Катарина не забывает о значимости роли ее мужа, не выбивается за рамки протестантских ориентиров.

Оригинальная публикация письма Катарины является частью собрания писем фон Бора, сюжетно объединенных вокруг материальных трудностей Флориана, сына Кристины. Так, во второй смысловой части своего послания вдова Лютера тоже отвечает на просьбу невестки, соглашаясь поддержать учебу своего племянника. Однако поскольку нас больше всего интересует личная трагедия Катарины, в данной статье мы публикуем перевод лишь первой части письма.

Несмотря на растущий интерес к внутреннему миру человека раннего Нового времени, воплощающийся в работах по истории эмоций (Б. Розенвейн, У. Фреверт), на актуальность изучения гендерных норм и отношений, на русский язык переписка Катарины фон Бора, вполне способная стать продуктивным источником в подобном междисциплинарном исследовании, прежде никогда не переводилась. Перевод данного отрывка осуществлен по изданию “Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken”⁷ («Письма, послания и размышления доктора Мартина Лютера») 1854 г. за авторством Вильгельма Мартина Леберехта де Ветте, профессора теологических наук. При подготовке к публикации письмо было оформлено в соответствии с современными требованиями орфографии и пунктуации. Стилистические особенности текста были по возможности сохранены. Примечания и комментарии, приведенные в конце, призваны не только раскрыть термины и прояснить некоторые детали перевода, но и дать представление об упомянутых личностях и контексте эпохи.

⁶ *Martin Luthers D. Werke: kritische Gesamtausgabe: Tischreden. Bd. 2. Weimar, 1912–1921. Nr. 1965. S. 29–35, 281.*

⁷ *Wette W. M. L. de. Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken: vollständig aus den verschiedenen Ausgaben seiner Werke und Briefe, aus anderen Büchern und noch ungenutzten Handschriften gesammelt, kritisch und historisch bearbeitet. Bd. 6. Berlin: Georg Reimer Verlag, 1856. S. 650.*

Публикация источника

Wittenberg, 2. April 1546: Katharina an Christina von Bora

1546 den 2. April.

Der Erbarnd unnd Tugentsamen Frawen Christina von Bora meiner lieben Schwestern zuhand.

Gnad und fried von gott dem Vater unsers lieben Herrn Jesu Christi freundliche liebe Schwester.

Daß Ir ein herzlich mittleiden mitt mir, unnd meinen armen kindern tragt, glaub ich leichtlich. Denn wer wolt nicht billich betrubt unnd bekummert sein, umb einen solchen tewren man, als mein lieber Herr gewesen ist, Der nicht allein einer Stad, oder einem einigen Land, Sondern der ganzen welt viel gedienet hatt.

Derhalben ich warlich so seer betrubt bin, daß ich mein grosses Herzeleid keinem menschen sagen kan, Und weiß nicht, wie mir zu sin und zu muth ist. Ich kan widder essen noch trinken. Auch dazu nicht schlaffen. Uund wen ich hett ein Fürstenthumb oder Kaiserthumb gehabt, solt mir so leid nimmer mehr geschehen sein, so ichs verlohren hatt, als nun Uunser lieber Herrgott mir, unnd nicht alleine mir sondern der ganzen welt, diesen lieben und tewren mann genommen hatt. Wenn ich daran gedenk, so kan ich fur leid unnd weinen (das Gott wol weiß) widder reden noch schreiben lassen. Wie Ir leichtlich selbs, liebe Schwester, zuermessen habt. <...>

Damitt Gott beuohlen! Dat. Wittemberg Freitag nach Oculi im XLVI Jar.

Catharina des Herrn

Doctor Martinus Luthers

Gelassene Wittfrau

Письмо Катарини фон Бора к Кристине фон Бора

[Виттенберг, 2 апреля 1546 г.]

1546. 2 апреля

Почтенной и добродетельной фрау Кристине фон Бора, моей дорогой сестре¹, лично в руки.

Милости и мира Божьего, Отца нашего дорогого Господа Иисуса Христа, тебе, любезная дорогая сестра! Легко я верю в то, что Вы сердечно страдаете мне и моим бедным детям. Ибо кто не жаждет долго печалиться и горевать о таком дорогом человеке², каким был мой любимый господин, так много послуживший не одному городу или единственной стране, но целому миру?³

Потому я воистину так сильно опечалена, что даже не могу поведать о моем великом сердечном горе ни одному человеку, и не знаю, как сохранять рассудок и мужество. Я не могу ни есть, ни пить. И еще не могу спать. И если бы у меня было княжество или королевство, и я утратила бы его, мне никогда бы не было так горько, как теперь⁴, когда наш дорогой Господь забрал у меня и не только у меня одной, но и у всего мира, этого дорогого и драгоценного человека. Когда я об этом думаю, из-за боли и слез (видит Бог) я не могу ни читать, ни писать⁵. Как Вы легко сами, дорогая сестра, убедились. <...>

На том с Богом! Дат. Виттенберг пятница после Oculi⁶ в XLVI⁷ году.

Катарина,

умиротворенная⁸ вдова господина доктора Мартина Лютера

- ¹ Кристина фон Бора – жена одного из старших братьев Катарини, чье имя не сохранилось. Известно, что на момент переписки Кристина уже была вдовой. О близких отношениях между семьями свидетельствует то, что ее сын, Флориан фон Бора, в 1540 г. был принят в доме реформатора и позднее учился вместе со своим двоюродным братом, Хансом Лютером, в одной латинской школе в Торгау.
- ² В оригинале Катарина играет на контрасте, противопоставляя слова “billich” (дословно «дешевый»), говоря о горе, и “tewer” («дорогой»), говоря о муже.
- ³ Мотив гордости за «великие деяния» мужа, послужившего на благо всего мира, будет красной нитью проходить во всех последующих письмах Катарини. Правда, вспоминать об этом вдова будет уже в связи с бедственным положением семьи, прося у покровителей (среди которых действительно были представители не только одной Германии, но и, например, король Дании) помощи для «бедных сирот» «дорогого человека».
- ⁴ Параллель с многочисленными Лютеровскими высказываниями о том, что хороший супруг рядом лучше, чем обладание княжествами и королевствами. Одно из них: «Кете, у тебя благочестивый муж, который тебя любит. Пускай другие будут императрицами, а ты восхвали Бога за это». См.: TR 2, 428, 6-8, Nr. 2350a.
- ⁵ Возможно, устойчивый оборот для выражения чувств. Можно проследить параллель с проповедью, прочитанной Иоганном Бугенхагеном на похоронах Лютера 22 февраля 1546 г.: «Но что или как я должен читать, когда я из-за слез и слово сложить не могу». См.: Bugenhagen J. Eine Christliche Predigt, uber der Leich und begrebnis, des Ehrwürdigen D. Martini Luthers. Wittenberg, 1546.
- ⁶ Oculi – третье воскресенье Великого поста.
- ⁷ XLVI – «46» латинскими цифрами, 1546 г.
- ⁸ Дословно можно перевести как «покинутая» (gelassene). Устойчивое выражение для обозначения смирения со вдовствующим статусом.

Ю.С. Шипицына

Чувственные аспекты научного энтузиазма британских ботаников XVIII в.

Статья посвящена проблеме образных искажений и стереотипов по отношению к ученым ботаникам в Британии XVIII в. В контексте «новой эмоциональности», пронизывающей современные гуманитарные науки, предметом исследования стали морально-этические представления о поведении и мотивации ученого натуралиста: его идеального образа и реальных представителей. Автор исследует причины формирования предрассудков, способы и характер их проявления, а также последствия для личной судьбы и карьеры ученых: как мужчин, так и женщин. Особое внимание уделено попыткам самих ботаников преодолеть стереотипы о сексуализации их сферы деятельности. Возможные пути противостояния стереотипам рассмотрены на примере карьеры натуралиста Джозефа Бэнкса и литературной деятельности Присциллы Уэйкфилд.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, история систематики, история ботаники, Джозеф Бэнкс, Присцилла Уэйкфилд

В качестве предварительного замечания автор считает своим долгом заметить, что название статьи в процессе работы несколько раз менялось. На первый взгляд перемены были незначительные: эпитет «чувственные» заменялся на «гендерные» и обратно. Такая «подмена» позволяла смещать фокус исследования, однако в финальном варианте «чувства» все-таки победили «гендер», и на то было две причины.

Первая причина связана с тем, что гендерная проблематика в истории науки представлена в основном «женскими исследованиями»¹. Не имея намерения умалять их значимость, автору все же хотелось отойти от привычного для данного направления категоричного разделения и радикального противопоставления «мужского» и «женского» и рассмотреть проблему гендерных стереотипов в бо-

¹ См.: George S., Martyn A.R. Introduction. *Botanising Women: Transmission, Translation and European Exchange* // *Journal of Literature and Science*. 2011. V. 4. № 1. P. 1–11; Shteir A.B. *Cultivating women, cultivating science: Flora's daughters and botany in England: 1760–1860*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1996. 301 p.

танике XVIII в. как в отношении женщин, так и мужчин. Дабы не вводить читателя в заблуждение относительно применения характерной для гендерных исследований риторики, выбор был сделан в пользу более широкой сферы чувств. Вторая причина – сложнее и деликатнее и связана с таким эпистемологическим трендом, как «новая наивность» или «новая эмоциональность»². В 1966 г. американский критик и эссеист С. Сонтаг, акцентируя внимание на актуальных для эпохи модерна проблемах герменевтики, в предисловии к сборнику «Против интерпретации» писала, что «сегодня главное для нас – прийти в чувство. Нам надо научиться видеть больше, слышать больше, больше чувствовать»³. Спустя полвека российский философ, культуролог и публицист В. Куренной фактически фиксирует воплощение манифеста Сонтаг: задаваясь целью обнаружить факторы «прогрессирующей фрагментации» исследовательских нарративов и стремления к объяснению через единичное, он приходит к выводу, что отчасти такое положение вещей продиктовано спецификой современного субъекта, который «склонен не мыслить, а переживать» возникающие перед ним вызовы окружающей реальности⁴. Таким образом, переключка в названии с современной проблемой «проникновения сентиментальности» в научный дискурс, по мнению автора, актуализирует предмет исследования: непростое сосуществование установки на рациональное познание мира и провокационных представлений о субъектах рационального познания – в данном случае «ботанизирующих» мужчинах и женщинах в Британии XVIII в.

В указанный период ботаника развивалась в рамках естественной истории – познавательного концепта, основанного на совокупном изучении различных природных объектов, основными задачами которого являлись наблюдение посредством опыта, фиксация наблюдаемого с помощью наименования и зарисовки и отказ от спекулятивного поиска метафизических причин мироустройства. В это время «распространяется убеждение в том, что истина достигается благодаря наблюдению, описанию и графическому изображению»⁵. Значимым фактором оформления ботаники в самостоятельную научную дисциплину являлось формирование собственного языка: как понятийного лексикона, так и принципов номенклатуры названий. Причем уникальным самостоятельным элементом натуралистического дискурса являлась ботаническая иллюстрация⁶.

Дж. Браун, исследуя стереотипы в отношении мужчин-ботаников, отмечает, что создание оптимальной и продуктивной классификационной системы, способной навести порядок в представлениях о природе и обществе, являлось крайне актуальной задачей, и в то же время «классификационные системы сами по себе становились зеркалом, в котором отражались социальные устои тех обществ, внутри которых эти системы были созданы»⁷. Разработкой различных систем классификации занимались многие исследователи: к концу XVIII в. существовало свыше 50 различных систем классификаций⁸. Были среди ученых и те, кто, как граф де Бюффон, считали, что «что естественно-исто-

² Куренной В.А. Почему мы возвращаемся к институтам? // Логос. 2020. Т. 30. № 6. С. 5, 7.

³ Сонтаг С. Несколько слов об этой книге / Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 24.

⁴ Куренной В.А. Указ. соч. С. 7.

⁵ Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Нестор-История, 2004. С. 6.

⁶ Lack H. W. A Garden Eden. Masterpieces of Botanical Illustration. Revised edition. Köln: TASCHEN, 2016. 725 p.; Walpole J. A History and Dictionary of British Flower Painters: 1650–1950. Wooldbridge, 2006. 236 p.

⁷ Brown J. Botany for Gentlemen: Erasmus Darwin and “The Loves of the Plants” // Digital Access to Scholarship at Harvard. 2018. № 4. P. 593–621.

⁸ Fara P. Sex, Botany and Empire. The story of Carl Linney and Joseph Banks. Cambridge, 2003. P. 20.

рическая классификация бессмысленна как форма философского постижения»⁹.

Так или иначе, лишь система искусственной классификации Линнея, предложенная в 1735 г., обозначила чрезвычайно важный для всех естественных наук момент «сильнейшей онтологической редукции»¹⁰, когда реальная природа была сведена к идеальной и, таким образом, стала «пригодной» для изучения. Долгое время систематика считалась открытием Линнея, однако сегодня мы знаем, что впервые идею такой онтологической редукции предложил еще в 1583 г. итальянский врач Андреа Чезальпино (1515–1603)¹¹. Именно Линней ввел латинские названия для каждого таксона, правило цитирования предшествовавших источников, принцип синонимичности, строгую иерархическую последовательность категорий класс, отряд, род, вид и разновидность, сформулировал критерии для определения близких форм – особенности органов размножения: «У растений учитывалось число, длина, срастание тычинок и пестиков цветка, а также одно- или двудомность. Исходя из этих принципов, Линней разделил 10 000 известных ему видов растений на 24 класса и 116 порядков»¹².

Рис. 1. *Euphorbia tuberosa*

Иллюстрация из: Burman J. *Rariorum africanerum plantarum*, 1738–1739. Библиотека Думбартн Окс, Вашингтон.

Пояснение к рисунку: от руки подписано латинское двухсловное название в соответствии с линнеевской номенклатурой

⁹ Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 45.

¹⁰ Любарский Г.Ю. Рождение нового естествознания с точки зрения наук о жизни // Логос. 2020. Т. 30. № 1. С. 141.

¹¹ Там же. С. 141–143.

¹² Колчинский и др. Указ. соч. С. 20.

Итак, мы видим, что реформа систематики имела критически важное значение для естествознания. Почему в таком случае труд Линнея получил столь большой общественный резонанс? Дело в том, что ученый использовал для объяснения своих построений лексику, связанную с семейно-брачными отношениями. Приведем в качестве примера характерный «фривольный» пассаж: «Лепесток цветка сам ничего не вносит в воспроизведение, но служит только брачным ложем, которое Великий Творец устроил так прекрасно и украсил таким драгоценным пологом, наполнив благоуханием для того, чтобы жених со своею невестой могли отпраздновать в нем свою свадьбу с величайшей торжественностью. Когда ложе готово, наступает время жениху обнять свою дорогую невесту и излиться в нее»¹³.

С. Джордж, автор монографии «Ботаника, сексуальность и женское писательство в 1760–1830 гг.» исследует стереотипы вокруг женщин, занимающихся ботаническими изысканиями. Джордж фиксирует в литературных источниках второй половины XVIII века распространенное представление о том, что женщины, интересуясь ботаникой, идут на поводу у своих сексуальных фантазий и неосознанных влечений¹⁴. П. Фара замечает, что появление такого представления вступало в противоречие с широко одобряемой социальной практикой обучения молодых женщин садоводству, а также хорошо известной склонности королевы Шарлотты, супруги Георга III, к занятиям ботаникой¹⁵. Стоит ли женщинам собирать

Рис. 2. Флора и купидон
Фронтиспис к поэме Эразма Дарвина
«Любовь растений». Гравюра. 1791

¹³ Цит. по: Бобров Е.Г. Карл Линней. Л.: Наука, 1970. С. 25.

¹⁴ George S. Botany, *Sexuality and Woman's Writing: 1760–1830*. Manchester, 2007. P. 4.

¹⁵ Fara P. Op. cit. P. 41.

гербарии, выращивать комнатные растения и участвовать в организации собственного сада – этот вопрос стал предметом литературной полемики между такими известными в свое время поэтами и публицистами, как Эразм Дарвин (1731–1802), Уильям Уизеринг (1741–1799) и Ричард Полвел (1760–1838)¹⁶. Все эти джентльмены занимались ботаникой и каждый по-своему видел пределы допустимого для женщины участия в ботанических изысканиях. Наиболее ярко подчеркнул двусмысленность используемого Линнеем языка, пожалуй, Эразм Дарвин в своей поэме «Любовь растений» (1789)¹⁷.

Самым скандальным ботаником в глазах английской общественности оказался человек, который спустя всего несколько лет станет влиятельнейшим представителем академической науки Британии. Джозеф Бэнкс (1743–1820) в свои молодые годы стал олицетворением всей мыслимой и немислимой «ботанической распущенности». Бэнкс принял участие в первой экспедиции Джеймса Кука (1768–1771), в ходе которой во время высадки на о. Таити проникся местным обычаем «гостеприимного гетеризма»¹⁸. О его романтических приключениях с таитянками слагались бесчисленные сатирические памфлеты, а некоторые сюжеты, как, например, случай похищения одежды Бэнкса знатной представительницей местного племени, «королевой Оберией», как прозвали ее в Англии, стали неотъемлемой чертой образа «ботанического макарони»¹⁹. «Мака-

Рис. 3. Дарли М. Botanic macaroni (Сэр Джозеф Бэнкс). 1772. Национальная портретная галерея, Лондон

¹⁶ Ibid. P. 42–44.

¹⁷ George S. Epistolary Exchange: the Familiar Letter and the Female Botanist, 1760–1820 // Journal of Literature and Science. 2011. Vol. 4. № 1. P. 16.

¹⁸ Форестер Г. Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986. С. 533.

¹⁹ Fara P. Op. cit. P. 7–9.

рони» иронично называли в Англии молодых аристократов, перенимавших европейские, преимущественно итальянские, манеры поведения и костюм. Еще до отплытия на Таити Бэнкс получил прозвище «ботанический макарони» (*botanic macaroni*), образ которого воплощен в карикатурах, сохранившихся в собраниях Лондонской национальной галереи²⁰. Интересно, что типичного «ботанического макарони» упрекали в том, что он не стремится соответствовать тем социальным ролям, которые приписывает общество его полу:

ни мужчина, ни женщина, а бесполое существо... Оно говорит без всякого смысла, улыбается без радости, ест без аппетита, катается верхом без энтузиазма, волочится за кем-либо без страсти²¹.

Каким образом мужчины-ботаники преодолевали данный стереотип? На примере Бэнкса мы видим, что в распоряжении мужчин был весьма действенный инструмент: развитые институциональные структуры, определяющие и направляющие профессиональную деятельность ботаников. Это и академия – Лондонское королевское общество, и различные ассоциации, курирующие профессиональные инициативы, например, Африканская ассоциация, занимавшаяся изучением проблем освоения внутренних районов Западной Африки, и Королевские ботанические сады Кью, в структуре которых и был создан институт «охотников за растениями». Посредством публикаций дневников и путевых заметок плант-хантеров романтизация образа участника экспедиций, которому во имя науки приходится преодолевать множество препятствий и рисковать своей жизнью, стала характерной чертой конца XVIII и всего XIX в.²² Так, скандальная репутация не помешала Бэнксу добиться успехов в академическом сообществе и в конечном итоге его возглавить. Интересно, однако, что после участия в экспедиции Кука Бэнкс лишь однажды решился на новое путешествие – в 1772 г. он посетил о. Уайт и Исландию вместе со своим другом, ботаником Д. Соландером. Заслуги Бэнкса по сбору коллекций семян, живых образцов и гербариев во время этих двух экспедиций были оценены по достоинству: пост президента Лондонского королевского общества (1778–1820) и советника короля по организации и управлению Королевскими ботаническими садами Кью позволил Бэнксу заниматься руководством научной жизни, не покидая Лондона. Кроме того, Бэнкс официально утвердил должностные обязанности «охотника за растениями», по сути создав новую профессию. Известно, что в течение «эры Бэнкса» – периода, когда Бэнкс стоял во главе Лондонского королевского общества, на благо империи трудились 126 «охотников за растениями»²³, первым из которых был официально провозглашен шотландский ботаник Фрэнсис Мэссон (1741–1805)²⁴. Заметки Мэссона о путешествиях по Южной Африке внесли существенный вклад в формирование образа охотника за растениями: храброго, решительного и преданного своему делу антипода «макарони»²⁵.

²⁰ *Darby M.* The Botanic Macaroni (Sir Joseph Banks), 1772. Etching on paper (frame: 43,7×36,3 cm depth 1,7 cm, plate-mark: 17,6×12,5 cm). National London Gallery. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portrait.gov.au/portraits/2018.79/the-botanic-macaroni-sir-joseph-banks> (дата обращения: 21.01.2021).

²¹ *Cohen M.* The Grand Tour: Constructing the English Gentleman in Eighteenth-century France // *History of Education*. 1992. Vol. 21. P. 241–257.

²² *Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A.* The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Washington, 2017. P. 9.

²³ *Ibid.* P. 4.

²⁴ *Tyler-Whittle M.S.* The Plant Hunters, being an examination of collecting, with an account of the cares and methods of a number of those who have searched the world for wild plants. London: Chilton Book Company, 1970. P. 295.

²⁵ *Masson F.* An Account of Three Journeys from the Cape Town into the Southern Parts of Africa; Undertaken for the Discovery of New Plants, towards the Improvement of the Royal Botanical Gardens at Kew // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1776. Vol. 66. P. 268–317.

Иной путь преодоления предрассудков использовали женщины. О.А. Валькова в своей монографии, посвященной женщинам ученым в Российской империи, использует метафору «штурма» академии²⁶. Женщины в Британии избрали более тонкую «стратегию» – отстаивая свое право проводить исследования в сфере ботаники и делиться собственным опытом и соображениями, они действовали не напрямую, стремясь принять активное участие в жизни академического сообщества, а в основном посредством литературного творчества²⁷.

Основным жанром, который использовали женщины-ботаники в Англии, стал эпистолярный роман. Нужно отметить, что обращение к роману в письмах как форме изложения ботанических наблюдений и гипотез впервые использует Жан Жак Руссо. Его труд «Письма об элементах ботаники к мадам де Л.» (1771–1774), работа кембриджского профессора ботаники Томаса Мартина «Письма об элементах ботаники, адресованные леди» (1785), представляющая собой перевод книги Руссо, и произведение филантропа и писательницы Присциллы Уэйкфилд (1751–1832) «Введение в ботанику» (1796)²⁸ стали первыми наиболее популярными и доступными для женщин пособиями по ботанике, одобренными социумом. С. Джордж, сравнивая между собой эти книги, отмечает ряд отличий, однако в качестве ключевого общего свойства называет поощрение занятий ботаникой для юных девушек и отстаивание идеи

Рис. 4. Томпсон Дж. Портрет Присциллы Уэйкфилд. 1818. Национальная портретная галерея, Лондон

²⁶ Валькова О.А. Штурмья цитадель науки. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 800 с.

²⁷ Widder A.H. Women and Botany in the 18th and early 19th Century England. Michigan State University Libraries [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.msu.edu/exhibits/botany/> (дата обращения: 18.12.2020).

²⁸ Wakefield P. An Introduction to Botany, In a Series of Familiar Letters, with Illustrative Engravings. Dublin: Printed by Thomas Burnside, 1796. 180 p.

благотворного воздействия изучения природы на формирование личности женщины²⁹. В предисловии к «Введению в ботанику» Присцилла Уэйкфилд целью своего труда провозглашает «культивацию в юных созданиях любви к изучению природы»³⁰ и акцентирует внимание на достоинствах такой «страсти»: ботанические изыскания, по ее мнению,

...побуждают находиться на свежем воздухе, что благотворно сказывается на здоровье и самочувствии, а объекты для изучения легко доступны благодаря тому, что ничего не стоят и могут быть обнаружены повсеместно³¹.

Успех публикации Присциллы Уэйкфилд вселил уверенность в других женщин и породил целую плеяду эпистолярных романов о ботанике, среди которых необходимо назвать «Ботанические диалоги» Марии Джексон (1797), «Диалоги о ботанике» Хэрриет Бейфорт (1819), «Разговоры о ботанике» Сары Мери и Элизабет Фиттон (1817), «Разговоры о растительной физиологии» Джейн Маркет (1829). Какими способами добивались авторы открытого обсуждения вопросов ботаники в кругу женщин? Во-первых, тщательным подбором нейтральных аналогов – своеобразным «вычищением» в переложении системы Линнея всей двусмысленной терминологии. Во-вторых, всяческим поощрением читательниц изучать природу на собственном опыте, подчеркивая, что такой путь познания предпочтительнее чтения ученой литературы. Наконец, представляется важным, что в качестве главных героев этих эпистолярных романов выступают женщины, как правило, юная девушка, ее сестры, мать и гувернантка. Очевидно, что диалоги между героинями в силу их ролевых моделей не содержат и оттенка фривольности, более того, носят ярко выраженный дидактический характер. Жанр романа в письмах, причем в форме обмена корреспонденцией между членами одной семьи, придает упомянутым произведениям статус литературы для семейного чтения. Действительно, Джордж допускает, что все эти романы, вероятно, читались вслух в домашней обстановке в присутствии домочадцев и слуг³².

Литературное поприще было популярным, но не единственным способом для английских женщин реализовать свой интерес к ботанике. Широко известны примеры, когда в указанный период успеха и признания добивались женщины-коллекционеры и женщины-авторы ботанических иллюстраций. Так, в свое время настоящую славу снискали гербарные коллекции Маргарет Бентик, герцогини Портлендской (1715–1785), и Мери Делани (1700–1788), изобретательницы техники декупажа³³; а ботанические иллюстрации Элизабет Блэквелл (1707–1758), автора «Занимательного гербария» (1737–1739) – книги иллюстраций растений из Челси Физик Гарден, стали настоящим спасением для автора (доход от издания книги позволил Элизабет освободить своего супруга, отбывавшего тюремное заключение за долги)³⁴.

Подводя итог обзору «ботанических предрассудков», возникших в Британии во второй половине XVIII века, следует подчер-

²⁹ George S. Op. cit. P. 21–22.

³⁰ Wakefield P. Op. cit. P. III.

³¹ Ibid. P. III–IV.

³² George S. Op. cit. P. 21.

³³ Flannery M. The 18th-century Passion for Botany: Women. 2019. Herbarium World [Электронный ресурс]. URL: <https://herbariumworld.wordpress.com/2019/06/10/the-18th-century-passion-for-botany-women/> (дата обращения: 18.12.2020).

³⁴ Costantino G. Women in Enlightenment Science. 2018. Biodiversity Heritage Library [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.biodiversitylibrary.org/2018/10/women-in-enlightenment-science.html> (дата обращения: 18.12.2020).

кнуть, что стереотипы о мужчинах-ботаниках не были связаны с открытием Линнея – они возникали из поведения конкретных индивидов и типичных практик поведения во время участия в экспедициях, тогда как стереотипы вокруг женщин являлись прямым порождением реакции читающей публики на Половую систему растений Линнея ввиду определенной табуированности изучения размножения и отсутствия адекватного способа говорить и писать на эту тему. Женщины-ботаники, в свою очередь, не давали повода упрекнуть себя в несоблюдении приличий, однако общество было заинтересовано более строго и внимательно следить за репутацией леди. Да, женщины-ботаники имели возможность высказаться, закрепив за собой такие ниши, как дидактическая литература в форме эпистолярного романа и ботаническая иллюстрация, но эти же самые формы не позволяли им по-настоящему возвысить свой голос. Мир британской академической науки XVIII в. был открыт только для мужчин.

Искусство в историческом исследовании

УДК 747
ББК 85.128

А.Г. Николаева

Интерьер русской усадьбы первой половины XIX века как феномен культуры

Статья посвящена вопросу формирования феномена русской усадебной культуры, который начал складываться после манифеста Петра III. Подробно изучаются характерные черты усадебного интерьера в эпоху классицизма. Анализируется убранство помещений и домовых пространств на примере дворцов-усадоб и маленьких подмосковных имений. В ходе работы над статьей были использованы мемуары, произведения графики, фотографии и открытки из различных коллекций.

Ключевые слова: интерьер, русская усадьба, классицизм, дворянство, подмосковные усадьбы, усадебная архитектура, культура

Усадьбы как неотъемлемый атрибут жизни русских дворян XIX в. имеют свою магию, они связывают человека с местом его обитания и рожают уникальную культуру повседневности, по сей день актуальную для изучения.

Еще в 1910 г. барон Н.Н. Врангель писал, что

...при слове «усадьба» нам обыкновенно рисуется белокаменный дом екатерининского или alexандровского времени, тенистый сад, «храмы любви» и «дружбы», мебель корельской березы или красного дерева¹.

По словам современного исследователя,

...многие усадьбы – отнюдь не пышные дворцы с парадной шеренгой колонн, а подчас простые постройки, окруженные фруктовым садом; которые хранят «тайны истории», ибо здесь жили люди, создавшие славу России².

¹ Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки русского искусства и быта. М.: Книга по требованию, 2013. С. 9.

² Новиков В.И. Путешествие в мир русской усадьбы. М.: Русское слово – учебник, 2013. С. 5.

В самом деле, и сейчас, по прошествии веков, перед глазами предстают очертания старинных усадеб, образы которых остались в истории благодаря художественной литературе и мемуарам, изобразительному искусству и фотографии.

Русская усадьба как феномен культуры начинает складываться после манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762). При Екатерине II льготы были подтверждены и расширены благодаря «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» (1785). Так дворянское сословие получило возможность уйти с государственной службы и заняться делами, входившими в круг их интереса. Тут нужно отметить, что государство подобным образом стремилось перенаправить знания и свободное время дворян на развитие хозяйственной деятельности. Ведь теперь дворянин почувствовал себя хозяином собственной жизни и мог избрать для себя любой род занятий, руководствуясь желаниями и финансовым положением.

Особое место в связи с этим заняла Москва и ее окрестности. Древняя столица стала городом для опальных и состарившихся вельмож, здесь находились старинные родовые поместья. Многие знатные представители старых фамилий возвращались к истокам и доживали здесь свой век. Оказавшись не у дел и находясь далеко от двора, многие дворяне могли позволить себе жить так, как им хочется. Московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин, писал:

Все важнейшие вельможи, за старостью делавшиеся неспособными к работе, или разочарованные, или уволенные со службы, приезжали мирно доканчивать свое существование в этом городе, к которому всякого тянуло или по его рождению, или по его воспитанию, или по его воспоминаниям молодости, играющим столь сильную роль на склоне жизни. Каждое семейство имело свой дом, а наиболее зажиточные – имение под Москвой. Часть дворянства проводила зиму в Москве, а лето в ее окрестностях³.

«Подмосковные» – так в свою бытность ласково называли усадьбы, расположенные в окрестностях Москвы. В «золотой век» расцвета усадебной культуры их насчитывалось более тысячи.

К началу XIX в. складывается типовой усадебно-парковый комплекс, включавший в себя дом с флигелями, конюшни, сарай, оранжереи. На территории усадьбы могла также находиться церковь. И обязательным для усадьбы считалось устройство сада или парка.

Многие крупные «подмосковные» усадьбы были перестроены из старых родовых поместий. Как правило, к главному дому пристраивалось несколько флигелей – один для гостей, а другой для подрастающих детей. Композиция и масштабы усадебных владений зависели от уровня дохода и культуры самого владельца. Близость к природе формировала уникальную культурную среду для многих представителей дворянского сословия. Здесь воплощались в жизнь идеалистические представления помещика, его мечты и фантазии. Интерьер в этой связи представляет собой зеркало общества, отразившее историко-культурные аспекты времени и взгляды своих владельцев.

³ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! / Сост., вступ. ст., примеч. Г.Д. Овчинникова. М.: Русская книга (Сов. Россия), 1992. С. 255–256.

Усадьбы Подмосковья в связи с близостью города вобрали в себя черты как городской, так и сельской жизни. Имения сильно отличались друг от друга по своему характеру, размеру, художественному оформлению, а самое главное, по назначению. Очень часто владелец усадьбы принимал деятельное участие в составлении проекта по обустройству поместья. Многие не жалели ни средств, ни возможностей, стараясь привлечь к строительству и украшению самых талантливых архитекторов и зодчих. Каждая мелочь, каждая деталь была продумана и несла в себе особый смысл.

Имел значение фактор отдаленности усадьбы от города. Многие нюансы определялись заранее. Если усадьба предназначалась для увеселений, то, как правило, находилась недалеко от города. Яркими примерами являются Останкино, Кусково, Кузьминки, Архангельское и многие другие. Чем дальше от Москвы, тем больше появлялось поместий с уклоном на ведение хозяйства, в них архитектура и парки имели простой и незамысловатый облик. Подобных имений, конечно, было больше.

Среди старых парков, вблизи водоемов появляются дома-дворцы, которые словно подражали роскошным императорским резиденциям. Эпоха Просвещения диктует интерес к античности, вызванный во многом археологическими находками в Помпеях. Это находит отражение в белых колоннах с портиками, нарядных фронтонах, сквозных галереях, боковых флигелях. Такая архитектура не требовала большого количества декоративных элементов. Однако она претендовала на представительность и монументальность.

Царящий на рубеже XVIII–XIX вв. классицизм проявлялся в строгой симметрии зданий и построек, подъезды к усадьбам оформлялись аллеями, многие из них сохранились до сих пор.

Усадьба была тем подмоетком, на котором разыгрывалась парадная и повседневная жизнь дворян. Поэтому и в интерьере так четко ощущается деление комнат по их функциональному назначению. Многие помещения отличались между собой как по размеру, так и по декору.

Первое помещение, куда попадали гости, был вестибюль. Он представлял собой просторный зал и служил прихожей. Одним из ярких примеров подобных помещений можно назвать вестибюль в усадьбе Архангельское. На сохранившихся фотографиях 1930-х гг.⁴ мы видим стены, покрытые расписными узорами, состоящие из венков, военной арматуры, грифонов, а камин-пьедестал венчает скульптурная композиция. Пространство, спроектированное архитектором Е.Д. Тюриным, как бы предвосхищало торжественность парадных дворцовых помещений, что вполне соответствовало стилистике 1820-х гг. В вестибюле также располагалась лестница, ведущая на второй этаж.

Как правило, по высоте вестибюлю соответствовал парадный зал. Поэтому они располагались рядом. Оформление зала было торжественным, а само помещение просторным. Большие окна выходили в открытую часть парка, именно таков парадный зал в доме князей Вяземских в усадьбе Остафьево. На открытках 1900-х гг.⁵ запечатлен овальный двухсветный зал. Коринфские коло-

⁴ Дворец-музей «Архангельское». Вестибюль. Фотография И. Тувина. Набор открыток. М.: Госкиноиздат, 1946. (Из собрания автора)

⁵ Остафьево. Издание Г.С.Д.Ш., 1890–1900. (Из собрания автора)

ны и живописный плафон украшают интерьер. А мебель из красного дерева относится ко времени правления Екатерины II и Павла I. В парадной зале разворачивалась светская жизнь, устраивались балы и парадные обеды. Такие комнаты часто обставлялись минимальным количеством мебели.

К вестибюлю и залу примыкали гостиные. Их обставляли диванами, креслами, мягкой мебелью. Примечательно, что цвет обивки мебели должен был соответствовать тому цвету, которой оформляли стены гостиной. Так и называли гостиные по цвету. Цвет был насыщенным и часто контрастировал с мебелью из красного дерева. Композиция комнат была подчинена строгой симметрии, это касалось расположения дверей и печей, развески картин и расстановки мебели. Д. Благово писал по детским впечатлениям:

Все парадные комнаты были с панелями, а стены и потолки затянуты холстом и расписаны краскою на клею. В зале нарисована на стенах охота, в гостиной ландшафты, в кабинете у матушки то же, а в спальне, кажется, стены были расписаны боскетом; еще где-то драпировкой или спущенным занавесом. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но, впрочем, очень недурно, а по тогдашним понятиям о живописи даже хорошо⁶.

Из-за запрета Павла I на ввоз французской мебели начался подъем отечественного производства. Н.Н. Соболев отмечает, что большинство образцов мебели этого периода было изготовлено русскими мастерами, учившимися у европейских коллег⁷. В книге «Бытовая мебель русского классицизма конца XVIII – начала XIX в.» отмечается большой спрос на мебель, сделанную из пород карельской березы и красного дерева. Такая изысканная мебель украшалась латунными тягами и бляшками. Этот стиль получил название «жакоб»⁸. Прекрасные образцы подобной мебели сохранились в собрании музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим».

В начале правления Александра I появились новые предметы мебели, не имевшие европейского аналога: зеркала-псише, кресла-«корытце», курительницы на треножниках, кушетки-рекамье и многое другое. Особой известностью пользовалась мастерская по производству мебели А.К. Пика. Набирала популярность мебель из древесины березы и груши, персидского ореха и тополя.

В гостиной устраивали небольшие приватные «уголки». Такие пространства отделялись от основного помещения при помощи растений и ширм. Помогали в этом высокие растения в кадках, жардиньерки, столы-геридоны с вазами. Именно такой уголок гостиной в усадьбе Братцево с интерьером первой четверти XIX в. запечатлен на фотографии 1900-х гг.⁹ В центре фотографии мы видим гостинный гарнитур из волжской березы со скульптурным изображением лебедей. Это символ императрицы Жозефины Богарне. После войны с Наполеоном в России появилось много трофейной мебели из Франции, которая служила прототипом для русских мастеров. С правой стороны стоит застекленная горка для фарфора в стиле ампир, а венчает ее ваза с изображением античных сюжетов.

⁶ Благово Д.Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М.: Наука, 2014. С. 18.

⁷ Соболев Н.Н. Стили в мебели (Исторический очерк). М., 1939. С. 317–318.

⁸ Чериковер Л.З. Бытовая мебель русского классицизма конца XVIII – начала XIX в.: [Альбом] / [Авт. текста: канд. архитектуры Л.З. Чериковер]. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. 19 с.: ил.

⁹ Уголок гостиной в усадьбе Братцево. I-я четверть XIX в. Фотография 1900-х / Васильев А.А. Русский интерьер в старинных фотографиях. Mini. М.: СЛОВО/SLOVO, 2010. С. 130.

Помимо гостиной и залы, к парадным помещениям также относили и столовую. Иногда в усадьбах имелась буфетная.

Мебели в столовых комнатах старались ставить как можно меньше. Распространенными атрибутами были буфеты-горки или консольные столики у стен для посуды, которые во второй половине XIX в. сменили стеклянные витрины. Фарфор выполнял не только бытовую, но и представительскую функцию. Это было своего рода маркером богатства и вкуса хозяина.

В буфетной хранили посуду, скатерти и салфетки, предметы для чаепития. Кухни, как правило, в доме не было, она располагалась в отдельной постройке, чтобы запахи пищи не тревожили обитателей усадьбы.

Дом делился на две половины – мужскую и женскую. Комнатой для отдыха и домашних занятий служила диванная. В ней происходило общение между членами семьи, родственниками и близкими знакомыми.

Комнаты в доме обычно были проходными и составляли анфиладу. Открытые двери между комнатами создавали иллюзорное впечатление бесконечности, закрытие некоторых дверей позволяло менять внутреннее пространство.

Мужской кабинет служил местом решения хозяйственных вопросов и интеллектуальных дум. Обставляли его скромно, без лишних изысков, но с удобством для хозяина. В небольшой комнатке помещали секретер, конторку или бюро для хранения господских бумаг. Особое место в кабинете занимали портреты и миниатюры, книги, астрономические инструменты, глобусы. Именно такой образ запечатлен на открытке, где изображена репродукция работы неизвестного художника, который изобразил кабинет в доме князей Долгоруковых в Москве на Пречистенке¹⁰. На картине мы видим комнату с драпировками и кинжалами на стенах. В центре стоит письменный стол, покрытый ковром. Вероятно, в подобном декоре выражался мечтательный романтический настрой ее владельца. Вся картина пронизана уютом и непринужденностью. На стене в овальной раме отчетливо проглядывается портрет предка – сенатора князя Я.Ф. Долгорукова.

Женский кабинет оформлялся несколько иначе. Это помещение несло в себе несколько функций одновременно: пространство служило для хозяйки рабочим местом, а также салоном для приема гостей. Колорит одной из таких комнат был запечатлен графом Ф.П. Толстым в живописной работе «За шитьем», выполненной в 1-й четверти XIX в.¹¹ Большую роль в складывании интерьерного образа женского кабинета брали на себя цвета и ткани. Хозяйки тщательно подбирали шторы и драпировки, обивку мебели и ковры. Комнаты старались сделать в светлых тонах. Стены расписывали модными узорами цветов, венков, букетов согласно веянию времени. Мебель нередко украшали вышивкой крестиком. Главенствующую позицию в мебелировке занимал столик-бобик, предназначенный для рукоделия, диванчики-канопе для двоих, козетки-столики, зеркала, инструменты для занятия рукоделием.

Кабинеты могли находиться на верхних этажах дома, такие комнаты называли антресолями.

¹⁰ Неизвестный художник.

¹¹ Собрание ГТГ.

Дамы и господа, сидя на антресолях верхнего этажа дома, увлеченно вышивали мельчайшим венецианским или граненым богемским бисером настенные панно, чехлы для чубуков, сонетки, бювары, вязанные подстаканники, диванные подушки, каминные экраны и даже порой целые столешницы и диванные обивки¹².

Особое место в усадьбе занимала библиотека. Отделка комнаты нередко выполнялась из дерева, интерьер заполняли книжные шкафы из дуба и сосны. В одном из номеров журнала «Столица и усадьбы» так описывается библиотека в усадьбе Отрада –

...на фоне темно-синих сводчатых стен – в массивных дубовых шкапах, за медной решеткой стоят тысячи книг в красивых кожаных, богато позолоченных переплетах конца XVIII и начала XIX века... На стенах между шкапами висят старинные гравюры. Среди них много воспоминаний о близких, дружеских отношениях основателя «Отрады» к разным выдающимся людям¹³.

Образ одной из библиотечных комнат нижнего этажа воплощен в акварели Э.В. Дитерса, подготовленной для выставки Нового общества 1917 г.¹⁴

Интересным явлением стала портретная галерея, которая часто встречается в интерьере состоятельных усадебных домов, отстроенных во второй половине XVIII – начале XIX в. Одной из таких галерей, реконструированных в наше время, является коллекция портретов, собранных гр. П.Б. Шереметевым в усадьбе Кусково. Уникальное собрание включало в себя портреты государственных деятелей европейских держав и Российской империи, семейные портреты рода Шереметевых.

Собирательство портретной живописи в усадьбах началось с подражания императорским галереям. Однако затем это приобрело и семейный характер, поскольку таким образом собиратель галереи сохранял уникальные портреты и образы предков. Живопись и гравюры были важной частью усадебного интерьера. Они играли неотъемлемую роль в формировании общего образа пространства.

Дворянские усадьбы – будь то большая усадьба-дворец для увеселения или простая усадьба с хозяйством – сформировали целый культурный пласт истории повседневности XIX в. Образ русского интерьера складывался согласно модным веяниям своего времени. С. Охлябинин в работе «Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века» отмечает, что даже «в глубинке же, да еще и в исполнении доморощенных архитекторов и строителей, барский дом отличался не только милым провинциальным упрощенчеством, но и желанием помещика на свой лад преподнести, пусть и наивно, свой, “личный классицизм” провинциальные мелко помещичьи усадьбы образом пытались выразить в интерьерах и архитектуре свое представление о классицизме»¹⁵.

Изучение русского усадебного интерьера – это прекрасный способ понять ментальность российского дворянства на рубеже XVIII–XIX столетий.

¹² Дудорева В. Бисер в старинном рукоделии. М., 1923. С. 7.

¹³ Кондаков С.Н. Отрада: Имение графа В.А. Орлова-Давыдова (Московская губ., Серпуховского уезда) // Столица и усадьба. 1917. № 83–88. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Охлябинин С. Повседневная жизнь русской усадьбы XIX века. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ohlyabin/1.htm> (дата обращения: 29.09.2021).

Э.В. Клоос

По следам В.А. Гиляровского: изучение поэтического творчества автора в контексте биографии

Статья посвящена поэтическому творчеству В.А. Гиляровского как источнику по изучению его биографии. Великий мистификатор, Владимир Алексеевич ловко создавал собственную биографию. В его жизни переплелись факты и вымысел, которые теперь трудно отделить. Конструируемый им образ наиболее ярко отразился в стихотворениях и повестях, особенно примечательны «Мои скитания». Однако если прозаическая часть творчества В.А. Гиляровского широко изучена, то поэтическая еще только ждет своих исследователей. Автор изучает связь между мировоззренческими позициями, этапами жизненного пути и его стихотворным творчеством. В основе работы лежит биографический метод, помогающий лучше понять творчество писателя. На примерах стихотворений, подкрепленных выдержками из его мемуаров, освещаются основные этапы его жизни. Впервые осуществляется попытка систематизации и выявления тематических особенностей поэтического творчества В.А. Гиляровского. Его можно условно разделить на несколько повторяющихся и наиболее популярных тем: казачества, народа, воли, природы, войны и любви. В статье вводятся в научный оборот сборники «Забятая тетрадь» и «Грозный год».

Ключевые слова: поэзия В.А. Гиляровского, биография, «Забятая тетрадь», «Мои скитания», «Москва и москвичи»

Многие знают В.А. Гиляровского как известного репортера, звездящего журналиста и знатока Москвы. Написанный им сборник очерков «Москва и москвичи» прочно вошел в историю литературы, а его газетные статьи стали пособием для учащихя журналистов как образцово-показательные примеры репортажа. Однако немногие знают, что Владимир Алексеевич писал и стихотворения. Более того, он считал себя поэтом и очень гордился, когда его так называли.

Знаете... вы – талант... только не на сцене... Вы – поэт. Это меня тогда немного обидело – я мнил себя актером, а после вспоминал и теперь с удовольствием вспоминаю эти слова, писал Гиляровский в «Моих скитаниях»¹.

¹ Гиляровский В.А. Мои скитания; Люди театра. М.: Правда, 1987. С. 211.

Однако значение поэтического творчества Гиляровского недооценено. Если к очеркам и репортажам исследователи обращаются часто, то к стихотворениям практически никогда. Лишь экспромты затронуты в статье Е. Абаренковой «Москва Гиляровского: Экспромты дяди Гиляя»². Ввиду этого новизна данного исследования заключается в систематизации и анализе стихотворений Гиляровского. Кроме того, здесь вводятся в научный оборот такие стихотворные сборники Гиляровского, как «Забывшая тетрадь»³ и «Грозный год»⁴.

Стихотворения сыграли важную роль в биографии Гиляровского, каждый значимый период нашел в них свое отражение. Автора вдохновляла жизнь с ее перипетиями, постоянным движением. Творчество сопутствовало ему всегда – даже в старости, ослепнув, он продолжал любимое дело. Для этого складывал бумагу гармошкой, чтобы написанные строчки не наезжали друг на друга, и писал.

Первое стихотворение Гиляровский написал, когда ехал на пароходе от Рыбинска, где работал крючником. Вдохновленный своим бурлацким опытом, вольной жизнью, он увлеченно писал: «Переживал недавнее и писал строку за строкой мои первые стихи...»⁵. Стоит отметить, что в литературный мир Владимир Алексеевич попал как поэт благодаря публикации стихотворения «Все-то мне грезится Волга широкая» в журнале «Будильник».

Его поэтическое творчество разнообразно: начиная от экспромтов и шуточных эпиграмм, заканчивая полноценными поэмами. Гиляровский был плодовитым поэтом: он дарил экспромты знакомым, писал стихи по случаю, некоторые его репортажи сопровождались стихами⁶, а едкие и емкие эпиграммы разлетались по Москве. Н. Телешов писал: «Гиляй щедро расточал направо и налево экспромты по всякому поводу, иногда очень ловко и остроумно укладывая в два или четыре стиха ответ на целые тирады, только что услышанные»⁷. Так, легендарным стало высказывание на тему запрета пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы».

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти⁸.

Владимир Алексеевич непрестанно придумывал новые экспромты. Его зоркий глаз и острую рифму не обходило ни одно событие. Чутко откликаясь на различные жизненные явления, он посвящал их как новым реформам, так и дружеским обедам. Но делал это в такой легкой и шутливой манере, что приятели и не думали обижаться. Так, придя к Федору Шаляпину на пельмени, Гиляровский их не дождался, потому что знаменитый певец сильно задержался. Тогда он написал:

Тебя с пельменями мы ждали
И говорили милый вздор...
И дальше, я скажу, не труся:
Не удивляйся ничему,
Решил, как подали нам гуся,
Что не товарищ ты ему⁹.

² Абаренкова Е. Москва Гиляровского: Экспромты дяди Гиляя // Наш современник. 1997. № 9. С. 218–224.

³ Гиляровский В.А. Забытая тетрадь. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1901. 202 с.

⁴ Гиляровский В.А. Грозный год / Рис.: А.М. Архипов, В.Н. Бакшеев, А.М. Васнецов [и др.]. М.: Улей, 1916. 85 с.

⁵ Гиляровский В.А. Мои скитания... С. 76.

⁶ Есин Б.И. Репортажи В.А. Гиляровского. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 12.

⁷ Телешов Н.Д. Записки писателя. Рассказы. М.: Правда, 1987. С. 31.

⁸ Там же.

⁹ Киселева Е.Г. Рассказы о дяде Гиляе. М.: Мол. гвардия, 1983. С. 201.

Тут в шуточной форме Гиляровский обыграл поговорку «Гусь свинье не товарищ». Так как Владимир Алексеевич придумывал на ходу, то записывал экспромты на всем, что попадало под руку: на салфетках, клочках бумаги, на скатертях, конвертах или просто посвящал их устно, совсем не заботясь о том, чтобы сохранить. Нередко помещал экспромты в свои репортерские заметки, которые часто и не подписывал вовсе. Поэтому многие его стихотворения затерялись.

В целом все стихотворное наследие Гиляровского условно можно разделить на три части: рифмованные остроты, написанные на злобу дня, посвящения и литературное творчество. Мы предлагаем делить их в соответствии с принципом предназначения: если первые отражали жизненные ситуации и были написаны шутки ради, вторые – для друзей, то третьи отражали мировоззренческие позиции автора и создавались для потомков. Остроты и посвящения сохранились лишь в воспоминаниях современников, а стихотворения были записаны и опубликованы автором. Так, в 1894 г. вышел первый сборник стихотворений Гиляровского «Забытая тетрадь»¹⁰. Он несколько раз переиздавался: в 1896 и 1901 гг., причем второе издание получило нелестную оценку М. Горького. Кроме того, вышел сборник «Год войны: думы и песни»¹¹, который также имел две редакции, а также «Петербург»¹², опубликованный в 1922 г., уже при советской власти. Кроме сборников печатались также отдельными произведениями поэмы «Стенька Разин»¹³ и «Портной Ерощка и тараканы»¹⁴. Как мы видим, Владимир Алексеевич оставил после себя обширное литературное наследие.

Стоит отметить несколько тем, наиболее часто встречающихся в поэзии Гиляровского. Это темы казачества, природы, войны, народа, родины и любви. Каждая из них наложила большой отпечаток на жизнь и мировоззрение автора. Его стихотворения просты и в этом очаровательность поэзии: в каждом сюжете отражена частичка души, характера. Опытный читатель легко узнает в них самого Владимира Алексеевича.

Часто в поэзии Гиляровского звучат мотивы казацкой вольницы, степи. Его восхищает царящая там свобода, он мечтает о ней.

И скажи, что не забыты
Мной ни степь, ни вольный Дон.
Не забыта в дни невзгоды,
Вдалеке родных земель,
Эта родина свободы
И героев колыбель¹⁵.

Родившийся и выросший в центральной России, Владимир Алексеевич по духу и по крови был казаком: его дед принадлежал к запорожцам. «По строю своей души, да и по внешности, Гиляровский был запорожцем», – писал К.Г. Паустовский¹⁶. Это было связано с вольной атмосферой в семье, в которой воспитывался юный Владимир, с его окружением. С детства он отличался удалью, любил проказничать и ничего не боялся. Его с юных лет тянуло к

¹⁰ Гиляровский В.А. Забытая тетрадь.

¹¹ Гиляровский В.А. Год войны: Думы и песни. М.: Улей, 1915. 47 с.

¹² Гиляровский В.А. Петербург. М.: Берендей, 1922. 30 с.

¹³ Гиляровский В.А. Стенька Разин. М.: Берендей, 1922. 31 с.

¹⁴ Гиляровский В.А. Портной Ерощка и тараканы. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1901. 19 с.

¹⁵ Гиляровский В.А. Забытая тетрадь. С. 18.

¹⁶ Гиляровский В.А. Москва и москвичи / [Вступ. статья К. Паустовского]. М.: Московский рабочий, 1955. С. 5.

безрассудной свободе, он не признавал никаких авторитетов, часто поступки граничили с безнаказанностью.

Центральное место в поэзии Гиляровского занимает образ Стеньки Разина¹⁷, который представлялся ему народным героем, отважным и смелым. Будучи юным, Гиляровский часто присутствовал при разговорах взрослых, где речь заходила об именитом казаке. «Не анафеме, а памятник ему поставить надо!» – говорили они¹⁸. Так, в воображении Владимира Алексеевича сложился образ справедливого атамана-освободителя. Чем больше он изучал народ и становился ближе к нему, чем чаще слышал упоминания о деяниях Стеньки Разина, тем больше восхищался им.

Гиляровского вдохновлял простой труд и близость к народу. Так, первое свое стихотворение он написал о нелегкой доле бурлаков, о тяготах их жизни и невзгодах.

Грустная песня за сердце берет,
Горе бурлацкое песню поет!...
В ней что ни слово, то горькая доля,
Видно, что петь заставляет неволя¹⁹.

Много стихотворений посвятил Гиляровский обездоленному народу. Среди его героев бродяги, разбойники, переселенцы. Он им сочувствует, приравнивает себя к ним или пишет от их имени. Они – его товарищи и соратники, вместе с которыми он провел свою кипучую молодость. Брат А.П. Чехова, Михаил, вспоминал:

Когда он задумывал писать какую-нибудь стихотворную поэму, то у него фигурировали Волга-матушка, ушкуйники, казацкая вольница, рваные ноздри...²⁰

Владимир Алексеевич, бесспорно, был яркой и неординарной личностью, жившей на границе двух миров: богемного московского общества и городского дна. Он с легкостью заводил знакомства, не пренебрегал даже самыми опустившимися и нищими. Всегда дружил с простыми людьми, даже когда приобрел богатство и известность. Среди его знакомых были как именитые литераторы и художники, так и обитатели Хитровки²¹. Многочисленные репортажи, прозаические произведения и стихотворения Гиляровский посвятил народу, стараясь обратить внимание на нужды людей – это очерки про коломенских нищих, про беспризорников и хитрованцев, расследование пожара на фабрике в Орехово-Зуево, благодаря которому рабочие смогли получить компенсацию, повесть «Трущобные люди», а также стихотворения «Петербург», «Бурлаки», «Бродяга» и многие другие, воспевавшие простого человека. Через все творчество Гиляровского пролегло уважение к личности, невзирая на ее социальный статус.

Подобное мировоззрение Гиляровского сложилось еще в детстве. В семье читался запрещенный роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», а в числе приятелей были политические заключенные: нигилисты и народники, сосланные в родной город Владими-

¹⁷ Стихотворения: «Стенька Разин», «Кузьма-орел», «Волга».

¹⁸ Гиляровский В.А. Мои скитания... С. 37.

¹⁹ Гиляровский В.А. Забытая тетрадь. С. 178.

²⁰ Гиляровский В.А. Собр. соч. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 408.

²¹ Криминальный район в дореволюционной Москве, где проживали беглые каторжники, воры, женщины легкого поведения и другие преступные элементы.

ра Алексеевича – Вологду. В его доме проводились встречи ссыльных, на которых присутствовал и юный Гиляровский. С детства он привыкал к свободомыслию, к идеям справедливости и народовластия. Вдохновленный, он совершил свое «хождение в народ», где жил и работал с бурлаками, крючниками, сторожами и даже разбойниками, делил с ними пищу и кров, заводил близкие знакомства. Но главное, благодаря им Гиляровский жил той удалой и вольной жизнью, о которой мечтал. Поэтому, побывав в столь тесных отношениях с представителями беднейших слоев населения, он не чурался их, а, наоборот, восхищался и сочувствовал.

Интересен цикл военно-патриотических стихотворений, посвященных Первой мировой войне. В числе многих Гиляровский принял ее с энтузиазмом, однако, будучи уже в почтенном возрасте, не мог принять непосредственного участия в боевых действиях. В своем письме актеру В.Н. Давыдову Гиляровский писал:

Ты думаешь, я не рвусь на войну? И знаю, что с моими станичниками мог бы еще кое-что сделать, но и в Москве, в сердце России работы хоть отбавляй! Ну, могу я там сделать красивый налет в счастливой разведке, изрубить с десяток немцев – и только? А здесь работа упорная, полезная и много труднее! У меня перо и помощь организациям натурой²².

Владимир Алексеевич издал сборник, средства от продажи которого шли в пользу жертвам войны. В сборнике он опубликовал свои стихотворения, иллюстраторами стали такие именитые художники, как А.М. и В.М. Васнецовы, К.А. Коровин, М.Н. Нестеров, В.Д. Поленов, И.Е. Репин и др. Добиться подобного сотрудничества мог только человек, которого горячо любили и уважали. Сборник выдержал две редакции и содержал более 30 стихотворений. Они посвящены как подвигам отличившихся дивизий («Донцам Суворовцам», «Орлы востока»), так и некоторым государствам, принимавшим участие в войне («Болгария», «В Польше», «Сербия» и т. д.). Большое значение Гиляровский придавал поднятию боевого духа солдат: «Страна побеждает не орудиями только, но и духом. Главное – духом!» – писал он²³. Так, в стихотворении «Памятка» автор подбадривает бойцов:

Ничего! Нам страх не ведом,
Все пролить готовы кровь,
И зовет сердца к победам
Милой родины любовь...²⁴

Несколько редакций сборника, включение в него новых произведений говорит о непрерывной работе и увлеченности военными событиями со стороны автора. Сам принимавший участие в русско-турецкой войне и получивший за храбрость георгиевский крест, Владимир Алексеевич искренне увлекался военными действиями, это была его стихия. Пускай и с помощью печатного слова, но он вносил свой вклад в борьбу с врагом.

²² «Будь санитаром духа» (Письмо В.А. Гиляровского к В.Н. Давыдову) / Публ. Л.Я. Дворниковой // Встречи с прошлым. М., 1978. Вып. 3. С. 132.

²³ Там же.

²⁴ *Гиляровский В.А.* Грозный год. М.: Улей, 1916. С. 35.

Более того, Гиляровский в самый разгар Первой мировой войны написал знаменитый марш «Сибирских стрелков». Стихотворение попало в песенник и стало очень популярно. Позднее, в период гражданской войны, его несколько раз переделывали. Красные, взяв за основу произведение Владимира Алексеевича, написали марш дальневосточных партизан, более известный как «По долинам и по взгорьям», а белые «Марш Дроздовского полка».

Особняком в поэзии Гиляровского стоят лирические стихотворения. Если остальные носят в себе биографические черты автора, передают его взгляды и соответствуют его характеру, то лирика совсем не вписывается в привычный образ Владимира Алексеевича. Кипучий, шумный, веселый, никогда не унывающий Гиляровский, каким помнят его друзья и современники, писал удивительно печальную лирику. Несмотря на умение преподносить даже самый безнадежный и трагичный репортаж так, что он совсем не выглядел печально, его собственные стихотворения полны безысходности и уныния. Отметим, что они были опубликованы в сборнике «Забывтая тетрадь», вышедшем в 1901 г. На тот момент поэту было всего 46 лет. Он пишет о пустоте и бесцельности жизни²⁵, о пролетевшей молодости и скорой смерти²⁶.

Пошло сложилась вся жизнь бестолковая!
И не проснутся уж силы убитыя,
И не заглянут по-прежнему новыя
Чувства прекрасныя в сердце разбитое!²⁷

Есть у Гиляровского и любовные стихотворения, их отличает удивительное спокойствие и зрелость чувств. Это стихотворения взрослого, мудрого и серьезного мужчины. Так, в стихотворении «М.И. М.-ой», предположительно посвященном жене, Марии Ивановне Мурзиной, чьи инициалы складываются в подобное название, он пишет:

Поручаю тебе, дорогая,
Мою жизнь и суровую долю,
И мечты, и надежды, и силы,
И мою непокорную волю!
Все то, все я тебе уступаю.
Все отдам я за слово привета.
Только буйную, дикую волю
Жаль мне больше и жизни, и света.
Все отдам я тебе не жалея,
Что дано мне судьбою на долю,
Не отдам только воли я даром –
Заплати мне любовью за волю!²⁸

Здесь нет бравады влюбленного, нет восхищения и кипучей страсти, свойственной пылким любовникам и вечно влюбленным людям. Его стихотворения посвящены любви стабильной, устоявшейся, зрелой. Отметим, что лирический герой отдает своей жен-

²⁵ Гиляровский В.А. Забывтая тетрадь. С. 108.

²⁶ Там же. С. 173.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Там же. С. 30.

щине самое лучшее, что у него есть: жизнь и силы, а также «непокорную волю», которая так дорога самому поэту. Он пишет: «Только буйную, дикую волю // Жаль мне больше и жизни, и света». Даже в лирических произведениях Гиляровский воспевает свободу.

Как мы видим, тематика стихотворений Владимира Алексеевича довольно многообразна. Однако все эти темы проникнуты главной страстью автора – страстью к свободе. Ради ее обретения он бежал в детстве из дома, сменил множество рабочих профессий, объездил половину России. Свободу встречаем в образе Стеньки Разина, казацких и степных стихотворениях, в военных сборниках, произведениях о природе и любви. Все они отражают тягу к свободе и безграничной воле. В этом видится яркое проявление бурного характера и неусидчивости, когда все стремления и мечты были подчинены лишь этой призрачной воле.

Гиляровский известен нам как король репортеров, родоначальник и мастер этого жанра, однако современники знали его и в качестве поэта. Более того, начинающие поэты присылали ему свои стихотворения «для отзыва», так велик был его авторитет в газетном мире. Теперь же поэтическое творчество Гиляровского забыто. Однако его обширное поэтическое наследие включает в себя не только серьезные стихотворения, но и шуточные злободневные экспромты и дружеские посвящения, наполненные яркими автобиографическими образами и доброжелательным юмором. Многие из написанного автором утеряно, но даже то, что доступно нам, открывает Гиляровского с новой стороны.

Н.Н. Мининкова

Мемуары и дневники А.Г. Коонен как источник для изучения театральной жизни Москвы начала XX в.

Статья посвящена исследованию источников личного происхождения: дневников и мемуаров русской драматической актрисы А.Г. Коонен. Выявленные материалы представляются как ценный исторический источник для изучения театральной жизни Москвы начала XX в. Сопоставление и анализ дневников (1904–1950) и мемуаров (1975), созданных на их основе, позволяют не только установить ценные факты по истории трех театров: Московского Художественного, Свободного и Камерного, но и определить степень субъективности автора, цели и мотивы создания источников, что во многом раскрывает их потенциал и повышает историческую ценность.

Ключевые слова: источники личного происхождения, дневники, мемуары, Камерный театр, А.Я. Таиров, А.Г. Коонен, драматический театр

«О как я любила театр... Искусство!.. И ничего от меня не останется, ничего, кроме воспоминаний...» – такими словами завершился монолог Адриенны Лекуврер – прославленной французской актрисы, судьба которой вошла в основу сюжета созвучной ее имени пьесы Э. Скриба и Э. Легуве. В 1919 г. театральной общественность Москвы впервые увидела воплощение французских драматургов на подмостках Московского Камерного театра в постановке А.Я. Таирова. Спектакль, явившийся символом и одним из главных событий Камерного театра, был показан по всей стране «от Мурманска до Одессы, от Ленинграда до Владивостока, ему аплодировали в Риме, Брюсселе, Берлине, в Буэнос-Айресе и на родине Адриенны – во Франции»¹.

Почти двадцать девять лет главную роль в нем исполняла русская драматическая актриса А.Г. Коонен. Многообразие и художественная выразительность созданных ею образов в исторической ретроспективе представляются своеобразным рупором голоса поколения творческой интеллигенции, вступившей в новый век с ча-

¹ Коонен А.Г. Страницы жизни / Под ред. и послесл. Ю.С. Рыбакова. М.: Искусство, 1975. С. 255.

яниями, оторванными от обыденности прежнего мироустройства и ищущими свой собственный неповторимый путь в искусстве, облекая для того действительность в самые парадоксальные, фантазмагоричные, гротескные, но вместе с тем наполненные глубоким смыслом формы.

Нахождению и искусному существованию А.Г. Коонен в праздничной повседневности Серебряного века сопутствовала привычка, преследующая ее с самого детства и до самых последних дней жизни, – практически ежедневно заносить свои записи в личный дневник. Так, по истечении семидесятипятилетнего запрета на публикацию архивных документов перед исследователями театральной эпохи начала XX в. оказался уникальный по своей сути исторический источник – дневники А.Г. Коонен, охватывающие записи 1904–1974 гг.

Цели ведения этих записей актриса определяет довольно рано и довольно точно, 11 апреля 1917 г. она напишет:

Я веду дневник исключительно для себя. Это тот материал, из которого со временем, если буду жива, я сделаю рассказ о своей жизни. Здесь – одни знаки, понятные только мне и вводящие во все круженья моих внутренних движений. Это все – заглавные буквы тех слов, из которых и будет когда-нибудь, если это суждено, Рассказ об Алисе Коонен, о ее странном существе и существовании на свете².

Такой рассказ действительно получился. Первые семнадцать глав «Страниц жизни» – мемуаров Алисы Георгиевны, были напечатаны на страницах журнала «Театр»³, а в 1975 г. вышла отдельная книга⁴, работа над которой стала последней премьерой А.Г. Коонен, свершившейся без нее как главного действующего лица. Успев сдать рукописи в издательство, до выхода книги в свет актриса не дождалась.

Таким образом, дневниковые записи были необходимы А.Г. Коонен не только для психоэмоциональной разгрузки, но и для последующей реконструкции событий, для восполнения лагун, образующихся со временем в памяти, для поновления утраченных чувств, эмоций, воспоминаний. И несмотря на крайне патетическую, стихийную и эмоциональную манеру ведения дневника, записи по-актерски точно воспроизводят увиденное и услышанное, сохраняя не только диалоги и реплики, но и манеру, темп речи, лексику и характерность корифеев русской и зарубежной сцены.

При этом актриса не дает исторической оценки событиям, стремительным вихрем пронесшим ее сквозь толщу времен. На страницах дневников и мемуаров практически отсутствуют сведения о Первой мировой войне, Февральской и Октябрьской революциях, падении царского режима, образовании нового государства. И здесь трудно судить о том, чем это все-таки было вызвано: самоцензурой или внутренним отречением. Словно поблекший со временем и потерявший лоск спектакль, не находивший отклика у нового зрителя, и потому за ненадобностью снятый с репертуара, уходила в небытие целая эпоха, менялся стиль жизни, приме-

² Цит. по: Коонен А.Г. «Моя стихия – большие внутренние волнения»: Дневники: 1904–1950 / Публикация, вступит. ст. и коммент. М.В. Хализевой. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 439.

³ Театр: ежемесячный журнал драматургии и театра. М., 1965. № 11. С. 122–138; № 12. С. 101–113; 1966. № 2. С. 79–89; № 4. С. 95–106; № 7. С. 102–121; № 11. С. 91–110; 1967. № 1. С. 77–90; № 3. С. 63–73; № 6. С. 104–117; № 9. С. 99–115; 1968. № 1. С. 79–82; № 3. С. 97–115; № 6. С. 83–100; № 9. С. 91–109; 1969. № 2. С. 85–105; № 6. С. 100–118; № 12. С. 87–107.

⁴ Коонен А.Г. Страницы жизни.

ты времени, но оставалось главное – служение искусству, высшим идеалам, которые существуют вне декораций исторических эпох и для художника остаются незыблемыми.

Если же проводить аналогии между дневником актрисы, послужившим исходным материалом для написания мемуаров (в некоторых частях которых приводятся практически дословные цитирования из дневника), то можно проследить, как некоторые фрагменты своего текста А.Г. Коонен подвергала редакторской правке, как изменяла события, свою собственную жизнь и сценический образ. Наличие в данном случае «протографа» позволяет не только дополнить и уяснить некоторые из моментов, которые были приведены в мемуарах и по разным причинам раскрыты в них не полностью, но и определить степень субъективности автора. Воспринимая эти два источника как отдельно существующие объекты, можно охарактеризовать дневник – как очень личный, местами интимный рассказ, полный порывов и горячих, непосредственных чувств, тогда как мемуары – воспроизведенная на чистовик картина жизни, осмысленная зрелым человеком, который многое пережил и прошел как в творческом, так и в личном плане. И хотя мемуары сохраняют настроение и характер актрисы, а также часто несут непосредственный характер, они все же во многом сдержанны, соблюдают этические нормы, не раскрывают большой пласт «внутренних волнений», который так ярко намечен и обрисован в дневнике.

Несколько слов стоит сказать и о самом дневнике. В общей сложности он состоит из 47 рукописных дневниковых тетрадей, 42 из которых за период с 23 августа 1904 г. по 6 марта 1974 г. хранятся в РГАЛИ в фонде А.Г. Коонен⁵, еще пять тетрадей разных лет (за 1906–1907, 1912 и 1912–1913 гг.) находятся на хранении в рукописном отделе Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей (ЦНБ СТД РФ).

Первые попытки издать дневник относятся к 2013 г., когда А.С. Шулениной с предисловием и примечаниями В.П. Нечаева были опубликованы три тетради из собрания ЦНБ СТД за 1907–1913 гг.⁶ Некоторые части дневника (за 1914–1925 гг.) издавались и в альманахе «Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века»⁷. На сегодняшний момент самым полным изданием можно считать работу М.В. Хализевой⁸. В 2021 г. с ее вступительной статьей и обширным комментарием были опубликованы 24 дневниковые тетрадки А.Г. Коонен за период с 23 августа 1904 г. по 28 сентября 1950 г. с пропусками разной продолжительности. Публиковавшиеся ранее дневниковые тетради из собрания ЦНБ СТД были заново переосмыслены и встроены в хронологической последовательности между дневниками из собрания РГАЛИ. Таким образом, неопубликованными остаются тетради за последние четверть века жизни А.Г. Коонен.

Отнюдь не все дневниковые тетради уцелели. Можно предположить, что немалая их часть была уничтожена самим автором, когда осуществлялась редакция для составления мемуаров. Именно поэтому некоторые из опубликованных дневников представляют со-

⁵ РГАЛИ. Ф. 2768. Оп. 1. Д. 116–124, 126–132.

⁶ Три тетрадки Алисы Коонен / Послесл. В.П. Нечаева; Подгот. текста и примеч. В.П. Нечаева, А.С. Шулениной. М.: Навона, 2013. 221 с.

⁷ «Я – не Ермолова, не Рашель. Я, пожалуй, – современная Адриенна Леккуврёр»: Дневники А.Г. Коонен 1914–1925 гг. / Публ., вступ. статья и коммент. М.В. Хализевой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 5 / Ред.-сост. В.В. Иванов. М.: Индрик, 2014. С. 9–175.

⁸ Коонен А.Г. «Моя стихия...»

бой лишь фрагменты целостного текста с заметными смысловыми упущениями разной продолжительности (от нескольких месяцев до года). Все это затрудняет исследовательскую работу творческого наследия А.Г. Коонен, поскольку из-за образовавшихся пустот в тексте читатель может невольно объединять записи разных хронологических периодов, хотя промежуток между ними порой велик.

Между тем дневник уникален разнообразием представленной в нем информации. На его страницах оживают портреты выдающихся отечественных и зарубежных личностей, деятелей культуры, исторических персонажей. Среди них особенно выделяются К.С. Станиславский, А.Я. Таиров, К.А. Марджанов, Вл.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, М.П. Лилина, Л.Н. Андреев, Ю.К. Балтрушайтис, Э.Г. Крэг, А.Н. Скрябин и многие другие, кто так или иначе соприкасался с А.Г. Коонен в творчестве и жизни.

Тематически материалы дневника можно разделить на несколько подгрупп: 1) окончание гимназии, первые годы в Школе МХТ и последующая служба в Художественном театре, 2) сезон в Свободном театре К.А. Марджанова, 3) создание, открытие и вся последующая история существования Московского Камерного театра вплоть до его закрытия в 1949 г. и смерти А.Я. Таирова в 1950 г.

Помимо самостоятельной значимости этих сюжетов, они позволяют проследить, как из пылкой гимназистки, полной душевных метаний и неопределенности, постепенно формируется не менее чувственный, страстный, но все же более взвешенный характер. Самый главный портрет, созданный на страницах дневника, – это портрет автора, опрометью летевшего в открытое море искусства и раскрывающего в своих ролях от Адриенны Лекуврер до Федры, от Сакунталы до Жирофле-Жирофля не характер, а судьбу своих героинь.

Кроме того, дневниковые записи показывают психоэмоциональную составляющую творческой профессии изнутри, что вносит необходимые и важные подробности в образ актерства. И несмотря на то что лишь немногие страницы дневника рассказывают о самых главных и успешных ролях А.Г. Коонен (в основном это записи о технической стороне работы над ролью), в ее изложении важно звучание, которым напитан текст. Русская актриса Е.Н. Музиль как-то заметила:

Актеры, играя роль, как правило, играют только черные строчки текста, а ведь черные строчки чередуются с белыми, и белые строчки тоже надо играть⁹.

Так и в повествовании А.Г. Коонен черные строчки идут вместе с белыми, которые при определенном ракурсе явственно предстают перед читателем. В записях самого раннего периода, проведенного актрисой в Художественном театре под покровительством и опекой К.С. Станиславского, часто и будто бы невзначай появляются цитаты из чеховских пьес, встроенные и затерявшиеся в общей канве повествования, они дополняют или, если говорить точнее, наполняют ее собственную жизнь.

⁹ Коонен А.Г. Страницы жизни. С. 420.

Самая первая из сохранившихся дневниковых тетрадей (1904) переносит читателя в гимназическую пору (актриса окончила Московскую 1-ю женскую гимназию «Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны»). Между тем в сохранившихся тетрадях отсутствуют записи, где могло бы быть описано поступление юной А.Г. Коонен в Школу Художественного театра. Это те фрагменты, о которых она живо и ясно рассказывает в своих мемуарах.

В дневнике за гимназическими годами сразу следуют записи об участии А.Г. Коонен в европейских гастрольях МХТ. Эпоха пребывания будущей актрисы в Художественном театре отражена в дневниковых тетрадях наиболее полно и, хотя этот период составляет всего семь лет (1906–1913 гг.), их объем заметно возвышается над последующими записями. Заметки о заграничных гастролях, приведенные в дневнике, существенно расходятся с тем благозвучным рассказом о путешествии вместе с Художественным театром, описанном в мемуарах актрисы. Дневниковые записи показывают, сколь непросты были те годы, и как юные студенты, исполняющие роли в массовых сценах, были вынуждены скитаться в поисках жилья и пропитания по ночной Европе.

Особая ценность дневника А.Г. Коонен состоит в том, что через него можно восстановить обстановку, культуру и быт Художественного театра и Школы при нем. Интересно показан учебный процесс, фрагменты репетиций и еще только зарождающаяся система К.С. Станиславского. На первых порах существования Школы МХТ не было четкой программы обучения студентов, но, присутствуя на репетициях и наблюдая за работой маститых актеров – «стариков», как их принято было называть в кругах сценической молодежи того времени, ученики наполняли свои творческие впечатления и постигали мастерство актера.

В дневнике чрезвычайно скрупулезно раскрывается путь актрисы к принятию и осуществлению решения уйти из Художественного театра, в котором, несмотря на гениальность его деятелей и новаторство постановок, царил тоталитарная атмосфера, сковывающая актеров и подчиняющая их единственно главной идее, мысли и схеме, вне границ которых существование было невозможно. Иностранность же А.Г. Коонен Художественному театру проявилась довольно рано – страницы дневниковых тетрадей ранних лет пребывания в театре полны угнетения, а нередко и разочарования от несбывшихся чаяний, но сомнения и трепет перед учителем, заботливым наставником, требовательным воспитателем, принявшим ее в «театральную семью», долгое время рождает мысли о том, что «случается, что даже самые маленькие людишки бунтуют против бога»¹⁰. Между тем зреющий театральный стиль актрисы, выражающийся в звучности речи, красоте и пластичности движений, причудливости форм и сочетаний, обрисовывающий скорее сказку и миф, нежели близость к быту, нарочитому натурализму или подробному психологическому анализу, только доказывал, что Художественный театр, мечта о котором была столь долгожданной, глубинно не был близок А.Г. Коонен.

¹⁰ Там же. С. 102.

Твердая уверенность в неизбежности претворения в жизнь творческих чаяний и надежд выражается у А.Г. Коонен в единственной фразе – «Театр будет!». И действительно, несмотря на нескончаемые бытовые трудности в его устройении и непрекращающийся поток критики, «Камерный театр был вписан в географию театральной Москвы с той же категоричностью, как потом ампутирован»¹¹.

Записи же поры формирования Камерного театра, предвестником которого выступил сезон в Свободном театре К.А. Марджанова, немногословны, часто содержат односложные нераспространенные предложения и лишь крупницы фактологического материала. 18 декабря 1915 г. актриса напишет:

Я выросла. – Стала смелее, не боюсь говорить свои слова, заявлять о себе. Дышу нашим театром, верю в его будущее и несю туда свою душу, свою любовь и здоровье¹².

Самые счастливые годы торжества и полета подлинно творческого начала отражены в дневнике А.Г. Коонен сдержанно. «У каждого человека радости и горести идут хороводом»¹³, – как говорила юной актрисе, намечающей рисунок роли Маши из пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп», сыгранной на сцене Художественного театра, цыганка Оля Степанова. Так и в жизни Алисы Георгиевны, написавшей в первом, несохранившемся дневнике эпиграф к последующим записям: «Жизнь – юдоль страданий»¹⁴, – эти строки нашли свое место.

Завершающие изданные дневники записи о травле, закрытии театра, болезни А.Я. Таирова и его смерти все также сдержанны, но как велика сила единственного слова: «Никто из врачей ничего не понял!!!»¹⁵. Через год после закрытия Камерного театра ушел из жизни его создатель, ушел со словами:

Видишь... между булыжниками пробивается трава. <...> Кажется невероятным: ездят машины, грузовики, топчут землю прохожие, а трава выпрямляется, живет и дает новые ростки. Вот так и искусство. Оно пробьется и будет жить снова!¹⁶

Дневник А.Г. Коонен продолжила вести и после закрытия Камерного театра и смерти А.Я. Таирова. Массив записей 1951–1974 гг. все еще остается неизученным, хотя их объем значительно превышает изданные дневниковые тетради. Хочется верить, что в дальнейшем это должно обеспечить дневнику внимание исследователей театральной эпохи XX в.

¹¹ Туровская М.И. «Серебряный век» театра (Возвращение) // Литературная газета. № 22. М., 1990. С. 8.

¹² Коонен А.Г. «Моя стихия...» С. 419.

¹³ Коонен А.Г. Страницы жизни. С. 437.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Коонен А.Г. «Моя стихия...» С. 552.

¹⁶ Коонен А.Г. Страницы жизни.

Я.В. Прибыткова

Предчувствие перемен: оттепель в советском кинематографе 60-х гг. XX в. на примере фильма «Июльский дождь»

В статье рассмотрены политико-культурные взаимосвязи на материале советского кинематографа 1960-х гг., прослеживаются черты, указывающие на то, что период относительной свободы в жизни и быте людей постепенно уходит. Фильм Марлена Хуциева «Июльский дождь» является определенным культурным маркером завершения эпохи «оттепели». В исследовании приведены наиболее важные социально-политические маркеры кинематографических и сценарных приемов эпохи конца «оттепели» и времени перехода к эпохе «застоя».

Ключевые слова: «оттепель», М. Хуциев, «Июльский дождь», история кино, искусство, архивный документ, символы эпохи

На излете оттепели в 1966 г. на большие экраны Советского Союза выходит фильм Марлена Хуциева «Июльский дождь». Задумка и первый сценарий появились за два года до этого, сценарная заявка была сдана в Шестое творческое объединение «Мосфильма» 4 апреля 1964 г. и получила одобрение через несколько дней. И, как водится в мире кино, была повергнута затем многочисленным метаморфозам в процессе обсуждения, однако фильм «Июльский дождь» все-таки дошел до финального вида с относительно небольшим количеством правок.

«Июльский дождь» – не дебютная картина Хуциева. До этого были сняты несколько важных кинокартин, среди которых «Весна на Заречной улице» (1956) и «Застава Ильича» – первая версия «Мне двадцать лет» вышла в свет раньше и с измененным концом, так как «Застава Ильича» не понравилась Н.С. Хрущеву» (1964). Если сравнить эти три фильма, они помогут понять историко-культурный контекст оттепельного периода. «Весна на Заречной улице» с ее вечерней школой и тонкой любовью, не получившей одобрения общества. Далее выходит каноничный для восприятия оттепели фильм «Застава Ильича», вобравший в себя всю семантику своего времени: послевоенную строящуюся Москву, рефлексия на тему только что окончившейся Второй мировой войны, в главных ролях три моло-

дых человека (Сергей, Слава и Николай), архетипичные «советские» битники и картошка, выращенная на севере нынешней Москвы. За этот фильм Марлен Хуциев получает награду Венецианского кинофестиваля в номинации Специальный приз жюри.

Тем временем в Европе царит “La Nouvelle Vague” или «новая волна», на экраны выходят фильмы «Хиросима, моя любовь» Алена Рене (1959), «На последнем дыхании» Жана-Люка Годара (1960), «Клео от 5 до 7» Аньеса Варда (1962). Андрей Тарковский получает свою первую награду Венецианского кинофестиваля за фильм «Иваново детство» (1962), Никита Михалков дебютирует в фильме Георгия Данелия «Я шагаю по Москве» (1964), беззаботно напевая песню в московском метрополитене. «Я шагаю по Москве» признается критиками важнейшим фильмом эпохи оттепели. Сценарий для него пишет выпускник ВГИКа Геннадий Шпаликов, автор сценария к фильму «Застава Ильича».

Важно охарактеризовать исторический и культурологический контекст 1960-х годов или эпохи оттепели:

- культ личности Сталина уничтожен на XX съезде КПСС в 1956 г. Теперь Сталин больше не отец народов, его политика и репрессивные методы подвергаются критике, тело Сталина изъято из мавзолея и перезахоронено за стенами Кремля;
- происходит реабилитация репрессированных, 29 декабря 1958 г. из Уголовного Кодекса РСФСР было изъято понятие «враг народа»;
- отношения между Америкой и Советским Союзом немного теплеют, но ненадолго, скоро мир станет биполярным, а вскоре отношения между СССР и США накалятся до предела;
- наблюдается заметный общественный интерес к поэзии и творчеству: в Политехническом музее проходят вечера поэтов-шестидесятников, литературные журналы расхватываются, новости об изданиях распространяются с космической скоростью.

Все это можно отнести к положительным сторонам оттепели, но вместе с тем происходит:

- кровавое подавление выступления в Новочеркасске (1962);
- не затихает борьба с диссидентским движением, многие критикующие власть отправлены в лагеря или психбольницы, распространяется самиздат; проходят кампании против формализма и абстракционизма.

Сложно оценить оттепель как однозначно положительное явление, ведь на смену «оттепели» пришли очевидные «заморозки».

И где-то между этими событиями начинаются съемки фильма «Июльский дождь».

В жаркий июльский день, прячась от дождя, вбежали в телефонную будку на бульваре парень и девушка. Девушка куда-то спешила, дождь был явно некстати. Парню было некуда спешить, и он отдал ей свою непромокаемую куртку... Она оставила парню свой телефон – он может позвонить и заехать за курткой в любое время, дома всегда кто-нибудь есть. Вот и все, так началась эта история¹.

¹ «Июльский дождь». Дело фильма, сценарный договор, сценарная заявка, заключение и др. Ч. 1. 4 апреля 1964 г. – 23 декабря 1966 г. // Архив «Мосфильма». Арх. № 2045. Связка № 106. Опись № 6. Л. 115–118.

Фабула у фильма довольно простая, малодинамичная, весь фильм тоже будет плавным, без резких сюжетных твистов, настроение «Июльского дождя» скорее размеренное. Встреча главной героини Лены (Евгения Уралова) и Жени (Илья Былинкин) произошла случайно: летняя погода очень изменчива. Именно летний внезапный дождь заставляет героев встретиться.

Дальше все повествование фильма будет сконцентрировано вокруг жизни Лены и ее молодого человека Володи (Александр Белявский). Лена ждет от Володи предложения выйти замуж. Елена работает инженером в типографии, печатающей репродукции классических полотен и живет среди образов идеала². Володя молодой и перспективный ученый, но мы узнаем, что его научный доклад был украден начальником-профессором Володи.

Кульминационной точкой становится смерть отца Елены, про это событие мы узнаем через телефонный звонок: Лене звонит Женя.

...Я не могу сейчас говорить, у меня умер отец, – отвечает ему Елена. Причину смерти мы не знаем, но именно это событие становится водоразделом фильма. После него Лена как бы начинает задумываться о Володе, смотрит на него другими глазами. Он, конечно, выглядит как идеальный кандидат: умный, много друзей, нежадный. Но при этом Алик, друг Володи, в середине фильма описывает его так – «антиманитен, морозоустойчив, водонепроницаем, антикоррозиен, тугоплавок... не сгорает в плотных слоях атмосферы».

Развязкой фильма является разговор Лены и Володи, он как бы с позиции долженствования зовет ее замуж, но она ему отказывает со словами:

...Сказала, что ты добрый, ты не пьющий, не бабник, не лишен чувства юмора, у тебя легкий характер, ты не трус. Понимаешь, я, наверное, никогда не могу объяснить, что, несмотря на все твои прекрасные качества, я не пойду за тебя замуж.

Вся эта история довольно типична: взгляды Лены видоизменяются в процессе фильма.

Отдельного внимания стоят второстепенные персонажи. Лена живет со своей мамой в коммунальной квартире, отец Лены совсем не показан зрителю, мы лишь узнаем о его смерти. Компания Лены – друзья Володи. Они вместе проводят время, из всей группы самые яркие герои – Владик и Алик. Владик как будто одна «Большая советская энциклопедия»: очень эрудирован и бесконечно сыплет фактами. Алик – бард, в прошлом фронтовик, стоит отдельного анализа, это мощный архетип.

Строго говоря, рефлексия на тему войны занимает отдельное место в кино времени оттепели. Молодым режиссерам приходилось искать новый киноязык. Если кинематограф 1920–1930-х гг. подвергался цезуре и должен был отвечать главной соцреалистической повестке, то обо всем приходилось говорить шепотом, все

² Крах среди ясного неба [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4722093> (дата обращения: 22.08.2021).

большие киновысказывания запрещены. В первой редакции фильма был эпизод с рассказом об адвокате, который в 1937 г. добился оправдания репрессированных людей, но в финальный монтаж он так и не был включен, так как оказался раскритикован редакционной коллегией.

После развенчивания культа личности Сталина приходилось по-новому говорить о большой травме, сформированной Второй мировой войной. Были сняты фильмы, где война – центральный «герой», такие как «Иваново детство» Андрея Тарковского (1962), «Летят журавли» Михаила Калатозова (1957), документальный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965). Кино помогало людям коллективно проживать травму, которую оставила после себя разрушительное, центральное событие XX в.

В фильмах М. Хуциева война – не центральный «персонаж», он как бы не ставит ее во главу своего кинонарратива, но в то же время не обходит событие стороной. Так, в фильме «Застава Ильича» к Сергею во сне приходит его отец, погибший во время войны. Между ними происходит диалог: сын больше никогда не увидит своего отца. А главные герои являются советскими «битниками», такой аналог потерянного поколения, скроенного советскими реалиями. В «Июльском дожде» персонаж, который вобрал в себя военную травму – это Алик. Он поет военные песни под гитару, сам он бывший фронтовик. Когда он поет песни, все слушают его. В этой сцене как раз показана эта травма, которая теперь есть у каждого человека³.

В финальной сцене фильма «Июльский дождь» мы видим совсем разных людей, и мальчиков, и юношей, и молодых людей, и пожилых, которые отмечают День победы около Большого театра в Москве. Камера скользит между персонажами, переключаясь на крупные планы лиц людей. Лена как бы наблюдает за ними со стороны.

С другой стороны, Алик – главный бард в компании молодых людей. В 1960-х годах зарождается новое направление в музыкальной сфере – бардовская песня. Роль Алика исполнил поэт, певец, писатель, журналист, актер Юрий Визбор. Вообще, стоит отметить музыкальное сопровождение: в фильме звучали песни Б. Окуджавы, квинтет Д. Шостаковича, финал 6-й симфонии С. Прокофьева, симфония из партиты № 2 И.С. Баха в исполнении ансамбля “The Swingle Singers”, канкан Ж. Оффенбаха из оперы «Орфей в аду», песни в исполнении Б. Кросби и Л. Утесова⁴. В самом начале фильма, вместе с титрами, мы слышим, как играет радио и кто-то его переключает, пытаюсь найти нужную волну. Музыкальное сопровождение в фильме довольно разнообразное: от классиков до бардов под гитару. Это тоже новое веяние, характерное для фильмов «новой волны».

Герои фильма – молодые люди, которым около тридцати, они проводят досуг, танцуют под зажигательный джаз и твист. Подобная музыка не была одобряемой, а впоследствии жестко цензурировалась властью. Эпизоды с музыкой критиковались редакционной коллегией «за излишнее мещанство». «Мы не обвиняем интеллиген-

³ Характерна история празднования Дня Победы. Как известно, в 1945–1947 гг. 9 мая являлся нерабочим днем, но указом Президиума Верховного совета СССР от 23 декабря 1947 г. выходной был отменен и вновь возвращен только в 1965 г. Между Парадом Победы 24 июня 1945 г. и следующим майским парадом 1965 г. – двадцатилетнее временное расстояние.

⁴ Венгеровский Б. «Просто надо подойти ближе друг к другу». Воспоминания звукорежиссера (Беседу ведет Тамара Сергеева) // Искусство кино. 2003. № 12 (декабрь). С. 117–118.

цию, а хотим сказать об интеллектуальном мещанстве»⁵. Согласно официальной установке, советская интеллигенция должна представлять силу рабочего класса, а не быть осколком мелкобуржуазного порождения. Вообще заявка на фильм, поданная в 1964 г., несколько раз пересматривалась редакционной коллегией. В прокат фильм вышел относительно небольшим тиражом: по кинофильму «Июльский дождь» поступили заявки на потребление от 8 республик, составляющее 164 копии⁶.

Отдельное внимание стоит обратить на то, как снят фильм. Оператором фильма стал Герман Лавров. Марлен Хуциев преимущественно не использует статичные кадры, за исключением важных сюжетных опорных точек, например, сцена, где Лена отказывается Володе в замужестве. Панорамные кадры нестатичны, создается ощущение парящей камеры. Зрители как будто существуют внутри фильма, мы идем и смотрим на Москву вместе с героями картины. Первая сцена с титрами сразу погружает нас внутрь происходящего.

Но редакционная коллегия не одобрила такое большое количество кинокадров с видами города, поэтому Марлену Хуциеву пришлось вырезать некоторые панорамные виды. Но, даже несмотря на это, зрители идут по Москве. В этом фильме город людный, но нединамичный, как, например, в фильме «Я шагаю по Москве», где герои используют быстро развивающийся тогда вид транспорта – московское метро. Герои фильма «Июльский дождь» не ездят на метро, мы видим лишь трамвайную сетку. В сцене, где у Лены умирает отец, главная героиня провожает Володю до трамвая. Москва – больше не главный герой фильма, а скорее декорация.

Отдельного внимания стоят взаимоотношения Лены и Жени. Зритель видит Женю лишь в начале фильма. Их взаимоотношения развиваются через телефонную трубку: Женя звонит Лене. Их общение носит эпизодический характер, разговоры непродолжительные. К концу фильма Женя так и не забрал свой плащ. Об их взаимоотношениях мы не знаем практически ничего: они пересеклись лишь в самом начале. Их отношения находятся за скобками, и приведут ли они к чему-нибудь, зритель не знает, а может лишь додумать. Это не большая влюбленность юных людей, как в фильме «Я шагаю по Москве» или «Застава Ильича», и не любовь двух взрослых людей, как в фильме «Весна на Заречной улице», заканчивающемся хеппи-эндом. Это вообще мало про любовь, потому что Володе сложно любить Лену, а Лена к концу фильма понимает, что больше не любит Володю. Это фильм про жизнь обычных людей, скорее, антология жизни, чем любовная мелодрама.

«Июльский дождь» – деконструкция смыслов. Этот кинофильм предвосхищает эпоху застоя. Нет явного намека на счастливое будущее, вообще в фильме мало намеков и полутонов, финал открытый. Марлен Хуциев рассказывает о своих героях откровенно, хотя и несколько трагично. Многие кинокритики приходят к выводу о том, что «Июльский дождь» закрывает плеяду оттепельных фильмов. Перемены чувствовались уже тогда, оттепель закончилась, начался застой, но вместе с тем огромное количество символом и знаков хранятся в дублях кинокартин.

⁵ Заключение сценарной редакционной коллегии VI творческого объединения по литературному сценарию «Июльский дождь / Июльский дождь»: Дело фильма. Ч. 1 // Архив «Мосфильма». Арх. № 2045.

⁶ «Июльский дождь»: Дело фильма Ч. 2 // Архив «Мосфильма». Арх. № 2046.

«Москва... как много в этом звуке»

УДК 72(47-25)
ББК 85.113(2-2Мос)

Г.А. Александрийский

«Где найдешь Москву другую...»: школа М.Ф. Казакова в мемуарах архитектора В.А. Бакарева

Автор статьи предлагает посмотреть на записки архитектора В.А. Бакарева как на источник по изучению московской архитектурной школы М.Ф. Казакова. Ученики Казакова, среди которых были А.Н. Бакарев, О.И. Бове, И.В. Еготов, Р.Р. Казаков, И.Т. Таманский, возводили церкви, гражданские сооружения, усадьбы, а также занимались реставрационными работами. В воспоминаниях Владимира Алексеевича Бакарева содержатся любопытные сведения о жизни и творчестве мастеров, строивших Москву на рубеже XVIII–XIX вв. Статья будет интересна архитекторам, искусствоведам, историкам, краеведам, а также всем, кто интересуется историей Москвы.

Ключевые слова: история Москвы, классицизм, псевдоготика, московская архитектурная школа, школа Казакова, экспедиция кремлевского строения, церковное строительство, московские усадьбы

Владимир Алексеевич Бакарев (1801–1872) – архитектор, живший и работавший в Москве в первой половине XIX в. Его имя связано, в первую очередь, с возведением большого Кремлевского дворца по проекту К.А. Тона, где Бакарев более 10 лет руководил строительными работами вместе с Н.И. Чичаговым.

Бакарев оставил богатое рукописное наследие, его воспоминания открывают читателю историко-архитектурную панораму Москвы, в основе которой лежат жизненный опыт и творческий путь архитектора. Также автор включил в книгу рассказы своего отца – знаменитого зодчего рубежа XVIII–XIX вв. Алексея Никитича Бакарева. Учитывая, что тот был учеником М.Ф. Казакова, именно эта часть мемуаров представляет наибольший интерес в контексте изучения Московской архитектурной школы последней четверти XVIII в.

Владимир Алексеевич Бакарев работал над своими записками с 1850 по 1872 г. Со временем часть тетрадей оказалась в Отделе

письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), другая – в Центральном московском архиве-музее личных собраний (ныне – ЦГА г. Москвы).

В 2012 г. Главное архивное управление Москвы совместно с издательством «Контакт-культура» опубликовало мемуары архитектора¹. Издание сопровождается вступительной статьей В.А. Устинова и Л.И. Смирновой, примечаниями от составителей, именным указателем. Предметный указатель, к сожалению, отсутствует. Книга богато иллюстрирована, в том числе чертежами и рисунками самого автора.

Записки Бакарева проникнуты глубоким уважением к личности и творчеству М.Ф. Казакова (1738–1812) – автора Сенатского дворца в Кремле (1787), Петровского путевого дворца (1780), Голицынской больницы (1801) и многих других достопримечательностей Москвы. Матвей Федорович, согласно автору мемуаров, обладал не только художественным, но и техническим талантом, строил различные механизмы (есть даже сведения о том, что однажды Казаков построил орган)².

Разумеется, среди учеников великого архитектора автор выделяет Алексея Никитича Бакарева – своего отца. Отправляясь в Петербург на согласование проектов у императрицы, Казаков не забрал с собой молодого Алексея Бакарева³. Иногда добрый учитель отпускал его вместе с товарищами домой, в Андреевскую слободу, «на отдых» («Отдохнуть, или, лучше, как говорится, покутить», – замечает Бакарев-младший). Если ученики не возвращались с «отдыха» слишком долго, Казаков отправлял за ними чиновников из Экспедиции кремлевского строения. Должностные лица, призванные вернуть шалунов обратно, порой сами присоединялись к гуляющей молодежи. «Кто молод не бывал? Житье же тогда было другое – начальники были отцы, зато и подчиненные обожали своих отцов-командиров! Это золотое время уже не воротится!» – как мы видим, атмосфера в школе Матвея Казакова царила самая дружественная⁴. И, несмотря на доброту и снисходительность, Казакова можно назвать хорошим преподавателем, ведь из-под его крыла вышла целая плеяда московских архитекторов рубежа XVIII–XIX вв. (А.Н. Бакарев, О.И. Бове, И.В. Еготов, Р.Р. Казаков, И.Т. Таманский)⁵.

А.Н. Бакарев (1762–1817) известен нам как автор собора Николая Чудотворца в Можайске (1814), а также Церкви Смоленской Иконы Божией Матери в Ивантеевке (1808). Эти замечательные постройки выполнены в стиле русской псевдоготики, как многие неосуществленные проекты Бакарева, о чем свидетельствуют записки его сына Владимира: «...кроме театра, Слободского дворца, Оружейной палаты и дворца цесаревича, все они [проекты построек] были сделаны в готическом вкусе»⁶.

В воспоминаниях сына Алексей Бакарев предстает перед нами довольно ловким и находчивым мастером. В 1796 г. он отремонтировал Петровский путевой дворец перед приездом Павла I (император тогда направлялся в Москву на коронацию). За сутки до прибытия государя пришло распоряжение сделать кабинет на

¹ «Где найдешь Москву другую?...»: Воспоминания архитектора В.А. Бакарева. М.: Контакт-Культура, 2012. 960 с.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ *Бондаренко И.Е.* Архитектор Матвей Фёдорович Казаков: 1738–1813. М.: Изд-во Все-союзной академии архитектуры, 1938. С. 51.

⁶ «Где найдешь Москву другую?...»... С. 251.

месте опочивальни, а опочивальню – на месте кабинета. Алексей Никитич успел провести перестановку комнат до приезда императора, однако трудности на этом не закончились: на следующее утро Павел I запланировал парад на Ходынском поле, а готовить поле к мероприятию поручили Бакареву, с чем он справился за ночь⁷.

За реставрацию здания Благородного собрания после пожара 1812 г. А.Н. Бакарев получил личную похвалу от цесаревича Николая Павловича – интерьеры и фасад со стороны Охотного ряда были закончены к декабрю 1814 г. В это же время Бакарев вместе с Мироновским возводил здание Синодальной типографии.

Иван Львович Мироновский (1778–1860) не был учеником Казакова, получив образование сначала в Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге, а после – за границей. Бакарев-младший пишет о Мироновском с долей обиды: последний, на его взгляд, незаслуженно получил Владимирский крест за строительство здания Синодальной типографии (1814), в то время как Алексей Бакарев остался в тени. Согласно мемуаристу, именно его отец выполнил белокаменную резьбу на фасаде здания и, более того, его руке принадлежал самый первый эскиз здания⁸.

Также автор записок, с отцом которого И.Л. Мироновский, судя по всему, конкурировал, сообщает нам о том, что иногда Мироновский выдавал чужие работы за свои. Например, в числе «чужих» работ архитектора упоминаются неосуществленные проекты Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты, которые выполнил некий архитектурный помощник Копытов⁹.

Что касается первого эскиза Синодальной типографии, то здесь, несмотря на очевидную пристрастность источника, есть основания доверять Бакареву. Дело в том, что кроме допожарного здания Печатного двора, новая Синодальная типография напоминает также одну из башен Ново-Голутвина монастыря в Коломне. Голубая башня в псевдогоthicеском стиле стала частью ограды, спроектированной Матвеем Казаковым в 70-е гг. XVIII в. Как говорилось выше, Бакарев был учеником Казакова, Мироновский же не имел отношения к его архитектурной школе. Следовательно, есть основания полагать, что образ новой Синодальной типографии стал как раз идеей Бакарева, вдохновленного творчеством своего учителя, ушедшего из жизни в 1812 г.

Были среди архитекторов и приятели. Так, Иван Васильевич Еготов (1756–1815) определенно был дружен с семейством Бакаревых, являлся крестным отцом младших детей Алексея Никитича¹⁰. Вместе с другими выпускниками училища Еготов часто заходил в чертежную, устроенную в доме Бакаревых. До своей смерти в 1815 г. Еготов возглавлял архитектурное училище. Непонятно только, почему Бакарев-младший в своих мемуарах написал про Еготова: «говорили, что он даже и карандаша не умел держать в руке»¹¹. Едва ли это возможно, ведь среди работ И.В. Еготова немало замечательных: «Нерастанкино» (1803) и «Миловида» (1804) в Царицыне, Усадьба Дурасова в Люблине (1801), Храм Николая чудотворца в Цареве (1816)¹². Вопрос, почему Бакарев подобным

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 293.

⁹ Там же. С. 359.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Там же. С. 293.

¹² *Никольская М.С. И.В. Еготов (1756–1815) // Зодчие Москвы XV–XIX вв.: Сб. ст. М.: Московский рабочий, 1981. С. 119–123. В 1815 г. Еготов умер. Датой постройки Никольского храма считается 1816 г., когда экстерьер храма был украшен белокаменной резьбой.*

образом отозвался о Еготове, успешном архитекторе, притом близком его семье, остается открытым.

Имя Ивана Трофимовича Таманского (1775–1850), который также был учеником М.Ф. Казакова и работал вместе с А.Н. Бакаревым, на страницах воспоминаний Бакарева-младшего почти не появляется. Также крайне редко упоминается Родион Родионович Казаков (1758–1803), однофамилец и ученик Матвея Казакова. Хотя ему принадлежит целый ряд примечательных построек: комплекс усадьбы Люблино (1783–1789), включая Церковь Влаернской Иконы Божией Матери, и крепостной театр¹³.

Осип Иванович Бове (1784–1834) в мемуарах Бакарева предстает во всем великолепии. Впервые он упоминается во время крестного хода со Смоленской иконой на выходе из Иверских ворот (1812 г.):

В числе сопровождавших икону ехал верхом, в блестящем гусарском мундире Осип Иванович Бове, бывший впоследствии архитектором... Он был фаворит князя Михаила Дмитриевича Цицианова, которому после 1812 года поручена была в Москве строительная часть, а чрез этого князя он даже был любимец Тормасова и Голицына, главных начальников Москвы¹⁴.

Тому, кто возвел Большой театр (1824) и Триумфальные ворота (1834), везло не только в покровителях, но и в любви. Владимир Бакарев как-то подслушал фразу, обращенную к его отцу: «Слышал ли ты, что твой Бове (архитектор) женился на княгине Трубецкой, вот каковы ныне стали архитекторы»¹⁵. Судя по всему, замечание насчет женитьбы архитектора на княгине свидетельствует о повышении социального положения архитекторов XIX в. в сравнении с мастерами предыдущего столетия.

Василий Иванович Баженов (1737–1799), конечно, не учился у Казакова, а скорее, наоборот, был его наставником¹⁶. Среди работ Баженова: Дом Пашкова (1786), Владимирская Церковь в усадьбе Быково (1789), декоративные павильоны в Царицыне (1776–1786) и многие другие¹⁷. На страницах рассматриваемых записок Баженов появляется в связи с началом строительства Кремлевского дворца (неосуществленный проект). В 1773 г. Баженов, расчищая место для дворца, уничтожил ряд кремлевских построек, после чего стал копать рвы, открыв при этом, что фундамент колокольни Ивана Великого стоит на уровне дна Москвы-реки. По поводу рва Бакарев-младший высказывает интересную мысль: «кажется, это-то углубление помешало в 1812 году взорвать Ивана Великого, хотя под него и подрывались тогда господа французы»¹⁸.

Подводя итог, мы можем заключить, что записки В.А. Бакарева являются ценным источником по истории московской архитектурной школы. Мемуарист, конечно, субъективен и дает нам отрывочную информацию об окружении Матвея Казакова, в частности о его учениках. При этом особое внимание уделяется отцу мемуариста – архитектору А.Н. Бакареву, что вполне естественно для записок, оставленных для собственных детей. И несмотря на эту

¹³ Коробко М.Ю. Родион Родионович Казаков // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. 6. С. 319–332.

¹⁴ «Где найдешь Москву другую?..». С. 159.

¹⁵ Там же. 242.

¹⁶ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 14.

¹⁷ Белецкая Е.А. В.И. Баженов (1737–1799) // Зодчие Москвы XV–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1981. С. 102–109.

¹⁸ «Где найдешь Москву другую?..». С. 744.

пристрастность, из источника мы получаем уникальную информацию о частной жизни зодчих, их взаимоотношениях с заказчиками и между собой, повседневной жизни в Москве конца XVIII – начала XIX в.

Однако сведения об учениках М.Ф. Казакова составляют малую часть мемуаров В.А. Бакарева. Зато в них мы видим в мельчайших подробностях жизнь московских обывателей первой половины XIX в., город, ожидавший приход французов в 1812 г., чуму 1830 г. (автор записок тогда был строителем карантинных строений, в частности в Петровском дворце), а также встречаем рассказ об истории Кремля с древнейших времен и до открытия Большого Кремлевского дворца в 1849 г. Все эти сведения делают воспоминания Владимира Алексеевича Бакарева ценным источником, при этом интересным для чтения.

А.Ф. Ильяшенко

Восприятие российскими немцами событий сентября–октября 1812 г. в Москве по мемуарам И.-А. Розенштрауха и А.В. Нордхофа

Статья посвящена восприятию российскими немцами событий, происходивших в Москве в период ее захвата Наполеоном, и их повседневной жизни в этот период времени. Московские немцы представляли собой обособленную группу, подвергавшуюся нападением со стороны простых русских людей и солдат Великой армии. Печатные «афишки» генерал-губернатора Москвы графа Ф.В. Ростопчина и паника горожан способствовали ксенофобным проявлениям в отношении иностранцев. В историографии есть много работ, анализирующих причины пожара Москвы, но почти нет исследований, изучающих положение и восприятие иностранцев в захваченном городе. Характерной чертой мемуаров, написанных известным масоном и коммерсантом немецкого происхождения И.-А. Розенштраухом была их нраво-учительно-религиозная направленность, отражавшая мировоззрение автора. Главной же целью доктора А.В. Нордхофа было правдивое свидетельство о произошедшем и указание на виновников пожара Москвы – графа Ростопчина и обер-полицмейстера П.А. Ивашкина. По мнению иностранцев, к последствиям сожжения города относились утрата дисциплины в армии Наполеона, а также огромные экономические потери частных лиц. Розенштраух и Нордхоф подчеркивают отсутствие порядка в городе и несчастья оставшихся жителей Москвы. В это время российский немцы опасались крестьян и дворовых людей из-за их неразумности, враждебности к иностранцам и склонности к грабежам. После прихода Великой армии главную опасность стали представлять солдаты Наполеона, грабившие жителей города вместе с офицерами и некоторыми русскими. Для защиты жизней и имущества приходилось прибегать к помощи французских офицеров.

Ключевые слова: московские немцы, российские немцы, пожар Москвы, восприятие событий, повседневная жизнь немцев, грабежи, мародерство, мемуары, Розенштраух, Нордхоф, захват Москвы, иностранцы

Согласно исследованию А.Г. Тартаковского, осенью 1812 г., после поспешного оставления Москвы населением, напуганным приближением французов, в городе осталось около шести тысяч жителей¹, которые не захотели уехать или не смогли найти для себя транспорт. Из оставшихся 8%, т. е. 480 человек, составля-

¹ В.Н. Земцов пытается уточнить количество оставшихся жителей: по его оценке, их было более десяти тысяч человек. *Земцов В.Н.* Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 221.

ли иностранцы². Сложно оценить какое количество русских немцев осталось в Москве, но, по-видимому, их было немало, поскольку немецкая диаспора в Москве в начале XIX века была довольно крупной и насчитывала около восьми тысяч человек³.

Положение московских немцев в 1812 г. было непростым. Генерал-губернатор Москвы граф Ф.В. Ростопчин, сменивший на этом посту престарелого генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича, прославился своими «афишками», которые содержали националистические идеи и разжигали ненависть простого народа к иноземцам. К концу августа «положение немногих иностранцев, которые оставались [в ней] (в Москве. – А.И.) добровольно или вынужденно, становилось все более угрожающим»⁴, что выражалось в погромах французских магазинов и нападениях на иностранцев. «Ненависть к иностранцам становилась все более заметной», писал А.В. Нордхоф, он же описывал несколько случаев нападения на них⁵.

Московские немцы находились в шатком и уязвимом положении – правительство в лице Ростопчина их не защищало, если не считать шуточного осуждения в афишке от 20 августа нападений на «костяного Француза или в парике окуренного Немца»⁶. В то же время озлобленные крестьяне считали иностранцев врагами и шпионами, несмотря на то что многие немцы уже укоренились в России и связывали с ней свое будущее, считали себя подданными российского императора.

Наполеоновская армия в значительной степени была укомплектована представителями самых разных народностей Европы, в том числе и выходцами из немецких княжеств, Австрии и Швейцарии. Но солдаты Великой армии видели в москвичах иностранного происхождения не более близких им людей, чем русские. Нордхоф описывает, как французские и немецкие мародеры грабили своих же соотечественников, невзирая на общее происхождение⁷, а упоминаемые И.А. Розенштраухом случаи покровительства и защиты со стороны провиант-комиссара немецкого происхождения имели скорее дружеские отношения в своей основе, чем земляческие.

Таким образом, московские немцы составляли особую группу, которая в период захвата Москвы Наполеоном находилась между молотом крестьянской неприязни и наковальной солдатского равнодушия. Это положение делало уникальным восприятие ими происходящих событий, нашедшее отражение в мемуарах Нордхофа и Розенштрауха. Специфика взгляда российских немцев делает актуальным изучение поставленной темы, поскольку расширяет исторический взгляд на события этого периода в Москве.

Обзор научной литературы

В отечественной историографии войны 1812 г. большое внимание уделено событиям, связанным с московским пожаром. Почти все крупные исследователи войны, такие как А.И. Михайловский-Данилевский⁸, М.И. Богданович⁹, Е.В. Тарле¹⁰, Л.Г. Бескровный¹¹, П.А. Жилин¹², Н. А. Троицкий¹³, В.Н. Земцов¹⁴ и другие

² Тартаковский А.Г. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. Вып. 92. М.: Наука, 1973. С. 356–379.

³ Келлер А. Немцы в Москве XVI – начала XX в.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М.: Астрада Трейд, 1997. С. 62.

⁴ Розенштраух И.-А. Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля: (оригинальный текст и перевод). (публикация и вступительная статья А. Мартина) М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 224–225.

⁵ Nordhof A. W. Die Geschichte der Zerstörung Moskau's im Jahre 1812. Munchen: Boldt im Oldenburg-Verl., 2000. S. 118, 146–147.

⁶ Ростопчинские афиши 1812 года. СПб.: Суворин, 1889. С. 39.

⁷ Nordhof A. W. Op. cit. S. 190.

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. по высокому повелению сочиненное. Ч. 1–4. СПб., 1843.

⁹ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. М.: ЭКСМО, 2012.

¹⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.: АСТ, 2009.

¹¹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962.

¹² Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1974.

¹³ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Мысль, 1988.

¹⁴ Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М.: Книга, 2010.

историки¹⁵, в своих работах анализировали причины пожара, его последствия для французской армии, а также поведение солдат в городе и положение местных жителей. В качестве виновника пожара назывался генерал-губернатор Ростопчин (в работах Богдановича, Тарле), Наполеон (у Бескровного), Кутузов и Ростопчин (в исследованиях Троицкого и Земцова), а также совпадение разных факторов и целенаправленного уничтожения запасов русскими (по мнению Жилина). Кроме того, в общих работах по войне 1812 г. учеными также рассматриваются ряд иных проблем, связанных с пребыванием в Москве войск Наполеона¹⁶.

При этом в историографии отсутствуют исследования, связанных с жизнью русских немцев в Москве в 1812 г., что объясняется узостью темы и отсутствием большого количества источников по ней. Все же иностранцы и немцы, в частности, составляли небольшую часть населения города, хоть и принадлежали к наиболее образованному слою. Несмотря на немногочисленность, они оставили немало источников, позволяющих анализировать особенности их жизни – переписка, воспоминания. Зимин упоминает «возможность реконструировать действия и выяснить с разной степенью точности мотивы поступков... более 80 «московских иностранцев»»¹⁷. Собственно, не так давно опубликованная статья В.Н. Земцова «Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога»¹⁸ посвящена социальным аспектам межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы и касается некоторых вопросов жизни иностранцев.

Для данной работы большое значение имели статьи немецкого историка К. Шарфа и американского исследователя А. Мартина. Шарф написал подробную источниковедческую статью по «Истории разрушения Москвы в 1812 г.» А.В. Нордхофа¹⁹, где проанализировал значительное количество источников и историографии по войне 1812 г., охарактеризовал Нордхофа и его сочинение. Статья «Жизнь и странствия И.-А. Розенштрауха»²⁰ Мартина предваряет публикацию мемуаров Розенштрауха и фактически вводит их в научный оборот, поскольку ученый реконструирует биографию и личность известного немца, а также критикует его мемуары.

Обзор источников

В качестве источников по изучению восприятия российскими немцами событий в Москве в период ее захвата Наполеоном, были взяты мемуары И.-А. Розенштрауха и А.В. Нордхофа.

Иоганн Амвросий Розенштраух родился в 1768 г. в бюргерской семье города Бреслау. В молодости он был «бродячим цирюльником и фельдшером»²¹, женился в 1788 г., вступил в масонскую ложу, затем стал актером и путешествовал с театральными труппами по Европе. Сценическая карьера оказала большое влияние на личность и манеру изложения мыслей Розенштрауха. С 1804 г. он работал в театре Мирэ в Санкт-Петербурге, а в 1809 переехал в Москву, где открыл популярный в высшем обществе магазин изящ-

¹⁵ Например: Катаев П.И. Пожар Москвы // Отечественная война и русское общество. Т. 4. М., 1912. С. 141–152; Гомье Ю.В. Французы в Москве // Там же. С. 110–121; Austin P.D. 1812: the march on Moscow. London: Greenhill books, 1993.

¹⁶ Например: Гомье Ю.В. Французы в Москве // Отечественная война и русское общество. Т. 4. М., 1912. С. 110–121.

¹⁷ Земцов В.Н. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 217–234.

¹⁹ Scharf K. Eine Einfuhrung // Die Geschichte der Zerstörung Moskaus 1812 von Anton Wilhelm Nordhof, Munchen: Boldt in Oldenbourg Verl., 2000.

²⁰ Мартин А. Жизнь и странствия И.-А. Розенштрауха (вступит. статья) // Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля. М., 2015.

²¹ Там же. С. 20.

ных товаров. К этому времени относится и принятие российского подданства Розенштраухом.

Во время пребывания в столице Российской империи Розенштраух существенно расширил свои связи через масонские ложи – он был знаком и состоял в переписке с императором Александром I, обер-прокурором Святейшего Синода князем А.Н. Голицыным и другими высокопоставленными лицами²².

Война 1812 г. изменила жизнь Розенштрауха. С одной стороны, его магазин остался нетронутым, что позволило ему при отсутствии разоренных конкурентов быстро разбогатеть. С другой стороны, события в захваченной Москве способствовало его духовному изменению. Он стал активным членом немецкой лютеранской общины и возглавил иерархию системы масонских лож. А после разочарования в масонстве Розенштраух стал в 1820 г. пастором в Одессе, затем в Харькове. Скончался он в 1835 г., закончив незадолго до этого составление своих мемуаров.

«Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля», написанные Розенштраухом, представляют собой богатый источник, поскольку автор многое увидел воочию, а также получал сведения от французских штабных офицеров. Воспоминания несут явный след религиозности автора: Розенштраух писал воспоминания в духе пиетизма, в качестве поучения для своих детей. Он стремился передать свой опыт потомкам, особенно подчеркивая важность и пользу христианских добродетелей, а также участие Бога в человеческой жизни.

В мемуарах Розенштрауха содержится рассказ о его жизни в период с конца августа по середину октября 1812 г. Сочинение Розенштрауха впервые было опубликовано на русском и немецком языке в 2015 г.

Антон Вильгельм Нордхоф родился 29 августа 1778 г. в Мюнстере в большой семье, получил школьное образование с особым упором на знание латинского в городской гимназии. В 1798 г. Нордхоф поступил в Йенский университет на факультет медицины и философский факультет, откуда через два года он перевелся в Гёттингенский университет, где закончил свое обучение как врач. В период 1802–1806 гг. Нордхоф работал и писал научные труды в Оснабруке, после чего, будучи уже доктором философии Эрфуртского университета, он отправился в Эстонию и вскоре (1808) получил степень доктора медицины.

В 1809 г. Нордхоф приехал в Россию в качестве домашнего врача генерал-губернатора Москвы князя Гудовича. Здесь же 30 ноября 1812 г., вскоре после пребывания французов в Москве, которое он застал лично, Нордхоф женился. После поездки в 1819–1822 гг. для улучшения здоровья сына в Швейцарию и по Европе, Нордхоф вновь приехал в Россию и занимался врачебной практикой до своей смерти в 1825 г. в Орле.

«Die Geschichte der Zerstörung Moskau's im Jahre 1812»²³ Нордхофа написана в 1815 г. и представляет собой воспоминания публицистического характера, содержащие большое количество авторских идей. Эти мемуары впервые были изданы во Франции в 1822 г.

²² Там же. С. 63.

²³ История разрушения Москвы в 1812 году. (Здесь и далее перевод мой. – А. И.)

и в немецких газетах под псевдонимом²⁴. Публикация состоялась в рамках общественной дискуссии о причинах пожара Москвы – Нордхоф являлся противником Ростопчина и считал его вместе с обер-полицмейстером П.А. Ивашкиным виновным в произошедшем. Важной чертой, характеризующей автора, являются его либеральные взгляды на крепостнический строй российской монархии.

В мемуарах Нордхоф описал события, происходившие в Москве с лета по ноябрь 1812 г., почти не касаясь собственной жизни. Его целью было историческое исследование и для этого он стремился правдиво рассказать

...факты [которые] находятся в самой тесной связи с завоеванием Москвы, разрушением ее и огромным несчастьем, постигшим ее жителей²⁵.

Помимо этого, Нордхоф намеревался представить читателю

...картину высокомерия и властолюбия, борьбы национальной гордости с упрямством и недоверием, тяжелых ошибок человеческого разума²⁶.

В целом в мемуарах немца можно найти достаточно богатый материал о событиях описываемого времени, но требующий проверки достоверности ввиду субъективности автора и анонимности некоторых сведений, полученных им в пересказе других людей.

Пожар Москвы

Ключевым событием для Розенштрауха и Нордхофа является пожар Москвы. На их взгляд это была невероятная по своему масштабу катастрофа, повлекшая за собой крупнейшие потери товаров, исторических и культурных ценностей, уничтожение цветущего города, голод и несчастья многих жителей.

В описании пожара Розенштраухом есть артистический пафос, восхищение грандиозной картиной размаха стихии, буйством пламени и скоростью распространения «огненного моря»²⁷. Ощущения автора нашли отражение и в словах Розенштрауха – «великой я нахожу идею, что Москва должна быть сожжена»²⁸.

Нордхоф имел несколько иной взгляд на пожар Москвы, он стремился в большей степени задокументировать масштабы происходящего и точно учесть потери. Нордхоф с горечью подводит итоги «большого фейерверка, который стоил по крайней мере 400 миллионов рублей». Мемуарист констатирует, что больше всего пострадали частные собственники, поскольку государственные «сокровища вовремя были вывезены»²⁹, при этом он указывает и на потерю бесценных по своей исторической и научной ценности вещей, таких как музейные экспонаты и здание университета, брошенные его куратором Кутузовым³⁰.

²⁴ Scharf K. Op. cit. S. 32–33.

²⁵ Nordhof A. W. Op. cit. S. 110.

²⁶ Ibid.

²⁷ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 241.

²⁸ Ibid. С. 232.

²⁹ Nordhof A. W. Op. cit. S. 207–209.

³⁰ Племянник генерал-фельд-маршала М.И. Кутузова. Подробнее об этом см.: Андреев А.Ю. 1812 год в истории Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 51.

Оба немца сходятся в том, что пожар имел огромное значение для истории. Розенштраух упоминал «благие последствия... для России»³¹ и далее описал армию, утратившую всякую дисциплину из-за отсутствия квартир, продовольствия и отдыха. Для немца огонь был творением рока или инструментом Бога, погубившим вместе с мародерством французов как организованную армию.

Нордхоф писал, что причины сожжения города заключались в попытке оставить солдат Наполеона без пищи и жилья. Но немецкий доктор также объясняет, что это было бессмысленно, поскольку к концу лета в Москве не было запасов фуража, а построить удобный полевой лагерь в городе при наличии материала солдаты могли сами – для этого существовали отдельные подразделения. Поэтому действия Ростопчина и Ивашкина – это не пример патриотизма, а чудовищное преступление. Все же автор мемуаров подчеркивает, что уничтожение Москвы стало жертвой, обусловившей гибель французской армии как организованной силы. Вошедшая в город армия была достаточно дисциплинирована и разумна для того, чтобы не сжигать свою военную добычу (так рассматривает Нордхоф взятую Москву). Более того, «армия вошла в Москву голодной. Они хотели купить продукты; но никто ничего не продавал»³².

Розенштраух достаточно равнодушно относился к вопросу поджога города. Его не интересовали причины пожара – немец никак не связывал поджоги с Ростопчиным или другими известными людьми. Розенштраух мельком упоминал суд и казнь поджигателей, но никакой нравственной оценки им не давал.

Нордхоф был убежден в неслучайности возникновения пожара. Он писал, что «глубокой ночью, организованные Ивашкиным банды поджигателей» начали свое дело и вскоре «со всех сторон, в центре, на всех углах и во всех местах вздымались ввысь огни». По мнению Нордхофа, на совести Ростопчина и Ивашкина лежат смерть и страдания тысяч людей, оставшихся без крова и средств к существованию. С удовлетворением мемуарист описывает казнь поджигателей и «очищение» города от «паразитов Ивашкина»³³.

Мародеры и грабежи

Заметное место в работах немцев занимают описания грабежей и мародеров. Ключевыми участниками этого процесса являлись дворовые люди и крестьяне, оставшиеся в городе, а также офицеры и солдаты Великой армии. При этом первые для иностранцев были опаснее, поскольку в угаре грабежей и под воздействием алкоголя могли, не задумываясь, прибить их. Или осознанно свести счеты со своими и чужими господами, воспользовавшись неопределенностью ситуации, отсутствием полицейского надзора и эффективной городской власти.

Розенштрауху и Нордхофу была свойственна нередкая для иностранцев достаточно невысокая оценка умственных качеств простонародья. Возможно, в этом проявлялась черта, свойственная

³¹ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 232.

³² Nordhof A. W. Op. cit. S. 178.

³³ Ibid. S. 177, 180, 183.

людям Просвещения – Розенштраух воспринимал простых людей, как неразумных детей, которые без господ становятся неуправляемыми и вредят сами себе необдуманно поступками. Он описывает «молодцов»-дворовых, оставленных для охраны домов в Москве или оставшихся в надежде на поживу, которые намеревались «расправиться» с немцем, а также непристойно обращались к его дочери, суля ей худшее. Ужас перед этими людьми заставил Розенштрауха с дочерью спешно бежать в дом к своим друзьям, причем по пути туда ночью за ними погналась «чернь», кричавшая: «Мы вас прикончим, проклятые иностранцы!»³⁴.

Опасность со стороны русских мужиков возросла после ухода французов. В это время они дважды покушались на убийство Розенштрауха, но того спасли сначала взрывы в Кремле, вызвавшие панику у крестьян, а в другой раз – оказавшиеся неподалеку переродовые части русской армии.

Нордхоф в начале своих воспоминаний задается вопросом, «каковы были народные настроения в Москве?»³⁵. По мнению мемуариста, народом в России управляют и держат в неведении о происходящем. Это объясняет безмятежность горожан во время наступления Наполеона, промедление с эвакуацией и их панику при осознании неизбежности оставления города русскими частями. По мнению Нордхофа, крестьяне находились в рабском состоянии и устали от своего ига³⁶. Они испытывали особенную ненависть к иностранцам, причисляя их к знати и потому опасность нападения со стороны мужиков была достаточно большой.

После вступления в город французских частей главная опасность, со слов Розенштрауха, стала исходить от захватчиков. От пьяных солдат, ищущих наживы, даже офицерам Наполеона приходилось отбиваться «со шпагой и пистолетом в руках». Только проживание адъютантов Бертье в одном доме с Розенштраухом защитило его от ограблений и увечий, хотя «не было почти ни одной ночи, чтобы в мою комнату не вламывался целый рой мародеров»³⁷, как писал немец.

Линейные части Великой армии с первой же ночи после захвата города занялись грабежами, несмотря на запреты начальства. Следующим утром Нордхофу уже пришлось использовать палку для защиты от француза, требовавшего пальто доктора. Во время пожара солдатам было разрешено мародерствовать, и они обирали дома и оставшихся в них жителей до нитки, не стыдились грабить церкви. Особенно усердствовали в этом солдаты не французского происхождения.

Очень схоже выглядят описанные немцами совместные грабежи торговых лавок французами и русскими в первые дни захвата и пожара Москвы. Розенштраух и Нордхоф проходили мимо Гостиных рядов, где толпы солдат, офицеров и крестьян слаженно мародерствовали друг с другом. «Все шло в величайшем порядке»³⁸, «мирно и любовно»³⁹: тысячи солдат разных родов войск и почти столько же русских разбивали магазины, так что «каждый брал, что ему нравилось, никто не мешал другому»⁴⁰. По словам Нордхофа, «офицеры вплоть до капитанов и полковников грабили вме-

³⁴ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 226.

³⁵ Nordhof A.W. Op. cit. S. 111.

³⁶ Ibid. S. 133.

³⁷ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 248.

³⁸ Nordhof A.W. Op. cit. S. 192.

³⁹ Ibid. S. 178.

⁴⁰ Розенштраух И.-А. Указ. соч. С. 242.

сте с рядовыми солдатами и заключали с ними зачастую сделки о грабеже»⁴¹. То же описывает и Розенштраух⁴². Оба немца смотрели на это с презрением к военным, утратившим дисциплину, и к крестьянам, грабившим имущество своих соотечественников рука об руку с врагом.

Заключение

Положение московских немцев летом и осенью 1812 г. было неустойчивым, поскольку им приходилось полагаться на самих себя и существовать в атмосфере вражды как со стороны московских властей и простонародья, так и со стороны солдат Великой армии, безразличных к происхождению горожан, которых они грабили. При этом крестьянская ненависть объяснялась иностранцами неразумностью народа и подстрекательством Ростопчина.

Неожиданностью для жителей Москвы стала разнузданность солдат Наполеона и неспособность офицеров их контролировать. Большое значение в разложении армейской дисциплины имел пожар Москвы, лишивший захватчиков ожидаемых ими богатств и комфорта. Для русских немцев пожар стал непростым испытанием, которое они пережили благодаря взаимопомощи и поддержке со стороны некоторых офицеров французской армии. Основанием для этой поддержки послужили дружеские связи, а не общее происхождение.

Розенштраух и Нордхоф признавали наличие поджигателей. Но для Нордхофа это имело существенное значение, поскольку он был убежден в спланированном уничтожении города генерал-губернатором Ростопчиным и обер-полицмейстером Ивашкиным. Катастрофические последствия пожара для Розенштрауха выглядели как Божественный промысел и, по мнению обоих немцев, привели к ослаблению сил Наполеона.

Особенностью воспоминаний Нордхофа было наличие в них мыслей о необходимости государственного переустройства России и близящемся социальном взрыве. А Розенштраух описывал произошедшее как поучительную притчу о Божественном участии в человеческой жизни и важности выполнения норм христианской морали⁴³.

⁴¹ Там же.

⁴² *Nordhof A. W.* Op. cit. S. 189.

⁴³ *Розенштраух И.-А.* Указ. соч. С. 242.

Документ, архив, личность

УДК 930.25
ББК 79.3

А.А. Карандеева

Личный архив участника Гражданской войны А.Г. Козлова (1888–1969): к истории формирования

Статья посвящена изучению биографии и документального наследия участника Гражданской войны в Якутии А.Г. Козлова (1888–1969). Председатель Якутского губернского ревтрибунала и начальник штаба командующего вооруженными силами Якутской губернии, А.Г. Козлов в 1920–1923 гг. был активным участником борьбы за установление советской власти в Якутии; под командованием И.А. Строда воевал против отрядов генерала А.Н. Пепеляева в последних крупных сражениях Гражданской войны. Спустя 40 лет занялся сбором архивной информации и написанием воспоминаний об этих событиях, вел активную переписку с их участниками. Стимулом к этому послужила неоднозначная оценка в историографии 1950–1960-х гг. деятельности А.Г. Козлова и его сослуживцев по отношению к коренному населению Якутии. Большая часть творческих материалов и эпистолярного наследия А.Г. Козлова в настоящее время хранится в Историко-архивном институте РГГУ. Один из участников событий тех лет Г.И. Лебедев, в 1920-е гг. – первый секретарь Губбюро РКП(б) Якутии, заместитель председателя Губревкома, привлек в помощь А.Г. Козлову по выявлению архивных документов аспирантку Московского государственного историко-архивного института Т.П. Коржихину, ставшую впоследствии профессором кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций МГИАИ. Кандидатская диссертация Т.П. Коржихиной была посвящена истории становления государственного аппарата в Якутии в 1917–1922 гг. В исследовании делается попытка восстановить некоторые этапы формирования личного архива А.Г. Козлова и выявить обстоятельства передачи документов на хранение в Историко-архивный институт.

Ключевые слова: А.Г. Козлов, Г.И. Лебедев, Т.П. Коржихина, И.А. Строд, А.Н. Пепеляев, Гражданская война, история Якутии, Якутский поход, личный архив, Московский государственный историко-архивный институт

В составе богатого и разнообразного историко-документального наследия нашей страны особое место занимают архивы личного происхождения. Именно в них содержатся свидетельства испытаний, личных и семейных трагедий и радостей, успехов и падений, неизбежно сопровождавших все изменения в жизни

страны. Революции 1917 г., Гражданская война, индустриализация, репрессии 1930-х гг., Великая Отечественная война – это не только важнейшие события в истории России XX в., но и судьбы сотен тысяч обычных людей. И если документы наиболее выдающихся деятелей революционного движения, военачальников и высшей политической элиты изучены достаточно подробно, огромное количество фондов менее известных участников ключевых событий истории России XX века еще только ждут своего исследователя.

В Национальном архиве Республики Саха (Якутия) находится на хранении личный фонд Алексея Георгиевича Козлова (1888–1969) – участника Гражданской войны, боровшегося за установление советской власти в Якутии¹. Фонд состоит из биографических документов, творческих материалов, переписки. В начале 1920-х гг. А.Г. Козлов был назначен председателем Якутского губернского ревтрибунала, начальником штаба командования войск Якутской области, принимал участие в боях против белогвардейцев генерала А.Н. Пепеляева. Якутский поход А.Н. Пепеляева 1921–1923 гг. и двухнедельная осада белыми урочища Сасыл-Сысы («Лисьей поляны») считаются последним крупным столкновением Гражданской войны.

Личный фонд А.Г. Козлова безусловно представляет интерес для исследователей, занимающихся изучением революционного движения, Гражданской войны, истории Якутии. И он мог бы так и остаться одним из многих фондов регионального значения, если бы не одно любопытное обстоятельство – документальное наследие А.Г. Козлова оказалось разделенным на несколько частей, одна из которых попала в Московский государственный историко-архивный институт.

В рамках настоящей статьи будет сделана попытка реконструировать обстоятельства, при которых это могло произойти.

Алексей Георгиевич Козлов родился в 1888 г. в селе Барачат Кузнецкого уезда Томской губернии в семье крестьян. Окончил церковно-приходскую школу, в юности в поисках работы вынужден был переехать в Томск, затем в Омск, Мариинск. В 1914 г. был призван в действующую армию, в 43-й Сибирский стрелковый полк. Воевал на Западном фронте. А.Г. Козлов горячо поддерживал революционные идеи и в 1919 г. вступил в партизанский отряд в Боготоле. В 1920 г. стал членом партии, был назначен помощником коменданта Иркутска. В этом же году в качестве командира отряда возглавил экспедицию красногвардейцев к амурским партизанам, целью которой была доставка им оружия и боеприпасов. В 1921 г. уже в качестве председателя Якутского губернского ревтрибунала и начальника штаба командующего вооруженными силами Якутской губернии А.Г. Козлов, под командованием И.А. Строда, участвовал в военных действиях против генерала А.Н. Пепеляева. После окончания Гражданской войны сменил несколько мест службы, в 1933 г., уже в Москве, А.Г. Козлов сдал экзамены и получил «диплом на право ответственного работника технического руководства горными работами», т. е. диплом горного инженера.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Архивные справочники. Путеводитель по фондам советского периода [Электронный ресурс]. URL: http://archivesakha.ru/?page_id=3606 (дата обращения: 06.09.2021).

В 1937 г. Алексей Георгиевич, как и сотни тысяч граждан Советского союза, попал в жернова репрессий. Он был арестован по 58 статье УК СССР (контрреволюционная деятельность) и осужден на 3 года в исправительно-трудовом лагере. Наказание отбывал в Орловском центре. В Великой Отечественной войне участия уже не принимал, сначала по причине отсутствия прописки, а затем получив бронь в качестве инженера-гидротехника. Работал в южных регионах страны (старшим техником, инженером, техническим руководителем участка), занимался мелиорацией.

В 1955 г. был реабилитирован и через год восстановлен в партии. Подорванное в годы войны и заключения здоровье вынудило Алексея Георгиевича уйти в 1957 г. на пенсию. Он поселился в г. Газалкент Ташкентского района Узбекистана, где и прожил вплоть до своей кончины 31 декабря 1969 г.

Личный архив А.Г. Козлова, оказавшийся в Историко-архивном институте, состоит из биографических и творческих материалов, фотографий, небольшого собрания книг по истории Якутии; но наиболее обширную и интересную его часть составляет переписка периода 1950–1960-х гг. Корреспондентами Алексея Георгиевича были не только его бывшие сослуживцы – участники революционной борьбы в Якутии (М.Г. Кропачев, П.Ф. Савлук, Г.И. Лебедев), но и историки (А.И. Новгородов, П.У. Петров), музейные работники (И.П. Готовцев), сотрудники различных партийных организаций (И.И. Романов, А.А. Пономарев). Большая часть переписки посвящена событиям 1921–1923 гг., в которых принимал участие А.Г. Козлов – особой экспедиции Красной армии по снабжению амурских партизан оружием и боеприпасами; вооруженных столкновениях с отрядами генерала А.Н. Пепеляева, осаде урочища Сасыл-Сысыы. Яркая и неординарная личность автора, отразившаяся в его письмах, потрясающе богатый фактический материал, емкие и живые портреты участников событий делают переписку А.Г. Козлова ценнейшим источником не только по истории Якутии, но и по истории Гражданской войны и этапов ее изучения, историографии вопроса.

Стоит отметить, что сам Алексей Георгиевич, видимо, прекрасно это понимал и готовил свои материалы к передаче на постоянное хранение. В письме, адресованном бывшему сослуживцу А.И. Литвинову, он пишет:

У меня большой архив переписки с соратниками и с филиалами АН Якутии и Новосибирска. И теперь только одна забота – в какой архив все это сдать. На Якутский партархив не надеюсь, поскольку там одну ценную работу ополовинили. По-видимому, придется сдать в Центральный партархив. Хотя якутяне обещают прислать специального корреспондента для детального ознакомления с моим архивом. Посмотрим, что будет².

Все документы личного архива были систематизированы самим А.Г. Козловым и членами его семьи (женой и дочерьми) по видам (биографические и творческие материалы, переписка, фо-

² Историко-архивный институт РГГУ, личный фонд А.Г. Козлова. Письмо А.Г. Козлова А.И. Литвинову от 05.09.1969.

тографии), а переписка, в свою очередь, – по корреспондентскому признаку, многие письма подшиты в тетради в хронологическом порядке, листы пронумерованы. Интересно, что автор не только бережно хранил адресованные ему письма, но и оставлял машинописные копии своих ответов, причем обязательно заверял их собственноручной подписью. Кроме того, очевидно, что материалы для личного архива он тщательно отбирал. Большая их часть посвящена именно якутским событиям 1920-х гг., при этом полностью отсутствуют какие-либо материалы периода ареста и отбывания наказания в Орловском центре, а также периода Великой Отечественной войны. Крайне редко, парой строчек в письмах к самым близким друзьям автор упоминает об этих этапах своей жизни.

В Центральный государственный архив ЯАССР (совр. Национальный архив Республики Саха) документы А.Г. Козлова передала его вдова, Елизавета Дмитриевна Козлова. Об этом свидетельствуют хранящиеся в фонде в Историко-архивном институте письмо Е.Д. Козловой от заведующего архивным отделом при Совете министров ЯАССР П. Гуляева от 1 июня 1971 г. и рукописная справка директора ЦГА ЯАССР Д. Шепелева от 20 марта 1972 г. о приеме на хранение фонда А.Г. Козлова в количестве 37 ед. хр.³ Стоит отметить, что личным архивом А.Г. Козлова интересовались многие историки, занимавшиеся изучением революционного движения и Гражданской войны в Якутии. Активную переписку вел Алексей Георгиевич с А.И. Новгородовым, доктором исторических наук, профессором, заслуженным деятелем науки ЯАССР, автором книги «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии»⁴. Известный советский историк – якутовед П.У. Петров, автор работ «Разгром пепеляевской авантюры» и «Установление советской власти в Якутии»⁵, обращался к А.Г. Козлову с просьбой об уточнении некоторых данных для своих исследований. А сын одного из участников событий 1920-х гг. Г.И. Лебедева, сотрудник Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР В.Г. Лебедев неоднократно ссылался в своих работах как на личный архив, так и на устные воспоминания Алексея Георгиевича⁶. Переписка с упомянутыми исследователями также находится в личном фонде А.Г. Козлова в Историко-архивном институте.

Каким же образом и когда эти материалы попали в МГИАИ? Возможный ответ на этот вопрос может дать переписка А.Г. Козлова со своим сослуживцем Георгием Ивановичем Лебедевым (1886–1975), в 1920-е гг. – первым секретарем Губбюро РКП(б) Якутии, заместителем председателя Губревкома и членом коллегии Якутской ГубЧК.

Оба участника Гражданской войны в Якутии самым тщательным образом следили за выходящими на эту тему историческими исследованиями, авторы которых порой высказывали прямо противоположные точки зрения на события 1920-х гг. Их крайнее неприятие вызвала вышедшая в 1962 г. книга Е.Е. Алексеева «Роль В.И. Ленина в установлении и упрочении Советской

³ Историко-архивный институт РГГУ, личный фонд А.Г. Козлова.

⁴ *Новгородов А.И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1969. 399 с.

⁵ *Петров П.У.* Разгром пепеляевской авантюры. Якутск: Кн. изд-во, 1955. 115 с.: ил.; *Он же.* Установление советской власти в Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1957. 280 с.

⁶ *Лебедев В.Г.* Роль Особой военной экспедиции 5-й армии в ликвидации антисоветских заговоров в Якутии // *Известия Сибирского отделения академии наук СССР.* 1979. № 11. Вып. 3. С. 110–114; *Он же.* Из истории борьбы с контрреволюцией на северо-востоке РСФСР // *Музейное дело в СССР.* М., 1982. С. 145–157.

власти Якутии»⁷. На ее страницах встречаются, например, такие утверждения:

Секретарь Якутского губбюро партии Г.И. Лебедев и командующий вооруженными силами Якутской губернии А.Г. Козлов для ликвидации вспыхнувшего контрреволюционного выступления предлагали применять массовые репрессии по отношению к местному мирному населению⁸.

Стараясь опровергнуть тезисы Е.Е. Алексева, старые большевики стали искать работы, в которых их деятельность в 1920-е гг. раскрывалась бы как сугубо положительная и соответствующая «линии партии». Большая часть хранящейся в Историко-архивном институте переписки А.Г. Козлова и Г.И. Лебедева посвящена решению именно этого вопроса. В одном из писем (от 1 сентября 1964 г.) Георгий Иванович пишет:

Хочется поделиться с тобой добрыми новостями. Почта принесла мне пакет от загадочного МГИАИ? Оказалось, что это Московский государственный историко-архивный институт. В пакете – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Т.П. Коржихиной на тему «Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917–1922)».

<...> Таня якутянка. Работала в Якутском государственном архиве, теперь работает в Государственном архиве РСФСР... Она хорошо эрудирована. Историки Макаров, П.У. Петров получают от нее немало удаков. Она обвиняет их во многих неточностях.

<...> Коржихина Таня – б. ученица моего стариннейшего друга – сопроцессника проф. института Максакова. Он то и навел меня на Коржихину⁹.

В.В. Максаков – крупнейший советский историк-архивист, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела МГИАИ, в начале 1900-х гг. был активным участником революционного движения.

Его ученица – в будущем профессор МГИАИ Т.П. Коржихина – после окончания института в 1954 г. была направлена в распоряжение МВД Якутской АССР и назначена начальником архивного отдела министерства. Результатом работы в Якутии стала кандидатская диссертация «Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917–1922 гг.)», защищенная в 1964 г., а также ряд справочников и документальных публикаций. Первые путеводители по Центральному государственному архиву Якутской АССР также были подготовлены при непосредственном участии Т.П. Коржихиной, она явилась их редактором и автором предисловия¹⁰.

Надо сказать, что А.Г. Козлов с недоверием отнесся к положительной характеристике диссертации Т.П. Коржихиной, в ответном письме Г.И. Лебедеву он писал:

⁷ Алексеев Е.Е. Роль В.И. Ленина в установлении и упрочении Советской власти Якутии. Якутск: Якут-книгоиздат, 1962. 159 с.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Историко-архивный институт РГГУ, личный фонд А.Г. Козлова. Письмо Г.И. Лебедева А.Г. Козлову от 01.09.1964.

¹⁰ Шаповалова Л.Д. О научном творчестве профессора Т.П. Коржихиной // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 8 (29). С. 110. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/Vestnik_ifvk8\(29\)_2017.pdf#page=109](https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/Vestnik_ifvk8(29)_2017.pdf#page=109) (дата обращения: 06.09.2021); Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии (сборник документов и материалов). Кн. 1. Ч. 1. Якутск, 1957. 407 с.; Документы о революционных событиях 1905–1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957. 208 с.

Письмо о работе Коржихиной получил... Меня только удивляют позиции тружеников, ищущих и добывающихся ученых степеней: как можно, говоря об установлении и упрочении советской власти в той же Якутии в 1917–1922 гг. ни словом не упомянуть о роли в этом великом деле парторганизации вообще, а в годы гражданской войны в особенности. Как можно обойти молчанием роль в этой эпохе Красной армии... Если у Коржихиной этого нет, то я не знаю, о чем она могла писать и ее работа в моих глазах теряет половину ценности¹¹.

Г.И. Лебедев, лично присутствовавший на защите диссертации, которая проходила в сентябре 1964 г. в Историко-архивном институте, напротив, с большим воодушевлением отзывался об исследовании Т.П. Коржихиной. Более того, он сумел убедить Татьяну Петровну поделиться с ним материалами, собранными ею во время работы над диссертацией:

Коржихина передала мне свои выписки из архивов... Таня и еще обещала поискать у себя выписки. И для тебя имеется хороший материал¹².

Как видно из писем, и Г.И. Лебедев, и А.Г. Козлов планировали написать воспоминания о событиях 1920-х гг., в первую очередь, с целью опровергнуть утверждения историка Е.Е. Алексеева о перегибах в борьбе с контрреволюцией в Якутии и репрессиях по отношению к местному мирному населению. Надо отдать должное старым большевикам, не обладавшим необходимой подготовкой и образованием, но прекрасно понимавшим, что архивные документы – лучшее подтверждение их невиновности. В редкие визиты в Москву из Газалкента А.Г. Козлов изучал материалы Центрального государственного архива Советской армии (совр. РГВА), но его поиски не дали сколько-нибудь значимых результатов. Кроме того, привлекая помощь бывших сослуживцев, живших в Якутске, он пытался выявить материалы о Гражданской войне в Центральном государственном архиве ЯАССР и Партийном архиве Якутского обкома КПСС.

Материалы переписки не позволяют точно утверждать, что А.Г. Козлов сумел лично познакомиться с Т.П. Коржихиной. Тем не менее в письмах встречаются упоминания о том, что Татьяна Петровна оказывала ему и Г.И. Лебедеву помощь в выявлении материалов по истории революционной борьбы в Якутии в центральных архивах, находившихся в Москве.

Вполне вероятно, что часть личного архива А.Г. Козлова попала в Историко-архивный институт именно благодаря Т.П. Коржихиной. Очевидно, что это произошло уже после смерти Алексея Георгиевича, так как среди материалов находятся письма и телеграммы, адресованные Е.Д. Козловой в связи с кончиной мужа. Любопытна география этих посланий, свидетельствующая о значимости фигуры А.Г. Козлова. Соблезнования приходили в течение всего янва-

¹¹ Письмо А.Г. Козлова Г.И. Лебедеву от 10.09.1964 // Историко-архивный институт РГГУ, личный фонд А.Г. Козлова.

¹² Письмо Г.И. Лебедева А.Г. Козлову от 25.09.1964 // Там же.

ря 1970 г. из Ленинграда, Риги, Москвы, Омска, Саратова, Казани и других городов.

Информация об обстоятельствах передачи документов А.Г. Козлова в МГИАИ может содержаться в документах личного фонда самой Т.П. Коржихиной, хранящемся в Архиве Российской академии наук (ф. 2058). Но поскольку фонд еще не прошел этап систематизации и научного описания, для исследователей он пока недоступен.

Дальнейшее изучение материалов о жизни и деятельности А.Г. Козлова, возможно, позволит реконструировать не только его биографию, но и судьбу его документального наследия.

Советская повседневность: взгляд изнутри и со стороны

УДК 070(09)
ББК 76.003

А.В. Королева

Репортажи Антуана де Сент-Экзюпери о СССР (газета “Paris-soir”, май 1935 г.)

В статье представлен обзор репортажей Антуана де Сент-Экзюпери о его посещении СССР в мае 1935 г. В статье характеризуются суждения иностранца о Советском Союзе, советском законодательстве, катастрофе в небе на Ходынском поле 18 мая 1935 г., о жизни французской гувернантки во время революции и гражданской войны. Находясь на территории СССР А. де Сент-Экзюпери анализирует повседневность советского народа, сравнивая ее с повседневностью французов. Во всех репортажах Экзюпери прослеживается желание увидеть ужасы революции, но находит он их только в воспоминаниях «мадемуазель Ксавье», проживающей в Москве. Для написания данной статьи были использованы современные информационные ресурсы: сайт Национальной библиотеки Франции и база данных East view. Уникальностью работы является изучение истории СССР по зарубежной периодике.

Ключевые слова: газета “Paris-soir”, Антуан де Сент-Экзюпери, АНТ-20, СССР, пакт о взаимопомощи между Францией и СССР 1935 г., министр иностранных дел Пьер Лаваль, парад 1 мая 1935 г., катастрофа на Ходынском поле 18 мая 1935 г., французские гувернантки в СССР, Гражданская война, революция

На сайтах музеев, библиотек и архивов появляется все больше электронных образов документов. Во Франции вопросами оцифровки стали активно заниматься с 1990-х гг. Множество материалов представлено на сайте Национальной библиотеки Франции, где имеется и широкий спектр периодической печати. Из всей периодики нас интересует газета “Paris-soir”, в ней с 1934 г. по 1936 г. работал корреспондентом известный летчик-писатель Антуан де Сент-Экзюпери. Накануне празднования 1 мая 1935 г. писатель был отправлен в СССР с целью описать обыденную жизнь советских людей. Всего за время пребывания Экзюпери на территории Советского Союза вышло в свет шесть его репортажей¹.

¹ Хронология публикаций репортажей: 1) «Под гул тысячи самолетов Москва готовится праздновать годовщину революции» – 3 мая 1935 г.; 2) «Ночью в поезде, где среди польских шахтеров репатриантов спал маленький Моцарт» – 14 мая 1935 г.; 3) «Москва! А где же революция?» – 16 мая 1935 г.; 4) «Преступление и наказание перед лицом советского правосудия» – 19 мая 1935 г.; 5) «Трагическая гибель самолета “Максим Горький”» – 20 мая 1935 г.; 6) «Удивительная вечеринка с “мадемуазель Ксавье” и десятью старушками, оплакивающими свои двадцать лет...» – 22 мая 1935 г.

Автором данной статьи при характеристике источников намеренно была нарушена хронология публикаций репортажей с целью логически выстроить путешествие специального корреспондента и показать читателям, как менялось представление писателя о СССР.

Май 1935 г. знаменателен для Москвы не только празднованием Дня Интернационала, открытием Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича, но и приездом французской делегации во главе с министром иностранных дел Пьером Лавалем² в связи с подписанием в Париже 2 мая 1935 г. Пакта о взаимопомощи³. 13 мая 1935 г. на Белорусском вокзале Москва торжественно встречала поезд из Минска. Вокзал был украшен флагами СССР и Франции⁴. В поезде прибыл министр иностранных дел Пьер Лаваль с дочерью, генеральный секретарь французского министерства иностранных дел Леже и около 30 специальных корреспондентов французских телеграфных агентств и крупнейших столичных и провинциальных газет. Среди специальных корреспондентов был журналист газеты “Paris-soir”⁵ Антуан де Сент-Экзюпери.

Автор «Маленького принца» прибыл в Москву накануне празднования 1 мая. Репортажи Экзюпери передавал по телефонной связи, каждый вечер он созванивался с офисом и со своей супругой Консуэлой Экзюпери, оставшейся во Франции. Целью поездки в СССР для писателя стал финансовый вопрос. Экзюпери добирался до Москвы на поезде через всю Европу: Франция – Германия – Польша – СССР. Во время путешествия он знакомился с разными людьми и каждый раз разговор был посвящен неизвестной коммунистической России. Общаясь с испанцами, писатель отметил, с каким энтузиазмом говорили о Сталине и пятилетках. Разговаривая с немцем, услышал обратное, что Франции необходимо объединиться с Германией, так как Гитлер – оплот против России, он поможет стать французам свободными и тогда наступит порядок⁶. Пересадка была в агрогородке Негорелое⁷. После пересадки писатель стал размышлять, что в его стране гораздо больше знают о Китае, но Советский Союз они не знают вовсе, несмотря на территориальную близость, и существуют два суждения об этой стране – восхищение или негодование.

В Москве писатель ожидал увидеть революцию, но, сойдя с поезда, увидел обычную жизнь. При выходе с вокзала перед Экзюпери проехал трамвай, что ему напомнило Марсель⁸. Дети и солдаты окружили разносчика мороженого. После двухчасовой прогулки А. Экзюпери перестал искать революцию в Москве, все походило на обычную жизнь. На собственном опыте Экзюпери убедился, как исказили его знакомые представление о СССР.

Первый репортаж «Вся Москва отметила День революции» появился в газете “Paris-soir” 3 мая 1935 г.⁹ Несовпадение в наименовании праздника, скорее всего, связано с тем, что, по разным источникам, встречается одно наименование и обращение

² Пьер-Жан-Мари Лаваль (28 июня 1883 – 15 октября 1945 гг.) – французский политик. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931–1932, 1935–1936).

³ Сообщение ТАСС // Правда. 1935. № 121. 04 мая. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/65000584> (дата обращения 21.06.2021).

⁴ Пьер Лаваль прибыл в СССР // Советская Сибирь. 1935. № 100 (4669). 14 мая. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/368305> (дата обращения 21.06.2021).

⁵ Ежедневная газета «Paris-soir» стала издаваться с 1923 г., имела свой печатный станок, самый современный на тот период времени, ее тираж составлял около 2 млн экземпляров.

⁶ *Saint-Exupéry A. La nuit dans un train ou parmi les petits Polonais rapatriés, Mozart dormait enfant // Paris-soir. 1935. № 4240. 3 mai P. 3.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76407167/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).

⁷ В 1921–1939 гг. на станции находилась таможня, куда прибывали иностранцы.

⁸ *Saint-Exupéry A. Moscou! Mais ou est la Révolution? // Paris-soir. 1935. № 4242. 14 mai. P. 3.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76407182/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).

⁹ *Saint-Exupéry A. Moscou tout entière a célébré la Fête de la Révolution // Paris-soir. 1935. № 4242. 3 mai. P. 3.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640705f1.item> (дата обращения 21.06.2021).

к людям¹⁰, на Красной площади был смотр не только трудящегося класса, но и военных, что могло вызвать некое непонимание у иностранца о празднике.

Накануне празднования, вечером, Экзюпери прогуливался вокруг Кремля, наблюдая за людьми, которые готовили столицу к празднику и как, по его мнению, охраняют Сталина в стенах Кремля. В своей статье А. Экзюпери рассуждает о внутренней политике И.В. Сталина, обращает внимание читателей, что на всех витринах и стенах Москвы расположен портрет вождя, и задается вопросом причины такой популярности, приводя свои рассуждения. Экзюпери считает, что поначалу Сталин показался русским безжалостным угнетателем, от его политики народ пытался спастись: одни бегством за границу, другие грабежом, а третьи спекуляцией. По мнению А. Экзюпери, Сталин запер людей в стране и объявил голод и нужду главными врагами, заставив тем самым народ с ними бороться, строя заводы и восстанавливая промышленность, что подтверждает начало пятилетнего плана для выхода из экономического кризиса СССР. В репортаже также описывается сложность оформления для иностранца пригласительного билета на парад. Прежде чем попасть на Красную площадь, нужно было обратиться в посольство и оформить анкету, по результатам которой человек подвергался тщательной и суровой проверке. Экзюпери не смог присутствовать на Красной площади 1 мая, так как не успел оформить пригласительный билет. Такие размышления были у писателя вечером 29 апреля 1935 г.

Уезжая в Москву, как вспоминает Консуэла Экзюпери¹¹, Антуан говорил о том, что русские забыли про праздники, забыли свои песни, танцы и этот народ перестал жить, он только работает, готовясь к войне в мировом пространстве. 1 мая, выбравшись из гостиницы, А. Экзюпери увидел демонстрантов, медленно двигавшихся к Красной площади. Экзюпери видел в этой толпе единение во всем, от рабочей одежды до мыслей. Толпу остановили, но несмотря на это, в сознании писателя она продолжала двигаться. Люди стояли в ожидании прохода на Красную площадь очень долго, Экзюпери отмечает, что накануне шел снег, а в день парада был ледяной холод. Неожиданно для летчика послышались звуки аккордеона. Толпа распалась, утратив напряжение целеустремленности, стали танцевать и петь песни. Это напомнило французам улицы Парижа накануне празднования 14 июля. Через некоторое время толпа заволновалась и все построились к началу шествия, у каждого человека было свое номерное место. Экзюпери был поражен, как быстро люди переключились от праздничного веселья к шествию на Красной площади.

Четвертый репортаж Антуана де-Сент Экзюпери был опубликован 19 мая 1935 г.¹² В этой статье автор знакомит читателей с тем, как советское правительство рождает в человеке человечность. Экзюпери, находясь в Москве, знакомится с судьей, которая рассказала ему об основных идеях советского строя. Судью писатель сравнивает с врачом, которого ничем не удивить уже, он лечит – тюрьмой, а если не может вылечить – расстреливает. Экзюпери

¹⁰ Да здравствует 1-е мая – боевой смотр революционных сил международного пролетариата! // Правда. 1935. № 120 (6366). 1 мая. С. 1. [Электронный ресурс]. <https://dlib-eastview-com.ezproxy.usr.shpl.ru/browse/doc/65000664> (дата обращения 21.06.2021); Да здравствует 1-е мая – боевой смотр революционных сил международного пролетариата! // Известия. 1935. № 103 (5656). 1 мая. С. 1. [Электронный ресурс]. <https://dlib-eastview-com.ezproxy.usr.shpl.ru/browse/doc/25750901> (дата обращения 21.06.2021); Да здравствует 1-е мая – боевой смотр революционных сил международного пролетариата! // Советская Сибирь. 1935. № 91 (4660). 1 мая. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/368583> (дата обращения 21.06.2021).

¹¹ Сент-Экзюпери К. Воспоминания Розы / Консуэло де Сент-Экзюпери / Пер. с фр. Н. Морозовой. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2014. С. 133.

¹² Saint-Exupéry A. Crimes et châtiments devant la justice soviétique // Paris-soir. 1935. № 4245. 19 mai. P. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640721j/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).

проводит параллель с Французским законодательством, где заключение является долгом перед жертвой, без возможности сокращения срока. В СССР происходит обратное, тут происходит перевоспитание человека и рассматриваются варианты сокращения пребывания в тюрьме. Писатель приводит свое суждение о советском правосудии: в СССР за неуважением к отдельному человеку стоит великое уважение к человеку вообще. Экзюпери подчеркивает, что советские заключенные, так же как и свободные люди, трудятся на благо необъятной родины. Писатель соглашается с правосудием, но не признает постоянный надзор, введение внутреннего паспорта, Экзюпери считает это порабощением человека коллективом. В то же время француз понимает, что делается это для создания единого социального строя.

По мнению Экзюпери, русский человек не привязан к одному месту жительства. В русском он видит душу кочевника и азиатские корни, в отличие от Франции, где каждый привязан к своему дому, к людям, которые его окружают, где ни один житель не захотел бы расстаться с привычной обстановкой. Писатель отмечает, что русские любят не только свою родину, они любят весь мир, они живут мечтой. Советское правительство в свою очередь старается привязать человека к земле, дает ему дом, вводит внутренний паспорт и таким образом создает нового человека, влюбленного в свой завод и в коллектив.

Пятый репортаж Экзюпери был посвящен большому самолету АНТ-20 «Максим Горький», статья под названием «Трагическая гибель самолета “Максим Горький”»¹³ была опубликована 20 мая 1935 г. Накануне катастрофы 18 мая 1935 г. Антуан получил разрешение присутствовать на трибуне в числе наблюдателей во время полета. Экзюпери в своей статье дает подробное описание самолета изнутри. 17 мая 1935 г. писатель-летчик взошел на борт самолета АНТ-20, после взлета стал знакомиться с экипажем и машиной. На тот период времени самолет «Максим Горький» был одним из крупнейших в мире. Самолет весил 42 тонны, размах крыльев составлял 63 метра, длина – 32 метра. Восемь моторов, шесть из которых были вмонтированы в крылья, обладали мощностью 7000 лошадиных сил, скорость полета достигала 260 километров. В самолете существовало два вида связи: через радиопередатчик (телефонная) и пневматическая почта. У самолета было 11 основных отсеков, в фюзеляже и в крыльях.

В связи с катастрофой в газете «Известия» № 117 от 20 мая 1935 г. был опубликован репортаж «О движущей силе»¹⁴ с подписью «Антуан де Сент-Экзюпери пилот и писатель, специальный корреспондент “Пари суар”». В этих двух статьях писатель выражает соболезнование всему советскому народу, описывает момент катастрофы и причину. Самолет уже шел на посадку, когда его задел истребитель на скорости более четырехсот километров в час. После столкновения у АНТ-20 загорелись крылья, затем мотор и фюзеляж разъединились в воздухе, самолет рухнул на деревянный дом. Погибли 11 человек экипажа и 35 пассажиров, работников конструкторского бюро ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт).

¹³ *Saint-Exupéry A. La catastrophe du «Maxime-Gorki» // Paris-soir. 1935. № 4246.*

20 mai P. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640722z/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).

¹⁴ «О движущей силе. Я летал на самолете “Максим Горький” незадолго до его гибели. Эти коридоры, этот салон, эти кабины, этот мощный гул восьми моторов, эта внутренняя телефонная связь, – все было не похоже на привычную для меня воздушную обстановку. Но еще больше, чем техническим совершенством самолета, я восхищался молодым экипажем и тем порывом, который был общим для всех этих людей. Я восхищался их серьезностью и той внутренней радостью, с которой они работали. Чувства, которые обуревали этих людей, казались мне более мощной движущей силой, нежели сила восьми великолепных моторов гиганта. Глубоко потрясенный, с переживая траур, в который погружена сегодня Москва. Я тоже потерял друзей, которых только что узнал, но которые уже казались мне бесконечно близкими. Увы, они никогда больше не будут смеяться ветру в лицо, эти молодые и сильные люди... Я знаю, что эта трагедия вызвана не технической ошибкой, не невежеством строителей или оплошностью экипажа. Эта трагедия не является одной из тех трагедий, которые могут заставить людей усомниться в своих силах. Не стало самолета-гиганта. Но страна и люди, его создавшие, сумеют вызвать к жизни еще более изумительные корабли-чудеса техники!». См.: Антуан де Сент-Экзюпери, пилот и писатель, специальный корреспондент «Пари суар» «О движущей силе» // Известия. 1935. № 117 (5679). 20 мая. С. 3.

Последний, шестой репортаж был опубликован 22 мая 1935 г., «Удивительная вечеринка с “мадемуазель Ксавье” и десятью старушками, оплакивающими свои двадцать лет...»¹⁵.

В данной статье Экзюпери знакомит французскую публику с бытом советских людей, описывает коммунальные квартиры и процесс получения собственных квартир. Писатель, как он сам пишет в статье, уже был знаком с современным жильем, но ему было интересно познакомиться с коммуналками. В этот раз Экзюпери был охвачен тревогой, что за ним следят, так как он хотел «...посмотреть своими глазами и на эти остатки мрачного прошлого...». В Москве писатель разыскивал «мадемуазель Ксавье», которая до революции была гувернанткой, а во время Гражданской войны не смогла вернуться на родину и занималась спекуляцией. Экзюпери было интересно узнать из первых уст и у своей соотечественницы о жизни в период революции. Найдя дом, писатель обратил внимание на то, что здание выглядит уныло и сравнил его с Сальпетриер¹⁶, отметив, что дом гораздо тоскливее. Когда писатель зашел в дом, убедившись, что за ним нет слежки, он столкнулся с «...огромной теткой», которая тут же прониклась к нему симпатией. Экзюпери спросил у нее про «мадемуазель Ксавье», но ответа он не понял, так как не владел русским языком. Французу было тяжело получить информацию у жителей дома, с ним говорили и на английском, и на датском, и на русском, но безрезультатно. Отчаявшиеся жители дома решили позвать женщину в возрасте, которая владела иностранным языком. Эта женщина и оказалась «мадемуазель Ксавье». Писатель рассуждает в статье, что около трехсот французов не смогли вернуться на родину, «серых мышек» захватила революция. На вопрос Экзюпери «что такое революция?» мадемуазель ответила: «Революция – это ужасно утомительно». «Мадемуазель Ксавье» поделилась своими воспоминаниями.

Во время Гражданской войны женщина занималась спекуляцией, в связи с чем ее задержали. Оказавшись под надзором, она видела, как половину узников уводили после допроса в подвал, откуда уже не возвращались. Заключенных накормили ночью, ужин состоял из куска хлеба и трех засахаренных орехов. По воспоминаниям «мадемуазель Ксавье», на допросе присутствовали три солдата и судья, обративший внимание в документах на французское происхождение мадемуазель и предложивший ей вести уроки французского языка для своей дочери¹⁷. Это предложение спасло «мадемуазель Ксавье» от расстрела за спекуляцию.

Экзюпери во Франции был знаком с русскими эмигрантами, которые бежали из России во время революции, и был от них слышан об ужасах, происходящих на территории бывшей Российской империи. Одной из эмигранток удалось укрыться на борту последнего корабля белых, вышедшего в море перед вступлением красных в «Севастополь или в Одессу»¹⁸. Судно было забито до отказа, любой дополнительный груз потопил бы его. Когда корабль стал отходить от причала, одна из пассажирок увидела на берегу войско казаков. Военные спрыгивали с лошадей, перерезали животным глотки, скидывали бурку и оружие и бросались вплавь к кораблю.

¹⁵ *Saint-Exupéry A. Une étrange soirée avec “Mademoiselle Xavier” et dix petites vieilles pleurant leurs vingt ans... // Paris-soir. 1935. № 4248. 22 mai. P. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640724s/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).*

¹⁶ Сальпетриер (фр. *hôpital de la Salpêtrière, Pitié-Salpêtrière*) – французская старинная больница в Париже (приют для престарелых женщин).

¹⁷ *Saint-Exupéry A. Une étrange soirée avec “Mademoiselle Xavier” et dix petites vieilles pleurant leurs vingt ans... // Paris-soir. 1935. № 4248. 22 mai P. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640724s/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).*

¹⁸ Там же. P. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7640724s/f1.image> (дата обращения 21.06.2021).

Однако с судна по ним открыли огонь, никто из казаков не доплыл до корабля.

Антуан де Сент-Экзюпери находился на территории СССР с апреля по май 1935 г. Благодаря его репортажам мы посмотрели на происходящее в Москве глазами иностранца. Во всех репортажах Экзюпери прослеживается желание увидеть ужасы революции, но находит он их только в воспоминаниях «мадемуазель Ксавье». Писатель стал свидетелем катастрофы в небе на Ходынском поле 18 мая 1935 г. и искренне скорбел вместе с советским народом, так как успел подружиться с экипажем. Благодаря его репортажам мы увидели, как Советский Союз готовился к празднику и как люди стояли на улице в ожидании своей очереди прохождения по Красной площади. Экзюпери часто сравнивал быт во Франции и в Советском Союзе и находил общие черты. Ценность таких репортажей в том, что можно без советской цензуры изучать события, происходившие в СССР. В заключении хотелось бы обратить внимание также на современные возможности изучения источников благодаря электронным публикациям.

Д.С. Фоломеев

Новые направления развития общественного питания СССР в послевоенный период

Статья посвящена трансформациям, произошедшим с системой общественного питания в Советском Союзе после Великой Отечественной войны. Автор рассматривает процесс развития общепита как отдельного, самостоятельного института советского государства, непосредственно связанного с процессом формирования особой советской повседневности. Опираясь на документы Главного управления общественного питания при Главном управлении торговли Мосгорисполкома, содержащиеся в фондах ЦГА г. Москвы, автор делает вывод, что проведенные в 1950-х гг. преобразования в сфере общественного питания стали закономерным результатом существовавших в тот период кризисов.

Ключевые слова: общественное питание, история повседневности, soviet studies, СССР, внутренняя политика СССР, оттепель, consumer studies

Власть над пищей дает власть и над теми, кто питается. Общественное питание на протяжении всего существования СССР занимало особое место в социально-экономической системе советской государственности. Контроль над повседневностью и будничной жизнью стал одним из инструментов создания нового, «советского» человека.

Однако, как и в других сферах советской жизни, развитие института общественного питания было неоднородным. Каждый период был особенным, в историографии подробно разработаны сюжеты, связанные с развитием общественного питания 1920–1930-х гг. В послевоенное время все советское общество изменилось, формировались новые потребительские запросы, а идеологические модели стремились им соответствовать. Цель статьи – выяснить, каким образом прежняя, революционная модель развития общепита уступила место другой модели, модели эпохи «оттепели», начавшей ориентироваться на потребителя и подстраиваться под его запросы.

Изначально, кроме очевидной задачи по снабжению биологического тела человека «топливом» для продолжения жизнедеятельности, общепит также занимался окультуриванием человека: знакомил его с элементарными понятиями о гигиене, формировал кулинарный вкус, создал новые представления о быте и публичности в соответствии с советской идеологией¹. Контроль над пищей и питанием стал важной частью советского проекта, в рамках которого вся жизнь человека должна была протекать под защитой и опекой государства.

Еще в 1920-е гг. государство сознательно ставило под угрозу крестьян, лишало их продовольственной безопасности, реквизируя продукты. В городах ситуация была иной – население снабжалось по карточкам, которые гарантировали выживание в условиях дефицита, однако это только укрепляло статус советской власти, позволявшей людям элементарно выживать.

В первую очередь кулинарная политика советской власти 1920–1930 гг., частью которой стала и организация общепита, ориентировалась на «средний класс» того времени – городских жителей, у которых к началу 1930-х гг. появилась собственная жилплощадь².

В качестве основных характеристик общественного питания данного периода можно назвать следующие:

- социальный принцип – стремление к преодолению социально-классовых различий в питании населения;
- унификация – советская кухня впервые в истории кулинарии возникла не как сословная и национальная, но как часть производственной и экономической системы СССР;
- стандартизация – не только сами блюда, но и режим питания советских людей подвергался стандартизации, будучи тесно связанным с распорядком фабричной и бюрократической работы³. Поэтому набор блюд, их калорийность и способы приготовления рассчитывались с помощью научных методов. По сути, целью советской кулинарии в данный период было обеспечить человеческий «механизм» идеальным «топливом».

К началу 1940-х гг. можно было говорить о том, что советский общепит, как и вся пищевая индустрия, окончательно оформился в отдельный институт советского общества, став самостоятельной частью системы советского быта. Возникла не только пищевая промышленность, но и целый комплекс культурных практик, которые воспроизводили миллионы советских граждан⁴. Советский человек мог ежедневно питаться в столовых, перекусывать в буфетах и чайных, а отмечать большие и дорогие сердцу события – в ресторанах.

В послевоенный период советское общество и экономика постепенно восстанавливались от ущерба, причиненного государству во время боевых действий. К 1950 г. уровень продажи основных продовольственных товаров вплотную приблизился к уровню 1940 г.⁵ Однако, что касается общественного питания, восстановление сети его предприятий не везде было однородным.

Также в 1950-х гг. происходят существенные изменения в идеологии общепита. Наравне с категориями рациональности и по-

¹ Запорожец О., Крупец Я. Советский потребитель и регламентированная публичность: новые идеологии и повседневность общепита конца 50-х // Советская социальная политика: сцены и действующие лица: 1940–1985 / Под ред. Е. Ярославской-Смирновой и П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008. С. 316.

² Глуценко И. Роль государственной власти в формировании культуры питания в СССР 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. культурологии. М.: РГГУ, 2014. С. 56.

³ Там же. С. 57–58.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Там же. С. 403.

лезности в идеологическом дискурсе окончательно закрепляются и другие: вкус, разнообразие, изобилие⁶. Прежде всего это прослеживается по партийным нормативным документам. Любопытно, что изначально подобные представления о качественной жизни возникают еще в 1930-х гг., однако здесь существует значительная разница. Если ранее советская власть признавала необходимость восстановления дореволюционного образа жизни и опровергла представление о «нищем» социализме⁷, то в послевоенное время ей приходится подстраиваться под стремление советского «среднего класса» если не соответствовать, то по крайней мере имитировать западную манеру потребления⁸. Речь идет не о подражании «Западу», а о достижении того уровня жизни, который, как представлялось, там возможен. Например, обзавестись собственной квартирой, завести личное пространство. Именно сочетание старых и новых идеологем приводит к эволюции всей культуры потребления, затрагивающей и общепит. Возникает категория «советского вкуса»⁹ – система начинает подстраиваться под изменившийся идеологический дискурс. А тот, в свою очередь, отражает новые запросы населения.

Подобное развитие потребительских запросов в современной историографии нередко оценивается как возникновение особенных, социалистических «буржуазных тенденций»¹⁰, которые оказались неразрывно связаны с представлениями о подъеме уровня жизни в СССР. Идеологическое отношение к общепиту вполне отражало общественные настроения того периода.

Очень важно отметить, что данные тенденции не перечеркивают принципы, на которых был основан институт общепита. Развитие, скорее, можно охарактеризовать как стадийное. Социальный принцип, унификация и стандартизация, а также стремление к цивилизованности, гигиеничности и «полезности» сохраняются, однако с точки зрения советской власти данные цели уже были реализованы и следует двигаться дальше.

К 1956 г. ряд предложений, направленных на усовершенствование общепита, были сформулированы в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 306 от 1 марта 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания». Советское руководство признавало, что в послевоенное время население начинает предпочитать питание дома общественным пространствам, из этого был сделан вывод, что заведения общепита не соответствуют ожиданиям населения¹¹.

Согласно данному документу, «существенными недостатками» в организации общественного питания являются следующие:

- недостаток заведений, который усугубляется их недостаточной пропускной способностью;
- однообразный ассортимент блюд, а также низкое качество приготовляемой пищи;
- заведения практически не обеспечены необходимой техникой, преобладает ручной труд;
- низкая культура обслуживания (медленно, неудобно), и, как следствие, поход в столовую занимает много времени у потребителя.

⁶ Запорожец О., Крупец Я. Указ. соч. С. 318.

⁷ Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 123.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Бензин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 78.

¹¹ Можно предположить, что в представлении советской власти питание людей в общественных местах, подчиненных государству, больше соответствовало идеальному типу советского потребления, чем готовка пищи на личном пространстве из продуктов, которые государство предоставило.

Флагманская идея, определившая официальный вектор развития и улучшения индустрии общепита на ближайший период – «передовые формы работы»¹².

Передовые формы – своего рода проект демократизации общепита. Составители документа предлагали не только расширять сеть заведений и совершенствовать технологии, но и изменить модель работы. С точки зрения Главного управления общественного питания передовой являлась модель самообслуживания. Ее преимуществом, по мнению составителей документа, было существенное увеличение скорости обслуживания, а следовательно, и увеличение пропускных возможностей предприятий. Любопытен следующий комментарий:

У руководителей ряда торгующих организаций, предприятий общественного питания, общественных предприятий и профсоюзных организаций сложилось неправильное мнение, что обслуживание населения в столовых официантами является более культурной формой, чем самообслуживание. Советские и партийные органы плохо вникают в работу предприятий общественного питания и не ведут борьбы с проявлением таких отсталых настроений.

Данный фрагмент интересен как иллюстрация изменений, которые произошли в идеологическом отношении к общепиту. Как было указано ранее, в 1930-х гг., когда категории вкуса и комфорта начали сосуществовать с функциональностью и научностью, умоглядный идеал общепита воспроизводил буржуазную модель. В 1950-х, в свою очередь, отношение изменилось: теперь более прогрессивно воспринимается самообслуживание, куда лучше отражая социалистическую концепцию.

Другим важнейшим направлением признавалось расширение сети предприятий общественного питания. Для достижения этой цели предполагалось не только строить отдельные здания для заведений, но и передавать первые этажи новостроек в ведение Главка общепита.

Отдельным направлением стала адаптация общепита к интересам потребителя, которые заключались в том, что люди все чаще потребляли пищу дома. В связи с этим возникает и запрос на отпуск готовых блюд на дом. Такая модель сейчас нам знакома как «кулинария». Отчасти данная модель возникла ввиду низкой пропускной способности заведений общепита, однако оказалась неожиданно популярной среди потребителей¹³.

Впрочем, идеологические цели не изменились по сравнению с 1920–1930 гг. Улучшение материально-бытовых условий жизни советских людей, перестройка быта на социалистических началах и освобождение женщин от «малопроизводительного домашнего труда» уже являются привычными, повторяющимися лозунгами, под которыми общепит развивался с самого начала¹⁴.

В Москве обязанность по исполнению плана преобразований системы общепита была возложена на Главное управление общественного питания, входящего в состав Главного управления торговли

¹² Постановление ЦК КПСС и Совет министров СССР № 306 от 1 марта 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания» // ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 558. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Глуценко И. Указ. соч. С. 20, 27.

Мосгорисполкома. Данный орган был организован в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 31 декабря 1954 г.¹⁵

План преобразований предусматривал следующие меры¹⁶:

- 1) плановое строительство новых заведений в соответствии с проектом шестого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1956–1960 гг.;
- 2) введение во всех столовых, кафе, чайных, буфетах и закусочных самообслуживания посетителей;
- 3) расширение отпуска обедов, завтраков и ужинов на дом «не менее чем в три раза»;
- 4) улучшение санитарного состояния, а также разработку мер к улучшению качества приготовляемой пищи;
- 5) установление в проектах строительства новых предприятий, МТС, совхозов и учебных заведений помещения под столовые и буфеты;
- 6) оснащение предприятий общепита современной техникой;
- 7) создание органов общественного контроля из рядовых советских граждан для осуществления наблюдения за устранением недостатков.

Стоит отдельно отметить новые формы предприятий, которые получили развитие в соответствии с данным постановлением. Например, передвижные автостоловые позволяли обеспечить торговлю на массовых гуляньях¹⁷. Ряд магазинов и буфетов были специализированы на продаже полуфабрикатов и кулинарных изделий. Буфеты без продавца – одна из демократических форм, в которых покупатель сам оплачивает продукты и берет сдачу. Ассортимент небогатый, но функциональный: бутерброды, салаты, винегрет, пирожки, фрукты, пиво, воды, пирожное, конфеты, папиросы и т. д.¹⁸ Первые буфеты без продавцов возникли еще в 1930-х гг., но чаще в рамках пропагандистских акций, и в 1956 г. было принято решение возродить данную модель.

В 1956 г. Главное управление общественного питания осуществило ряд мер по выполнению плана. Все столовые, закусочные и кафе (за исключением 97 предприятий) были переведены на самообслуживание, при предприятиях было организовано 134 буфета без продавца. Было открыто 44 магазина для продажи полуфабрикатов, кулинарных и кондитерских изделий, а также 267 специализированных столовых при промышленных предприятиях. По данным Отдела организации общественного питания, ежемесячный оборот продукции за год вырос в шесть раз, достигнув 6 млн рублей. Абонементы на завтраки, обеды и ужины продавались в 174 столовых. Кроме того, увеличился в два раза отпуск обедов на дом, ежедневно реализовалось около 35–36 тыс. обедов¹⁹.

Однако были выявлены и существенные недостатки. Многие предприятия оказались переведены на новые формы работы наспех, популярностью данная форма зачастую не пользовалась. Кроме того, хотя количество посадочных мест при предприятиях было существенно увеличено, раздаточных мест оказалось мало, следствием чего стали очереди. Также не было открыто ни одной домашней кухни, так как просто не выделили помещений²⁰.

¹⁵ Положение о Главном Управлении. ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 562. Л. 1.

¹⁶ Постановление ЦК КПСС и Совет министров СССР № 306 от 1 марта 1956 г. «О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания» // ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 558. Л. 4-5.

¹⁷ Социалистические обязательства коллектива работников общественного питания Москвы на 1956 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 622. Л. 2.

¹⁸ Торговля идет без продавца // Вечерняя Москва. 1936. 20 фев.

¹⁹ Справка о работе отдела организации общественного питания в 1956 г. // ЦГА г. Москвы. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 626. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 2–3.

Итак, можно подвести итоги. В послевоенные годы институт общественного питания не был полностью разрушен и достиг прежних количественных показателей уже к 1950-м гг. Однако его популярность по сравнению с домашним питанием падала. В обществе развиваются новые запросы к объектам потребления, начинает формироваться понятие «советского вкуса», затрагивающее все формы повседневности, в том числе и отношение к питанию. Советская власть осознавала данную тенденцию и разработала проект преобразований, которые были направлены на улучшение общественного питания в СССР. Была сформулирована новая концепция «передовых форм работы», которая одновременно противоречила представлениям о «буржуазном» комфорте, характерном для 1930-х гг., и была основана на принципах унификации, стандартизации и социальном уравнивании 1920-х гг. Данные формы включали в себя представления о самообслуживании, синтезе общепита с домашней кухней (в виде продажи кулинарных изделий), а также ориентацией на коллективное питание – улучшение работы общепита в школах и на предприятиях. Кроме того, предполагалось расширение количества предприятий, а также оснащение их современной техникой. В Москве «передовые формы работы» сразу начали внедряться, хотя и с переменным успехом. Но так или иначе, можно утверждать, что следующий этап развития общественного питания в СССР, который примерно можно обозначить как 1950–1960-е гг., существовал под лозунгом самообслуживания, механизации, корпоративности и синтеза с домашней кухней.

Кафедра

УДК 930.25
ББК 79.3

Н.А. Комочев

Методические рекомендации по подготовке учебных рецензий на документальные публикации

Для студентов направления 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», направленности «Государственные и муниципальные архивы», «Архивное дело за рубежом. История, культура и архивы Франции», «Экспертная оценка и реставрация архивных и антикварных документов»

Рекомендации посвящены принципам написания студенческих рецензий на документальные публикации. Подобные задания предусмотрены учебной программой, но требования преподавателей и алгоритм рецензирования для учащихся зачастую остается неясным. Подготовка рецензии предполагает основательное владение археографическими навыками, умение всесторонне оценить документальную публикацию, ее качество и содержание с научных позиций. Методические рекомендации посвящены таким аспектам, как выбор публикации для рецензирования, ознакомление с тематикой и историографией, оценка археографического качества публикации (отбор документов, передача текста, заголовки и легенды, справочные элементы) и возможностей ее использования в исторических исследованиях. Рекомендации адресованы студентам историко-архивных и других гуманитарных специальностей, а также преподавателям, проводящим занятия и практику по археографии.

Ключевые слова: археография, документальные публикации, научное рецензирование, архивное дело, исторический источник, Историко-архивный институт, описание и экспертная оценка документальных материалов

Общеизвестно – научное рецензирование является необходимым фактором развития науки. Как любая экспертиза, рецензирование обеспечивает внутреннюю коммуникацию внутри сообщества и способствует поддержанию качественного уровня выходящих изданий. Рецензии и обзоры научных трудов и публикаций документов сопровождают историю исторической науки с самых ее истоков, причем рассматриваемый жанр в основе своей с течением времени не слишком сильно изменился.

В археографии рецензии на документальные публикации – форма научной коммуникации, выражающая реакцию профессиональной среды или «простых» читателей на проведенную публикаторскую работу. Порой в рецензиях наряду с правильными наблюдениями субъективные и недостаточно взвешенные, а иногда даже явно неверные оценки, однако в любом случае все рецензии выступают ценным источником по истории науки своего времени.

При изучении курса археографии написание учебных рецензий наряду с подготовкой документальных публикаций¹ является одной из эффективной форм самостоятельной работы и

контроля знаний студентов. Учебные рецензии в основном не претендуют на научную значимость, но чрезвычайно важны для лучшего понимания учащимися специфики археографической работы.

Для лучшего знакомства с предметом студентам полезно изучить классические труды, в которых анализируются археографические издания, в том числе книги С.Н. Валка², А.Д. Степанского³, В.П. Козлова⁴ а также пролистать современную архивную («Отечественные архивы», «Вестник архивиста») и историческую периодику, на страницах которой легко найдутся примеры подобных рецензий.

Как правило, рецензии в археографии посвящены вновь вышедшим публикациям. В учебных целях объектом рецензирования вполне может стать как свежая, так и давняя публикация, во втором случае студенту предстоит правильно поставить ее в историографический контекст. Тематика публикаций для рецензий выбирается, по возможности, с учетом научных интересов студента. Логично, когда студент анализирует публикацию, по своему содержанию автономную и самостоятельную: документальный сборник, состоящую из ряда томов документальную серию, самостоятельный электронный ресурс и т. д. Не вполне желательным является учебное рецензирование отдельных журнальных публикаций или выхваченных из общего свода разрозненных томов, если таковые составителями не рассматривались в качестве автономных.

Формальные требования: желательный объем учебной рецензии, формат сносок, необходимость титульного листа, оглавление – определяются и заранее обозначаются преподавателем. Как правило, примерный объем учебной рецензии составляет порядка 7–12 страниц.

В результате внимательного изучения выбранной для рецензирования документальной публикации у студента должно сложиться ясное представление о тематике и задаче издания (по мнению составителей); авторском коллективе и учреждениях-участниках; истории и этапах подготовки публикации; составе архивных фондов и других изданий, материалы которых легли в основу рецензируемой публикации. Все эти данные в сочетании с аналитическими наблюдениями студента фиксируются в учебной рецензии. В ее вступительной части желателен также краткий историографический и источниковедческий обзор с оценкой археографического освоения документов по теме, которой посвящена изучаемая публикация (к моменту выхода публикации и в настоящее время). Обзор позволит лучше показать цель и значение рассматриваемой документальной публикации.

Следующая часть рецензии, как правило, посвящена непосредственно археографическим аспектам. Студенту важно отразить все наиболее характерные особенности подготовки публикации, особенно подчеркнув те случаи, в которых составители отступают от общепринятых методик или вырабатывают собственные приемы исходя из специфики документов и поставленных задач.

Основные аспекты, требующие внимания и комментирования, следующие: критерии отбора документов для публикации; принципы выбора основного текста документов⁵ и оценка проведенной составителями текстологической работы (оригиналы, копии и т. д.); приемы и особенности передачи текста; наличие и характер текстуальных примечаний; наличие и состав заголовков и легенд к документам; систематизация документов; принципы научного комментирования источников по содержанию; указатели к публикации и другие поисковые возможности; содержание археографического предисловия и структура публикации в целом. Каждый сюжет в рецензии по возможности рассматривается обстоятельно и с учетом тех задач, которые составители поставили для себя в предисловии (введении) к публикации.

К числу общих выводов в рецензии относятся наблюдения относительно качества и научного значения публикации. Здесь желательно обратить внимание на точность и внимательность воспроизведения текстов документов; соответствие публикации научным археографическим требованиям; удобство пользования публикацией с позиций «простого» читателя – ясность структуры, доступность, логичность; степень выполнения составителями поставленных задач;

направления дальнейшего совершенствования публикации и продолжения работы; возможности использования публикации в исторических исследованиях.

Таким образом, в результате рецензирования студентом фактически создается полноценное экспертное исследование, охватывающие разные стороны археографической работы. Владение профессиональной терминологией, знание археографических подходов и методик, умение оценить публикацию в научном и культурно-общественном контексте – вот основные компетенции, вырабатываемые в результате опыта рецензирования.

Археография неизменно убеждает нас в том, что как не бывает совершенно одинаковых людей или исторических источников, так невозможно себе представить и совершенно одинаковые документальные публикации или рецензии на них. Каждая публикация представляет собой результат труда составителей в конкретный момент времени и пространства, характеризующиеся определенной исторической и историографической ситуацией. Проще говоря, оправдан подход к документальной публикации как историческому источнику. При рецензировании указанный подход тем более оправдан и необходим, поскольку позволяет рассматривать документальную публикацию в контексте истории, методики и задач археографии, источниковедения, архивного дела и исторической науки. Хорошо проведенная работа позволит студенту понять механизм функционирования и устройства научного знания, что является одной из центральных задач обучения в институте.

Список источников и литературы

- ¹ Подробнее см.: *Комочев Н.А.* Методические рекомендации по подготовке учебных документальных публикаций // *Гуманитарный акцент.* 2020. № 4. С. 83–89.
- ² *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. 290 с.
- ³ *Степанский А.Д.* Археография отечественной истории XX века. М., 2004. 210 с.
- ⁴ *Козлов В.П.* Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М., 2013. 307 с.; *Он же.* Второе археографическое обозрение России XX века. М., 2016. 287 с.
- ⁵ В западноевропейской терминологии речь идет о так называемой традиции документа как совокупности форм, в которых дошел до нас текст документа.

Н.А. Комочев

Выпускная квалификационная работа по археографии: задачи и стратегии

Для студентов направления 46.03.02 «Документоведение и архивоведение», направленности «Государственные и муниципальные архивы», «Архивное дело за рубежом. История, культура и архивы Франции», «Экспертная оценка и реставрация архивных и антикварных документов»

Настоящий методический очерк касается выпускных квалификационных работ по археографии, особое внимание уделено предъявляемым требованиям и возникающим во время подготовки и написания ВКР задачам. Рекомендации призваны способствовать студентам при работе над квалификационным исследованием.

Ключевые слова: выпускная квалификационная работа, археография, Историко-архивный институт, высшее образование, документальные публикации

Выпускные квалификационные работы (ВКР) являются важнейшей формой аттестации знаний студентов и итоговым выражением уровня подготовки. С одной стороны, это работа квалификационная, в ней студент демонстрирует степень владения навыками написания и оформления письменных работ, полученными за время обучения. С другой стороны, качественное исследование почти всегда предполагает научное значение труда, поскольку студент в результате анализа источников и литературы по теме приходит к собственным оригинальным выводам. Отсюда проистекают требования к данному виду работ: студент демонстрирует владение методом научного исследования, а также умение правильно и грамотно оформлять результаты своего исследовательского труда.

Торжественная защита ВКР представляет символически значимый этап, поскольку завершает период обучения на бакалавриате и превращает вчерашнего студента в выпускника. Традиции защит выпускных сочинений в своей основе очень древние и дошли до нас еще со времен средневековых университетов.

Выпускная квалификационная работа позволяет объективно и всесторонне оценить уровень знаний и умений выпускника, поэтому ее написание должно быть результатом сознательной самостоятельной работы в течение достаточного времени. Приветствуется, если выпускная работа в тематическом смысле является прямым продолжением выполнявшихся студентом ранее курсовых работ и рефератов. Длительное занятие определенной темой или научной задачей способствует прочному владению предметом и существенно повышает качество выпускной работы. Следует поощрять и развивать практику, когда студент за несколько курсов до окончания обучения начинает специализироваться на избранной кафедре и приступает к разработке наме-

ченных им совместно с научным руководителем сюжетов, принимает участие в конференциях, публикациях и других научных мероприятиях.

При написании выпускной работы по археографии необходимо понимать, что она сама находится в теснейшей связи со всем комплексом историко-архивоведческих наук, дисциплин и направлений, начиная с источниковедения, архивоведения, вспомогательных исторических дисциплин, и заканчивая информационными технологиями – все это входит в арсенал современного археографа.

Рассматривая документальные публикации, студентам предстоит подходить к ним, как к историческим источникам, то есть продукту своей эпохи, тесно связанному с развитием исторической науки в ее «историографическом измерении» на рассматриваемом этапе, иначе оценка документальных публикаций будет поверхностной. При анализе изданий важно соотносить масштабы публикаторской деятельности с общим массивом сохранившихся источников по рассматриваемой теме и одновременно с источниковедческой и историографической проработкой сюжета. Такой подход необходим для решения вопроса о соотношении археографического фонда и археографической базы (термины А.Д. Степанского) в каждом конкретном случае. Опыт вспомогательных исторических дисциплин полезен при анализе или подготовке публикаций документов, когда необходимо решать вопросы передачи текста памятников или описания их внешних особенностей. Сюжеты, связанные с издательским делом, а также информационными и интернет-технологиями, почти всегда затрагиваются в работах, посвященных археографии новейшего времени. Таким образом, написание выпускной квалификационной работы по археографии неизбежно требует от студента основательного знакомства с дисциплинами, изучаемыми на всех этапах обучения, что еще раз доказывает итоговый характер ВКР.

Выпускная работа показывает как теоретические знания, так и практические навыки студентов. Теория подразумевает знакомство с понятиями «документ», «исторический источник», «документальная публикация» и др. и их классификациями, владение профессиональной терминологией. Практические навыки заключаются в умении подготовить на практике, в качестве приложения к выпускной работе, документальную публикацию, оценить и проанализировать уже имеющиеся издания, а также грамотно изложить результаты своих наблюдений в соответствии с правилами оформления квалификационных работ.

Характерным признаком работы по археографии является постановка темы и цели исследования, в центре которого стоят, как правило, исторические или практические основы подготовки документальных публикаций.

При выборе темы исследования, а также предмета и объекта изучения следует ориентироваться на уже имеющийся в этом деле опыт. Выпускные квалификационные работы по археографии могут быть посвящены вопросам теории, истории или методики. Теоретические аспекты связаны, как правило, с границами археографии как научной дисциплины, ее задачами и соотношением с другими дисциплинами и направлениями.

История археографии включает анализ публикаций документов определенных видов или эпох, или источников, объединенных тематически. Возможно также рассмотрение вклада в археографию отдельно взятого лица или учреждения (археографы, археографические центры).

Методические аспекты подразумевают изучение отдельных этапов археографической работы, таких, например, как передача текста документов или выбор текста для публикации. Вопросы, связанные с содержанием рассматриваемых публикаций (то есть сами опубликованные источники), также могут составлять предмет для изучения, если только речь идет не исключительно об источниковедении. В одной выпускной работе возможно сочетание сразу нескольких подходов.

Хронологические и тематические границы при выборе темы выпускной квалификационной работы по археографии достаточно широки, что позволяет легко приблизить их к научным интересам студента.

При написании выпускной работы вначале, как правило, студент на основании своего первоначального знакомства с источниками и литературой и при консультации с научным руководителем определяет общую цель исследования, решению которой будет посвящена его работа. В тексте ВКР цель исследования и основной корпус источников видны из названия работы, ее объекта и предмета. Для уточнения направления дальнейших действий студенту предстоит, с учетом выбранного генерального пути, более основательно познакомиться с источниками и литературой по интересующим его сюжетам. Результатом данного знакомства является составление плана работы и предварительного варианта списка использованных источников и литературы. И план, и список согласовываются с научным руководителем и обсуждаются на кафедре в качестве первого этапа подготовки ВКР. Дальнейшие действия студента заключаются в решении поставленных им задач. При этом необходимо учитывать следующие моменты.

Выпускная квалификационная работа имеет вполне определенный состав: титульный лист, оглавление, введение, главы, заключение, список использованных источников и литературы, приложения (возможны).

Каждая составная часть выпускной работы также имеет свою структуру и строится в соответствии с научной логикой и формальными требованиями к оформлению работ. Составные части ВКР между собой находятся в естественном балансе. Наиболее строго соблюдаются традиции написания введения, которое традиционно имеет следующие разделы: актуальность темы исследования, источники исследования, историография. Кроме того, во введении определяются объект, предмет, цели и задачи ВКР, а также методы исследования, научная новизна и структура работы. Порядок разделов в некоторых случаях может меняться, но их наличие обязательно во введении к любой выпускной работе. При изложении результатов своего исследования студенту предстоит освоить необходимую культуру цитирования, которая позволяет строго отделять выводы автора от наблюдений и фактов, зафиксированных в источниках и литературе. Только такой подход позволяет вполне оценить степень новизны и значимости выпускной работы. В заключении к работе в целом (а также в завершающих абзацах в конце глав) должны быть приведены аргументированные выводы, к которым студент пришел в результате проведенного исследования.

Выпускная работа подводит итог обучению студента в высшем учебном заведении. Однако в том случае, если она содержит оригинальные и значимые наблюдения и выводы, сама ВКР может стать ступенью для квалификационных работ более высокого уровня (диссертаций) и работ собственно научных (статей, монографий). Если в задачи студента входит продолжение образования или стремление к научной карьере, ВКР является для него залогом новых научных и профессиональных успехов. А для будущих историков науки тематика, качество и степень новизны студенческих ВКР могут стать одним из ярких показателей развития образования и науки.

Abstracts

Egor A. Bazhenov

Forms of authority of the Alamans and Quads
in the second half of the 4th century AD
(according to Ammianus Marcellinus)

The article discusses the social system of the ancient Germans times of the Great Migration Period. Particular emphasis was placed on the organisation of authority in the Germanic tribes of Alamans and Quads in the second half of the IV century AD. The author is predominantly relying on the information of the late antique Roman historian Ammianus Marcellinus. The research emphasizes that each of the leaders of the Alamans ought to conduct its independent foreign policy and, despite the precedent of unification under the rule of a brave and active supreme military leader, such associations were not permanent and disintegrated soon after the loss of the figure of the main leader. It's noted that in the perception of Romans, each of the Alaman leaders had their state education. According to the author, the form of power among the Quads was more organized and characterized by a significant degree of political consolidation tied to the subordination of small tribal leaders to a larger one, which is reflected in the term "subregulus", which was used by Ammianus Marcellinus. Strong rulers of this tribe met back in the I century AD, which allows us to assume the preservation of those in later times. It allowed the Quads, even in the absence of a supreme ruler, to develop a single external policy and make decisions common to all Quads. It is noteworthy that the Romans perceived the union of the quads as one state, since the II century AD, which was reflected on the coins of the Roman emperors, and in the messages of Ammianus Marcellinus. Thus, the author questions the assertion of researchers that only before the Great Migration Period, the alliances of Germanic tribes were fragile, since partly as such they remained in the second half of the IV century AD.

Keywords: Barbarians; late antiquity, ancient Germans, Alamanni, Quadi, authority, Ammianus Marcellinus

Anna A. Moisa

"The pacified widow of Dr. Martin Luther":
a publication of Katharina's von Bora letter

The Reformation, which marked the beginning of the early modern period, is inextricably associated with Martin Luther's name. Already during his lifetime, the founder of the Protestantism left his name go down in history. Later his doctrine became the subject of many researches, and his works and writings have been translated into several languages.

However, the researchers paid much less attention to Luther's private life, to his close, family circle: even though the Reformation ideas were put into practice right there. Therefore, not only the protestant norms of marital relationship, but also the verbalization of personal feelings, which was characteristic for a modern period, are evident in the family correspondence. To explore these peculiarities, we publish a translated fragment of Katharina von Bora's letter written on the 2nd of April 1546, two months later after her husbands' death. The translation was made on the 1854 publication "Dr. Martin Luthers Briefe, Sendschreiben und Bedenken" ("Dr. Martin Luther's letters, messages und thoughts") by Wilhelm Martin Leberecht de Wette. Addressed to Katharina's sister-in-law, Christina, the letter is a part of von Bora's family correspondence. Although the thematically chosen fragment fully focuses on Luther's death, the widow's grief isn't the only thing, which had been entrusted to the close person, and can be found in the letter. It also represents the epoch's values, when even a deep mourning person in the revelation moment doesn't forget about a correct display of emotions, doesn't overstep the bounds of accepted orienteers.

Keywords: Reformation, Katharina von Bora, Martin Luther, Protestantism, early modern period, correspondence

Yuliya S. Shipitsyna

The sensual aspects of British botanist's scientific enthusiasm of the 18th century

The article is according to the problem of imaginative deformations and stereotypes about scientific botanists in 18th-century Britain. The moral and ethical ideas about behavior and motivation of naturalists (not only ideals of scientist, but also the real persons) became the object of research in the context of "new sensibility", coming over the modern humanities. The author investigates the reasons of prejudice's appearance, ways and typical character of those manifestation and consequences for scientist's biographies and careers: both men and women. The special attention is paid to attempts of botanists to debunk stereotypes about sexualization of their professional practices. The possible ways of overcoming of stereotypes are examined using the examples of Joseph Banks' career of naturalist and Priscilla Wakefield's literary activities.

Keywords: gender stereotypes, history of systematic, history of botany, Joseph Banks, Priscilla Wakefield

Anastasiya G. Nikolaeva

The interior of a Russian manor of the first half of the 19th century as a cultural phenomenon

This article is devoted to the formation of the phenomenon of Russian estate culture, which began to form after the manifesto of Peter III. The characteristic features of the manor interior in the era of classicism are studied in detail. The decoration of rooms and house spaces is ana-

lyzed on the example of palaces-manors and small estates near Moscow. In the course of the work on the article, various sources were used: memoirs, works of graphics, photographs and postcards from various collections.

Keywords: interior, russian manor, classicism, nobility, suburban manors, manor architecture, culture

Emiliya V. Kloos

Following V.A. Gilyarovsky: the study
of the author's poetry in the context of biography

This article is devoted to the poetry by V. A. Gilyarovsky as a source for the study of his biography. The author studies the connection between ideological positions, stages of life and his poetic creativity. The work is based on a biographical method that helps to better understand the writer's work. Examples of poems, supported by excerpts from his memoirs, highlight his main stages of life. For the first time, an attempt is being made to systematize and identify thematic features of V. A. Gilyarovsky's poetic creativity. It can be divided into several recurring and most popular themes: the cossacks, nature, war and love. The article introduces the collections "The Forgotten Notebook" and "The Terrible Year" into scientific circulation.

Keywords: poetry of V.A. Gilyarovsky, biography, Forgotten notebook, My wanderings, Moscow and Muscovites

Nadezhda N. Mininkova

Memoirs and diaries of A.G. Koonen
as a source for studying the theatrical life of Moscow
at the beginning of the 20th century

This article is devoted to the study of sources of personal origin: the diaries and memoirs of the Russian dramatic actress A.G. Koonen. The materials are presented as a valuable historical source for the study of theatrical life in Moscow at the beginning of the 20th century. The comparative analysis of her diaries (1904–1950) which were the eventual basis of her memoir (1975) reveals valuable facts about the history of three theaters: Moscow Art Theater, Svobodny Theater and Kamerny Theatre, and also reveals the degree of subjectivity of the author, her goals, and her motives for creating sources, which significantly increases their potential for historical value.

Keywords: sources of personal origin, diaries, memoirs, Kamerny Theatre, A.Ya. Tairov, A.G. Koonen, dramatheater

Yana V. Pribytkova

A premonition of change: the thaw
in Soviet cinema in the sixties of the 20th century
on the example of film “July rain”

The article examines the aspects of the influence of political and cultural interconnection in the Soviet cinema of the 60s of the 20th century. What features indicate that the period of freedom in the existence of people is leaving. Marlen Khutsiev’s film “July Rain” is a definite cultural marker of the end of the thaw era. The study presents the most important socio-political features of the end of the thaw and the transition to the era of stagnation using cinematic and script techniques.

Keywords: “otpepel”, Marlen Khutsiev, “July Rain”, cinema, history of art, archives, epoch sings

Georgii A. Aleksandriiskii

“There is hardly another such Moscow..”
Architectural school of Matvei Kazakov
in the memoirs of architect Vladimir Bakarev

The author of the article suggests using the architect V.A. Bakarev’s memoirs as a source for studying the Moscow school of architecture of Matvei Kazakov. Kazakov’s students, including Alexey Bakarev. Osip Bove, Ivan Egotov, Rodion Kazakov, Ivan Tamansky built churches, civil structures, estates, and also engaged in restoration work. Vladimir Bakarev’s memoirs contain interesting information about the life and work of the masters who built Moscow at the turn of the 18–19th centuries. The article will be of interest to architects, art historians, historians, local historians, as well as anyone interested in the history of Moscow.

Keywords: history of Moscow, classicism, pseudo-gothic, Moscow school of architecture, architectural school of kazakov, expedition of building of the kremlin, church building, Moscow private residences

Aleksandr F. Il'yashenko

The perception by the Russian Germans
of the Napoleon’s Moscow capture

The article is devoted to the perception by the Russian Germans of the events that took place in Moscow during the period of its capture by Napoleon, and their daily life during this period of time. The Moscow Germans were a separate group that was attacked by ordinary Russians and soldiers of the Great Army. In historiography, there are many works analyzing the causes of the fire in Moscow, but there are almost no studies that study the situation and perception of foreigners in the captured city. The well-known freemason and merchant of German origin I.-A. Rosenstrauch wrote memoirs reflecting his religious perception of

the world, while the main goal of Dr. A.V. Nordhof, there was a truthful testimony of what happened and an indication of the perpetrators of the Moscow fire – Count F.V. Rostopchin and P.A. Ivashkina. The consequences of the burning of the city included the loss of discipline in Napoleon's army, as well as the huge economic losses and misfortunes of the remaining townspeople, according to the memoirists. The Moscow Germans feared peasants and courtyards because of their unreasonableness, hostility to foreigners and a tendency to plunder. After the arrival of the Great Army, the soldiers of Napoleon began to pose the main danger, robbing the inhabitants of the city along with officers and some Russians.

Keywords: Moscow Germans, Russian Germans, Moscow fire, perception of events, everyday life of Germans, looting, looting, memoirs, Rosenstrauch, Nordhof, capture of Moscow, foreigners

Anna A. Karandeeva

Personal archive of A.G. Kozlov (1888–1969) –
a participant of the Russian Civil war: how it was formed

The article is dedicated to a study of the biography and documentary heritage of A.G. Kozlov (1888–1969) – a participant in the Civil war in Yakutia. The subject was chairman of the Yakutian provincial revolutionary tribunal (“gubrevtribunal”) and chief-of-staff to the commander of Yakutia. In 1920–1923 A.G. Kozlov took part in the Soviet effort to establish control over Yakutia. Under the command of I.Y. Strod he fought against General A.N. Pepelyaev during the final battles of the Civil war. Forty years later he began to search for archival information about these events and started to write his memoirs. He also corresponded prolifically with other participants of the Civil war in Yakutia. In this, Kozlov was motivated by the critical point of view some 1950s and 60s historians took of his and his companions' actions towards the indigenous population of Yakutia. The major part of A.G. Kozlov's personal archive is kept at the Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities. One of A.G. Kozlov companions, L.I. Lebedev – in the 1920s, first secretary of the Provincial RKPb bureau in Yakutia and vice-chairman of the provincial revolutionary committee (“gubrevkom”) – asked T.P. Korzhihina for help in archival research. At that time a postgraduate student of the Moscow State Institute for History and Archives, later T.P. Korzhihina obtained a candidate of science degree and became a professor. Her Ph.D research was devoted to the history of the Yakutian civil service in 1917–1922. This article is an attempt to highlight the circumstances in which A.G. Kozlov's personal archive was formed and given to the Moscow State Institute for History and Archives.

Keywords: A.G. Kozlov, G.I. Lebedev, T.P. Korzhihina, I.A. Strod, A.N. Pepelyaev, Civil war, history of Yakutia, Yakutian campaign, personal archive, Moscow State Institute for History and Archives

Anna V. Koroleva

Reports by Antoine de Saint-Exupéry about the USSR
(Newspaper “Paris-soir”, may 1935)

This article provides an overview of Antoine de Saint-Exupéry’s reports on his visit to the USSR in May 1935. The article discusses the following questions: how foreigner’s opinion of the Soviet Union is evolving, Soviet legislation, the aviation accident on Khodynskoye Pole on May 18, 1935, how French governess’ life is changed during the revolution and civil war. While on the territory of the USSR, A. de Saint-Exupéry analyzes the daily life of the Soviet people and comparing it with the daily life of the French people. In all of Exupéry’s reports, there is a desire to see the horrors of the revolution, but he finds them only in the memoirs of “Mademoiselle Xavier” who lives in Moscow. To write this article, modern information resources were used: the website of the National Library of France and the East view database. The uniqueness of this work is the study of the history of the USSR in foreign periodicals.

Keywords: Newspaper “Paris-soir”, Antoine de Saint-Exupéry, ANT-20, USSR, the 1935 Mutual Assistance Pact between France and the USSR, Minister of Foreign Affairs Pierre Laval, parade on May 1, 1935, the Khodynskoye field disaster May 18, 1935, French governess in the USSR, civil war, revolution

Dmitrii S. Folomeev

New directions of development in public catering
of the USSR in the post-war period

The article is devoted to the issue of transformations that occurred with the catering system in the Soviet Union after World War II. The author considers the process of catering development as a separate, independent institution of the Soviet state, directly related to the process of formation of a special Soviet everyday life. Based on the documents of the Main Department of Public Catering at the Main Department of Trade of the Moscow City Executive Committee, contained in the funds of the Central State University, the author concludes that the transformations carried out in the 1950s in the field of public catering were a natural result of the crises that existed at that time.

Keywords: public catering, history of everyday life, Soviet studies, USSR, internal policy of the USSR, consumer studies

Nikita A. Komochev

Methodological recommendations
for the educational review
of documentary publications

The recommendations are devoted to the principles of writing student reviews of documentary publications. Such tasks are provided by the program, but the requirements of teachers and the review algorithm for students often remain unclear. The preparation of a review involves thorough knowledge of archeographic skills, the ability to comprehensively evaluate a documentary publication, its quality and content from a scientific standpoint. Methodological recommendations are devoted to such aspects as the selection of a publication for review, familiarization with the subject and historiography, evaluation of the archeographic quality of the publication (selection of documents, text transmission, titles and legends, reference elements) and the possibilities of its use in historical research. The recommendations are addressed to students of historical and archival and other humanities specialties, as well as colleagues who conduct seminars/workshop and practice in archaeography.

Keywords: Archeography, documentary publications, scientific review, archival work, historical source, the Historical and Archival Institute, description and expert evaluation of documentary materials

Nikita A. Komochev

Final qualifying work in archaeography:
tasks and strategies

This methodological essay concerns final qualifying works on archaeological topics, special attention is paid to the requirements and tasks arising during the preparation and writing of works. The recommendations are intended to assist students when working on a qualifying study.

Keywords: Final qualifying work, archeography, the Historical and Archival Institute, higher education, documentary publications

Сведения об авторах

Александровский Георгий Алексеевич, студент, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, alexandrijsky@gmail.com

Баженов Егор Антонович, студент магистратуры, Учебно-научный центр социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет, egor-bazhenov@yandex.ru

Ильяшенко Александр Филиппович, студент магистратуры, Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, a.iljaschencko@ya.ru

Карандеева Анна Андреевна, студентка магистратуры, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, karandeeva.a@rggu.ru

Клоос Эмилия Валерьевна, студентка магистратуры, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, milka.mm752@gmail.com

Комочев Никита Алексеевич, канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; доцент, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, komni@list.ru

Королева Анна Витальевна, студентка магистратуры, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, anika1995baranova.com@gmail.com

Мининкова Надежда Николаевна, студентка, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, mininkova.nadezhda@mail.ru

Мойса Анна Александровна, студентка магистратуры, Историко-филологический факультет, Российский государственный гуманитарный университет, mojsa.an@yandex.ru

Николаева Анастасия Георгиевна, студентка, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, nastasya-georgievna@yandex.ru

Прибыткова Яна Владимировна, студентка, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет, yapribv@yandex.ru

Фоломеев Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры, Учебно-научный центр социальной антропологии, Российский государственный гуманитарный университет, agusrex@yandex.ru

Шипицына Юлия Сергеевна, аспирант, лаборант-исследователь, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина, shipitsyna.phd@gmail.com

Authors' data

Aleksandriiskii Georgii A., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, alexandrijsky@gmail.com

Bazhenov Egor A. – masters' degree student, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities, egor-bazhenov@yandex.ru

Folomeev Dmitrii S., masters' degree student, Center for Social Anthropology, Russian State University for the Humanities, aruspex@yandex.ru

Il'yashenko Aleksandr F. – master's degree student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, a.iljaschencko@ya.ru

Karandeeva Anna A., master's degree student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, karandeeva.a@rggu.ru

Kloos Emiliya V., master's degree student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, milka.mm752@gmail.com

Komochev Nikita A., Ph.D. in History, researcher, RAS Institute of Slavic Studies; associate professor, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, komni@list.ru

Koroleva Anna V., master's degree student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, anika1995baranova.com@gmail.com

Mininkova Nadezhda N., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, mininkova.nadezhda@mail.ru

Moisa Anna A., master student, Russian State University for the Humanities, mojsa.an@yandex.ru

Nikolaeva Anastasiya G., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, nastasya-georgievna@yandex.ru

Pribytкова Yana V., student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, yapribv@yandex.ru

Shipitsyna Yuliya S., postgraduate student, researcher, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University, shipitsyna.phd@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 7,0.
Заказ № 1349

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6